

Путь в 30 лет

Тридцать лет тому назад из печати вышел 1-й номер "Русской речи". В связи с этим знаменательным событием в жизни журнала его главный редактор академик РАО **Виталий Григорьевич КОСТОМАРОВ** своими размышлениями о русской речи последних десятилетий и о "Русской речи" делится с читателями журнала и его корреспондентом **Н.А. РЕВЕНСКОЙ**.

– В 1967 году появился новый научно-популярный журнал Академии наук – "Русская речь", издание, посвященное русскому языку и рассчитанное на широкие читательские круги.

Виталий Григорьевич, Вы, тогда молодой, но уже авторитетный ученый, стояли близко к колыбели этого издания. Как оно родилось? Кому принадлежала идея его создания?

– У "Русской речи" своя предыстория. Идея создания журнала вызревала долго, а появилась она у Сергея Ивановича Ожегова. Он вообще был человеком очень увлеченным, и если чем-то загорался, то делал все, чтобы свою идею воплотить в жизнь. К сожалению, ему не довелось увидеть свою мечту реализованной. Журнал начал выходить, когда Сергея Ивановича уже не было в живых.

– 60-е годы – это было время, когда в нашем обществе резко возрос интерес к проблемам языка: как мы говорим, как пишем. Наверное, идея создания журнала была вызвана этим интересом?

– Трудно объяснить, почему в послевоенные годы в нашем обществе возникла такая тяга к культуре речи. Видимо, к этому времени язык очень заостренел, а может, слишком много выстрадал за первые десятилетия после революции, отвечая социально-политическим требованиям тоталитарного государства.

В то же время два выдающихся ученых Е.С. Истрина и С.П. Обнорский попытались теоретически осмыслить эту ситуацию. В сущности, они продолжили связанную с авторитетом М. Горького дискуссию 1934 года, которая насаждала пуризм, требовала писать *по-русски*, а не *по-вятски*, не *по-балахонски*, т.е. долой все, что не осязаемо нормой классики, научной формой, идеологической "правильностью" и т.п.

Такая тенденция неизбежно сказалась на резком разграничении разговорной речи и речи письменной, книжной, научной. Человек на трибуне никогда не говорил так, как в обычной, повседневной жизни и наоборот. Этот разрыв в первую очередь почувствовали писатели и начали бороться за либерализацию языка. Не обходилось здесь и без крайностей, а порой и курьезов. Например, известный писатель Алексей Югов стал ругать всех лингвистов за то, что они якобы запрещают употреблять многие слова. А дело в том, что он взял словарь русского языка и, обнаружив там пометы *диалектное*, *просторечное*, *высокое*, *устарелое*, решил, что эти слова подлежат запрету.

Много сил к "реанимации" русского языка приложил Корней Иванович Чуковский. Недаром, он вслед за Гоголем русский язык воспринимал "живым как жизнь". Чуковский одним из первых начал говорить о "канцелярите", именно в нем он видел главный порок современной ему речи. Корней Ивановича коробило, когда вместо *ливня*, *града*, *снега* говорят *метеосадки*, вместо *ванной* и *уборной* – *санузел*, вместо *зонтов* и *тростей* – *палочные изделия*. Он с болью отмечал, что язык наш скован формализмом, каким-то набором разрешенных фраз, которые убивают смысл сказанного.

А лингвисты молчали...

По существу, С.И. Ожегов был первым, кто попытался объективно взглянуть на сложившуюся ситуацию и теоретически обдумать не-

которые понятия, прежде всего – что такое правильная речь, литературный язык.

Надо сказать, что литературный язык лингвистов интересовал всегда, но в основном – в историческом плане: как он складывался, на каком диалекте возник и т.д. А для Сергея Ивановича главным было – как объяснить обыкновенному человеку, нелингвисту, что такое *литературный язык*, что такое *правильный язык*. В этом его решительно поддержал академик В.В. Виноградов, сам выступив с серией статей по речевой культуре.

Скажем, я знаю, что нельзя говорить *ейный*, надо говорить *её*. А вот *ихний* – здесь труднее. У русских классиков мы встречаем и такую форму. Вот здесь-то и возникала необходимость научного размышления – что есть *правильный язык*.

– Тогда и появилось новое направление в лингвистике – культура речи?

– Да. И Сергей Иванович Ожегов добился создания отдельного сектора тогда еще в Институте языкознания, который стал заниматься этими проблемами. К слову сказать, позволю себе небольшое отступление, что в названии понятия *литературный язык* сказалось влияние немецкой традиции: *Literatursprache* "литературный язык". Именно из немецкого мы взяли это определение. Немцы еще говорят *Hochsprache* "высокий язык" и *Bühnensprache* "сценический язык". Эти определения порождены условиями, взаимоотношениями немецких диалектов, где носитель одного диалекта может не понять говорящего или пишущего на другом. Им необходимо было выбрать койне, общий язык. У нас же такого никогда не было. От Баренцева и до Черного морей, от Балтики до Тихого океана (через одиннадцать часовых поясов!) все понимают друг друга, несмотря на различия говоров.

Главное назначение своего сектора С.И. Ожегов видел в создании не только теории культуры речи, но и такой службы, которая могла бы давать практические рекомендации – как правильно говорить и писать. В какой-то степени это было связано с его работой над словарем русского языка, строго нормативным словарем. В это же время он задумал книгу "Правильность русской речи", которую, кстати, давно следовало бы переиздать, и руководил составлением словаря "Русское литературное произношение и ударение" вместе с Р.И. Аванесовым. Тогда же "пошли в рост" и орфографические словари при участии С.Г. Бархударова и А.Б. Шапиро.

В те же годы появился целый ряд молодых ученых – теоретиков и популяризаторов русского языка, таких, как Л.И. Скворцов, М.В. Панов, Л.П. Крысин, Л.П. Калакуцкая, Т.Г. Винокур, Л.К. Граудина, Г.А. Золотова, Б.З. Букчина и другие. Они участвовали в создании научной основы для практических рекомендаций, чтобы не было

вкусовщины типа "это мне нравится, а это не нравится". Речь шла и о целых категориях, и об отдельных словах. Например, как регулировать: *канистр* или *канистра*. Это слово было тогда новым, оно появилось во время войны: *канистра с бензином*. По настоятельному "велению" Сергея Ивановича я начал разбираться с этой *канистрой*, тем более, что за этим словом стоял большой ряд слов с подобными колебаниями: *клавиш* – *клавиша*, *рельс* – *рельса* и т.п. Меня тогда заинтересовали и взаимоотношения профессиональной речи с литературной нормой.

Так из отдельных наблюдений постепенно складывалась научная теория культуры речи.

И вот эти историко-лингвистические условия привели Сергея Ивановича Ожегова к мысли, что нужен какой-то печатный орган, который, с одной стороны, просвещал бы людей, а это главное, так как никаких разговоров о культурной речи не может быть при очень низкой лингвистической грамотности населения, а с другой – давал бы возможность ученым обмениваться взглядами по тем или иным вопросам русистики, но с учетом практических нужд носителей русского языка.

Но в те годы Сергей Иванович не смог добиться создания такого журнала. Открытие любого нового печатного органа в то время являлось событием государственного масштаба, для этого требовалось решение ЦК, а иногда и Политбюро. Но ему удалось открыть непериодическую серию сборников "Вопросы культуры речи". Вышло восемь таких выпусков. Именно эти сборники подготовили рождение журнала "Русская речь" в 1967 году. Мечта очень многих людей, и прежде всего С.И. Ожегова, воплотилась в жизнь. Это издание успешно совмещает просветительские функции с научным подходом к самым разным проблемам русского языка.

– *Главными редакторами "Русской речи" были в свое время В.И. Борковский, В.В. Иванов, В.П. Вомперский. Вы, Виталий Григорьевич, всегда были рядом с журналом, его постоянным автором и другом. Как Вы оцениваете путь, пройденный "Русской речью" за эти годы?*

– Не всегда этот путь был прямым и гладким. У журнала широкий круг читателей – очень разных по своему уровню. С одной стороны – филологи-лингвисты, преподаватели и студенты, а с другой – школьники, инженеры и агрономы, домохозяйки и пенсионеры, это те люди, которые просто интересуются русским языком, "болеют" за его настоящее и будущее. Да и за рубежом у "Русской речи" есть свои почитатели. И для всех них журнал должен быть интересным. Не всегда это удавалось. Например, в первое десятилетие журнал бывал разным: вначале популярным, затем слишком научным, и тогда многие простые люди – нелингвисты – оказались за кругом читателей. Потом

они возвратились – после прихода В.В. Иванова в качестве главного редактора. Журналу в те годы – это было 20 лет назад – удалось добиться равновесия в сочетании научности с популярностью изложения.

На успешное решение этой сложнейшей задачи работала и вся редколлегия журнала, прежде всего такие популяризаторы науки о русском языке, как В.П. Вомперский, который впоследствии на посту главного редактора сменил В.В. Иванова, Н.И. Толстой, И.Г. Добродомов, Ф.П. Сороколетов и многие другие. Институт русского языка имени В.В. Виноградова помогал расти и развиваться своему детищу. Постоянными авторами "Русской речи" на протяжении всех лет ее существования были научные сотрудники Института: Р.И. Аванесов, О.Н. Трубачев, Л.П. Жуковская, Г.А. Богатова, Б.С. Шварцкопф, Г.С. Баранкова, Ж.Ж. Варбот, Г.П. Смолицкая, ленинградские ученые С.А. Фомичев, В.Э. Вацуро, В.Н. Сергеев, Е.А. Левашов, В.В. Колесов, В.М. Мокиенко... Этот список можно продолжать очень долго, да простят меня те, кого не назвал.

Так сложился круг авторов, которым журнал дорожит и без которого себя не мыслит, хотя и стремится к его расширению.

– Позволю себе добавить, что в составе наших авторов люди из самых разных регионов – Украины, Казахстана, Грузии. С распадом Союза наши связи не оборвались, и нас это радует. Вообще, "география" публикаций на наших страницах богата и разнообразна: Курск и Смоленск, Киров и Иркутск, Ростов-на-Дону и Волгоград, Вологда, Рязань и даже Сахалин.

Виталий Григорьевич, "Русская речь", судя по всему, находится сейчас на пороге нового этапа своего существования: новый главный редактор, новая роль – орган Совета по русскому языку при Президенте России. Как главный редактор и член Совета каким Вы видите журнал в обозримом будущем?

– Прежде всего журнал должен сохранить и развивать все то лучшее, что он накопил за 30 лет – и традиции, и позиции в обществе. Это немало.

В свое время Осип Мандельштам так говорил о русском языке: "Столь высоко организованный, столь органический язык не только дверь в историю, но и сама история". Я думаю, что "Русская речь" должна быть такой "дверью" в кладовые русского языка, в его сокровищницу для самых широких кругов населения. Задача журнала – показывать, объяснять то, что было, и то, что происходит в языке сейчас, научить объективно оценивать языковые факты прошлого и настоящего, а следовательно, помочь нашему современнику овладеть всеми накопленными в языке богатствами.

Это необходимо, потому что лингвистическая осведомленность нашего населения, как я уже говорил, находится на вопиюще низком

уровне. К тому же и сам русский язык подвергается сейчас стремительным изменениям (это отдельная, большая и больная тема).

Культура речи, как и любая человеческая деятельность, должна быть связана со свободным индивидуальным выбором. Но для того чтобы сделать выбор, надо з н а т ь. Выбор должен быть обоснованным. И если человек говорит: "А мне так нравится", – то он не имеет права выбора. Он должен уметь доказать правомерность своего выбора или хотя бы убедить меня в том, что он не с потолка схватил данное решение, а разумно подошел к нему. Эта общая позиция, принципиальная для любых жизненных ситуаций, должна быть применима и к языку. Как минимум надо з н а т ь и п о н и м а т ь, что такое правильное и неправильное в нашей речи и почему.

Но, к сожалению, нам до этого еще далеко. Спросите любого, какой предмет в школе был для него самым скучным. Ответят – "русский язык". Понятно, почему. Потому что изучение его сведено к з а у ч и в а н и ю правил орфографии и пунктуации. Только в последнее время в школе стали заниматься стилистикой, историей языка, культурой речи, риторикой, да и то не везде.

– Я хочу, чтобы Вы пояснили: что значит делать выбор в языке? Вы имеете в виду стилистику, нормативно-ненормативно или что-то другое? Ведь люди в своей массе обычно не сомневаются в том, что говорят правильно, и проблема выбора для них встает крайне редко.

– В том-то и дело, надо, чтобы они сомневались и чаще заглядывали в словари и справочники. Ведь известно, что чем меньше человек знает, тем больше он уверен в правильности своего знания.

Проблема выбора возникает там, где есть какое-то колебание: *на двёри* или *на дверй*, *в связи* или *в связй*. А там, где нет колебаний, там и выбора нет. Никто ведь не говорит "я сижу за стол", все говорят: "Я сижу за столом".

– Самый первый номер "Русской речи" открывался такими словами: "Не любить родную речь нельзя, знать и чувствовать ее необходимо. В ней душа народа, мысли народа, прошлое, настоящее и будущее народа".

– Замечательные слова. Спустя 30 лет можно только подписаться под ними.

”Снова тучи надо мною...”

Методика анализа стихотворного текста

*М.Л. ГАСПАРОВ,
академик РАН*

Эта заметка представляет собой вступительную лекцию к небольшому курсу “Анализ поэтического текста” – о технике монографического разбора отдельных стихотворений. В 1960–1980-е годы это был модный филологический жанр: он позволял исследователям тратить меньше слов на общеобязательные рассуждения об идейном содержании произведения и сосредоточиваться на его поэтической технике. Тогда вышло даже несколько книг, целиком посвящённых таким разборам: прежде всего, это классическая работа Ю.М. Лотмана “Анализ поэтического текста” (теоретическое введение и серия образцовых конкретных анализов). М., 1972; и затем три коллективных сборника, в которых есть и более удачные и менее удачные разборы: “Поэтический строй русской лирики”. Л., 1973; “Анализ одного стихотворе-

ния". Л., 1985; "Russische Lyrik: Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse". München, 1982. Но в большинстве этих статей авторы старались не задерживаться на начальных, элементарных этапах анализа, общих для любого рассматриваемого стихотворения, и торопились перейти к более сложным явлениям, характерным для каждого произведения в особенности. Мы же постараемся сказать о тех самых простых приёмах, с которых начинается анализ любого поэтического текста – от самого детски-простого до самого утончённо-сложного.

Речь пойдёт об анализе "имманентном" – то есть не выходящем за пределы того, о чём прямо сказано в тексте. Это значит, что мы не будем привлекать для понимания стихотворения ни биографических сведений об авторе, ни исторических сведений об обстановке написания, ни сравнительных сопоставлений с другими текстами. В XIX веке филологи увлекались вычитыванием в тексте биографических реалий, в XX веке они стали увлекаться вычитыванием в нём литературных "подтекстов" и "интертекстов", причём в двух вариантах. Первый: филолог читает стихотворение на фоне тех произведений, которые читал или мог читать поэт, и ищет в нём отголоски то Библии, то Анакреона, а то последнего журнального романа того времени. Второй: филолог читает стихотворение на фоне своих собственных сегодняшних интересов и вычитывает в нём проблематику то социальную, то психоаналитическую, то феминистическую, в зависимости от последней моды. И то и другое – приёмы вполне законные (хотя второй – это по существу не исследование, а собственное творчество читателя на тему читаемого и читанного им); но начинать с этого нельзя. Начинать нужно со взгляда на текст и только на текст – и лишь потом, по мере необходимости для понимания, расширять своё поле зрения.

По опыту своему и своих ближних я знал: если бы я был студентом и меня спросили бы: "Вот – стихотворение, расскажите о нём всё, что вы можете, но именно о нём, а не вокруг да около", – то это был бы для меня очень трудный вопрос. Как на него обычно отвечают? Возьмём для примера первое попавшееся стихотворение Пушкина – "Предчувствие", 1828 года: прошу поверить, что когда-то я выбрал его для разбора совершенно наудачу, раскрыв Пушкина на первом попавшемся месте. Вот его текст:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомлённый,
Равнодушно бури жду:
Может быть, ещё спасённый,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твоё воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Скорее всего, отвечающий студент начнёт говорить об этом стихотворении так: «В этом произведении выражено чувство тревоги. Поэт ждёт жизненной бури и ищет ободрения, по-видимому, у своей возлюбленной, которую он называет своим ангелом. Стихотворение написано 4-стопным хореем, строфами по 8 стихов. В нём есть риторические вопросы: "сохраню ль к судьбе презренье?..." и т.д.; есть риторическое обращение (а может быть, даже не риторическое, а реальное): "тихо молви мне: *прости*". Здесь, наверное, он исчерпается: в самом деле, архаизмов, неологизмов, диалектизмов тут нет, всё просто, о чём ещё говорить? – а преподаватель ждёт. И студент начинает уходить в сторону: "Это настроение просветлённого мужества характерно для всей лирики Пушкина..."; или, если он лучше знает Пушкина: «Это ощущение тревоги было вызвано тем, что в это время, в 1828 году, против Пушкина было возбуждено следствие об авторстве "Гаврилады"...». Но преподаватель останавливает: "Нет, это вы уже говорите не о том, что есть в самом тексте стихотворения, а о том, что вне его", – и студент, сбившись, умолкает.

Ответ получился не особенно удачный. Между тем, на самом деле, студент заметил всё, нужное для ответа, только не сумел всё это связать и развить. Он заметил всё самое яркое *на всех трёх уровнях* строения стихотворения, но какие это уровни, он не знал. А в строении всякого текста можно выделить такие три уровня, на которых располагаются все особенности его содержания и формы. Вот здесь постараемся быть внимательны: при дальнейших анализах это нам понадобится много раз. Это выделение и разделение трёх уровней было предложено в своё время московским формалистом Б.И. Ярхо ("Простейшие основания формального анализа" // *Ars poetica*. I. М., 1927; "Границы научного литературоведения" // *Искусство*. 1925. № 2 и 1927. № 1). Здесь оно пересказывается с некоторыми уточнениями.

Первый, верхний уровень – *идейно-образный*. В нём два подуровня: во-первых, идеи и эмоции (например, идеи: "жизненные бури нужно встречать мужественно" или "любовь придаёт сил"; а эмоции: "тревога" и "нежность"); во-вторых, образы и мотивы (например, "тучи" – образ, "собрался" – мотив; подробнее об этом мы скажем немного дальше).

Второй уровень, средний – *стилистический*. В нём тоже два подуровня: во-первых, лексика, то есть слова, рассматриваемые порознь (и прежде всего – слова в переносных значениях, "тропы"); во-вторых, синтаксис, то есть слова, рассматриваемые в их сочетании и расположении.

Третий уровень, нижний – *фонический*, звуковой. Это, во-первых, явления стиха – метрика, ритмика, рифма, строфика; а во-вторых, явления собственно фоники, звукописи – аллитерации, ассонансы. Как эти подуровни, так и все остальные можно детализировать ещё более подробно, но сейчас на этом можно не останавливаться.

Различаются эти три уровня по тому, какими сторонами нашего сознания мы воспринимаем относящиеся к ним явления. Нижний, звуковой уровень мы воспринимаем *слухом*: чтобы уловить в стихотворении хорейский ритм или аллитерацию на "р", нет даже надобности знать язык, на котором оно написано, это и так слышно. (На самом деле это не совсем так, и некоторые оговорки здесь требуются; но сейчас и на этом можно не останавливаться.) Средний, стилистический уровень мы воспринимаем *чувством языка*: чтобы сказать, что такое-то слово употреблено не в прямом, а в переносном смысле, а такой-то порядок слов возможен, но необычен, нужно не только знать язык, но и иметь привычку к его употреблению. Наконец, верхний, идейно-образный уровень мы воспринимаем *умом и воображением*: умом мы понимаем слова, обозначающие идеи и эмоции, а воображением представляем образы собирающихся туч и взглядывающего ангела. При этом воображение может быть не только зрительным (как в наших примерах), но и слуховым ("шопот, робкое дыханье, трели соловья..."), осязательным ("жар свалил, повеяла прохлада...") и пр.

Наш гипотетический студент совершенно правильно отметил на верхнем уровне строения пушкинского стихотворения эмоцию тревоги и образ жизненной бури; на среднем уровне – риторические вопросы; на нижнем уровне – 4-стопный хорей и 8-стишные строфы. Если бы он сделал это не стихийно, а сознательно, то он, во-первых, перечислил бы свои наблюдения именно в таком, более стройном порядке; а во-вторых, от каждого такого наблюдения он оглядывался бы и на другие явления этого уровня, зная, что именно он ищет, – и тогда, наверное, заметил бы и побольше. Например, на образном уровне он заметил бы антитезу "буря – пристань"; на стилистическом уровне – необычный

оборот "твоё воспоминанье" в значении "воспоминание о тебе"; на фоническом уровне – аллитерацию "снова... надо мною", ассонанс "равнодушно бури жду" и т.п.

Почему именно эти и подобные явления (на всех уровнях) привлекают наше внимание? Потому что мы чувствуем, что они необычны, что они отклоняются от нейтрального фона повседневной речи, который мы ощущаем интуитивно. Мы чувствуем, что когда в маленьком стихотворении встречаются два риторических вопроса подряд или три ударных "у" подряд, то это не может быть случайно, а стало быть, входит в художественную структуру стихотворения и подлежит рассмотрению исследователя. Филология с древнейших времен изучала в художественной речи именно то, чем она непохожа на нейтральную речь. Но не всегда это давалось одинаково легко.

На уровне звуковом и на уровне стилистическом выявить и систематизировать такие необычности было сравнительно нетрудно: этим занялись ещё в античности, и из этого развились такие отрасли литературоведения, как стиховедение (наука о звуковом уровне) и стилистика (наука о словесном выражении: тогда она входила в состав риторики как теория "тропов и фигур". Характерен самый этот термин: "фигура" значит "поза" – как всякое необычное положение человеческого тела мы называем "позой", так и всякое нестандартное, не-нейтральное словесное выражение древние называли стилистической "фигурой").

На уровне же образов, мотивов, эмоций, идей – то есть всего того, что мы привыкли называть "содержанием" произведения, – выделить необычное было гораздо труднее. Казалось, что все предметы и действия, упоминаемые в литературе, – такие же, как те, которые мы встречаем в жизни: любовь – это любовь, которую каждый когда-нибудь переживал, а дерево – это дерево, которое каждый когда-нибудь видел; что тут можно выделять и систематизировать? Поэтому теории образов и мотивов античность нам не оставила, и до сих пор эта отрасль филологии даже не имеет установившегося названия: иногда (чаще всего) её называют "топика", от греческого "топос", мотив; иногда – "тематика"; иногда – "иконика" или "эйдолология", от греческого "эйкон" или "эйдолон", образ. Теорию образов и мотивов стало разрабатывать лишь средневековье, а за ним классицизм, в соответствии с теорией простого, среднего и высокого стиля, образцами которых считались три произведения Вергилия: "Буколики", "Георгики" и "Энеида". Простой стиль, "Буколики": герой – пастух, атрибут его – посох, животные – овцы, козы, растение – бук, вяз и пр. Средний стиль, "Георгики": герой – пахарь, атрибут – плуг, животное – бык, растение – яблоня, груша и пр. Высокий стиль, "Энеида": герой – вождь, атрибут – меч, скипетр, животное – конь, растение – лавр, кедр

и пр. Всё это было сведено в таблицу, которая называлась "Вергилиев круг": чтобы выдержать стиль, нужно было не выходить из круга написанных к нему образов. Эпоха романтизма и затем реализма, разумеется, с отвращением отбросила все эти предписания, но ничем их не заменила, и от этого ощутимо страдает и литературная теория и литературная практика.

Каждый из нас, например, интуитивно чувствует, что такое детектив, триллер, дамский роман, научная фантастика, сказочная фантастика; или что такое (двадцать лет назад) производственный роман, деревенская проза, молодёжная повесть, историко-революционный роман и пр.; или что такое (полтора-два десятилетия назад) светская повесть, исторический роман, фантастическая повесть, нравоописательный очерк. Всё это предполагает довольно чёткий набор образов и мотивов, к которому все привыкли. Например, любопытную опись образов и мотивов советского производственного романа дал в своё время А. Твардовский в поэме "За далью – даль": "Глядишь, роман – и всё в порядке: / Показан метод новой кладки, / Отсталый зам, растущий пред / И в коммунизм идущий дед; / Она и он – передовые, / Мотор, запущенный впервые, / Парторг, буран, прорыв, аврал, / Министр в цехах и общий бал..." Но это – в поэме; а хоть в одном теоретическом исследовании можно ли найти такую опись? Для фольклора или средневековой литературы – может быть; для литературы нового времени – нет. А это совсем не шутка, потому что состав такой описи есть не что иное, как *художественный мир* произведения – понятие, которым мы пользуемся, но редко представляем его себе с достаточной определённойностью.

Вот этот самый важный и в то же время самый неразработанный уровень строения поэтического произведения – уровень топики, уровень идей, эмоций, образов и мотивов, – мы и постараемся формализовать и систематически описать в наших разборах. В самом деле, когда нам дают для разбора прозаическое произведение, то мы можем пересказать сюжет и добавить к этому несколько разрозненных замечаний о так называемых художественных особенностях (то есть о стиле) – в учебниках обычно это так и делается, – и выдать это за анализ содержания и формы. А в лирических стихах, где сюжета нет, как мы будем выявлять и формулировать содержание? Все знают традиционный тип развёрнутых заглавий китайской классической лирики (примеры – условные): "Проезжая мост Ханьгань, поэт видит журавлей в небе и вспоминает покинутого друга", "Зимуя в горах Чжицзы, поэт размышляет о беге времени и о судьбе императора Хоу". Так и мы для пушкинского стихотворения предложили пересказ: "Поэт ждёт жизненной бури и ищет ободрения у возлюбленной". Было бы драгоценно

составить хотя бы по такому типу свод формулировок содержания русской классической лирики. Но это задача величайшей трудности. Я составил такие формулировки к одной только книге стихов позднего Брюсова, и это была каторжная работа.

Как же следует подступаться к анализу поэтического произведения – к ответу на вопрос: "расскажите об этом стихотворении всё, что вы можете"? В три приёма. *Первый подход* – от общего впечатления: я смотрю на стихотворение и стараюсь дать себе отчёт, что в нём с первого взгляда больше всего бросается в глаза и почему. Наш гипотетический студент перед стихотворением Пушкина поступал именно так, только не вполне понимал, почему. Предположим, что мы не умнее его, и от общего впечатления ничего сказать не можем. Тогда предпринимаем *второй подход* – от медленного чтения: я медленно читаю стихотворение, останавливаясь после каждой строки, строфы или фразы, и стараюсь понять, что нового внесла эта фраза в моё уразумение текста и как перестроила старое. (Напоминаем: речь идёт только о словах текста, а не о вольных ассоциациях, которые могут прийти нам в голову! такие ассоциации чаще могут помешать пониманию, чем помочь ему.) Но предположим, что мы так тупы, что нам и это ничего не дало. Тогда остаётся *третий подход*, самый механический, – от чтения по частям речи. Мы вычитываем и выписываем из стихотворения сперва все существительные (по мере сил группируя их тематически), потом все прилагательные, потом все глаголы. И из этих слов перед нами складывается *художественный мир* произведения: из существительных – его *предметный* (и понятийный) *состав*; из прилагательных – его *чувственная* (и эмоциональная) *окраска*; из глаголов – *действия и состояния*, в нём происходящие.

(В самом деле, что такое образ, мотив, а заодно и сюжет? Образ – это всякий чувственно вообразимый предмет или лицо, то есть потенциально каждое существительное; мотив – это всякое действие, то есть потенциально каждый глагол; сюжет – это последовательность взаимосвязанных мотивов. Пример, предлагаемый Б.И. Ярхо: "конь" – это образ; "конь сломал ногу" – это мотив; а "конь сломал ногу – Христос исцелил коня" – это сюжет ("типичный сюжет повествовательной части заклинания на перелом ноги", педантично замечает Ярхо). Все мы знаем, что слова "сюжет", "мотив" и, особенно, "образ" употребляются в самых разнообразных значениях; но предлагаемые значения представляются всего проще и понятнее, этим словоупотреблением мы и будем пользоваться.)

Итак, попробуем тематически расписать все существительные пушкинского стихотворения. Мы получим приблизительно такую картину:

1. тучи, (тишина), буря, (пристань);

2. рок, беда, судьба, жизнь, разлука, час, дни;

3. презренье, непреклонность, терпенье, юность, воспоминанье, душа, сила, гордость, упование, отвага;

4. ангел (2 *раза*), рука, взор.

Какие у нас получились группы слов? Первая строка – явления природы; все эти слова употреблены в переносном значении, метафорически, мы понимаем, что это не метеорологическая буря, а буря жизни. Вторая строка – отвлечённые понятия внешнего мира, по большей части враждебные: даже жизнь здесь – “буря жизни”, а час – “грозный час”. Третья строка – отвлечённые понятия внутреннего мира, душевного, все они окрашены положительно. И четвертая строка – внешность человека, он самый скудный: только рука, взор и весьма расплывчатый ангел. Что из этого видно? Во-первых, основной конфликт стихотворения: мятежные внешние силы и противостоящая им спокойная внутренняя твёрдость. Это не так тривиально, как кажется: ведь в очень многих стихах романтической эпохи (например, у Лермонтова) “мятежные силы” – это силы не внешние, а внутренние, бушующие в душе; у Пушкина здесь – не так, в душе его спокойствие и твёрдость. Во-вторых, выражается этот конфликт больше отвлечёнными понятиями, чем конкретными образами: с одной стороны, *рок, беда* и т.д., с другой – *презренье, непреклонность* и т.д. Природа в художественном мире этого стихотворения присутствует лишь метафорически, а быт отсутствует совсем (“пристань”, и в прозаическом-то языке почти всегда метафорическая, конечно, не в счёт); это тоже не тривиально. Наконец, в-третьих, душевный мир человека представлен тоже одно-сторонне: только черты воли, лишь подразумеваются эмоции и совсем отсутствует интеллект. Художественный мир, в котором нет природы, быта, интеллекта, – это, конечно, не тот же самый мир, который окружает нас в жизни. Для филолога это напоминание о том, что нужно уметь при чтении замечать не только то, что есть в тексте, но и то, чего в нём нет.

Посмотрим теперь, какими прилагательными подчёркнуты эти существительные, какие качества и отношения выделены в этом художественном мире:

завистливый рок,
гордая юность,
неизбежный, грозный час,
последний раз,
кроткий, безмятежный ангел,
нежный взор,
юные дни.

Мы видим ту же тенденцию: ни одного прилагательного внеш-

ней характеристики, все дают или внутреннюю характеристику (иногда даже словами, производными от уже употреблённых существительных: "гордая", "бурная", "юные"), или оценку ("неизбежный, грозный час").

И, наконец, глаголы со своими причастиями и деепричастиями:

глаголы состояния – *утомлённый, спасённый, жду, предчувствуя, опечалься;*

глаголы действия – *собралися, угрожает, сохраню, заменит, понесу, найду, сжать, молви, подыми, опусти.*

Глаголов действия, казалось бы, и больше, чем глаголов состояния, но действенность их ослаблена тем, что почти все они даны в будущем времени или в повелительном наклонении, как нечто ещё не реализованное ("понесу", "найду", "молви" и т.д.), а глаголы состояния даны в прошедшем и настоящем времени, как реальность ("утомлённый", "жду", "предчувствуя"). Мы видим: художественный мир стихотворения статичен, внешне выраженных действий в нём почти нет, и на этом фоне резко вырисовываются только два глагола внешнего действия: "подыми иль опусти". Всё это, понятным образом, работает на основную тему стихотворения: *изображение напряжённости перед опасностью.*

Таким предстаёт перед нами художественный мир стихотворения Пушкина. Чтобы он приобрёл окончательные очертания, нужно посмотреть в заключение на три самые общие его характеристики: как выражены в нём пространство, время и точка авторского (и читательского) зрения? Точка авторского зрения уже достаточно ясна из всего сказанного: она не объективна, а субъективна, мир представлен не внешним, а внутренне пережитым – "интериоризованным". Для сравнения можно вспомнить написанное в том же 1828 году стихотворение "Анчар", где все образы представлены отстранённо, и даже то, что анчар – "грозный", а природа – гневная, не разрушает этой картины; интериоризация изображаемого прорывается только в единственном слове "бедный (раб)" в конце стихотворения.

А пространство и время – что из них выражено в пушкинском "Предчувствии" более ярко? У нас уже накоплено достаточно наблюдений, чтобы предсказать: по-видимому, следует ожидать, что пространство здесь выражено слабей, потому что пространство – вещь наглядная, а к наглядности Пушкин здесь не стремится; время же выражено сильней, потому что время включено в понятие ожидания, а ожидание опасности – это и есть главная тема стихотворения. И действительно, на протяжении первых двух строф мы находим единственное пространственное указание "снова тучи *надо мною*", и лишь в третьей строфе в этом беспространственном мире распахив-

вается только одно измерение – высота: “взор свой нежный *подыми иль опусти*”, – как бы измеряя высоту. Вширь же никакой протяженности этот мир не имеет. Любопытно и здесь привлечь для сравнения “Анчар” – стихотворение, в котором наглядность и пространственность (вширь!) для поэта важнее всего. В “Анчаре” перед взглядом читателя проходит такая последовательность образов. Сперва: *пустыня-вселенная – анчар* посреди неё – его *ветви и корни* – его *кора* с проступающими каплями ядовитой *смолы* (постепенное сужение поля зрения). Затем: ни *птиц*, ни *зверей* вокруг анчара – ветер и тучи над пустыней – мир людей по ту сторону пустыни (постепенное расширение поля зрения). Короткая кульминация – путь *человека* пересекает пустыню к анчару и обратно. И концовка: яд в руках принесшего – лицо принесшего – тело на *лыках* – *князь* над телом – князьи *стрелы*, разлетающиеся во все концы света (опять постепенное расширение поля зрения – до последних *пределов*). Именно такими чередованиями “общих планов” и “крупных планов” обычно организовывается пространство в поэтических текстах; С.М. Эйзенштейн блестяще сопоставлял это с кинематографическим монтажом.

Время, наоборот, представлено в “Предчувствии” с всё нарастающей тонкостью и подробностью. В первой строфе противопоставлены друг другу прошлое и будущее: с одной стороны, “тучи *собралися*”, прошлое; с другой – будущее, “*сохраню ль к судьбе презренье, понесу ль навстречу ей непреклонность и терпенье...?*”; и между этими двумя крайностями теряется настоящее как следствие из прошлого, “рок... *угрожает* снова мне”. Во второй строфе автор сосредоточивается именно на этом промежутке между прошлым и будущим, на настоящем: “бури *жду*”, “сжать твою... руку я *спешу*”; и лишь для оттенения того, куда направлен взгляд из настоящего, здесь присутствует и будущее: “может... пристань я *найду*”. И, наконец, в третьей строфе автор сосредоточивается на предельно малом промежутке – между настоящим и будущим. Казалось бы, такого глагольного времени нет, но есть наклонение – повелительное, которое именно и связывает настоящее с будущим, намерение с исполнением: “*тихо молви мне*”, “*опечалься*”, “взор свой... *подыми иль опусти*”. И при этом опять-таки – чтобы сохранить направление взгляда – продолжает присутствовать будущее: “твое воспоминанье *заменит* душе моей...” Таким образом будущее присутствует в каждой строфе, как сквозная тема тревоги автора, а сопоставленное с ним время всё более приближается: сперва это прошедшее, потом – настоящее, и наконец – императив, рубеж между настоящим и будущим.

Таков получился у нас разбор идейно-образного уровня пушкинского стихотворения “Предчувствие” (“Снова тучи надо мною...”). Никаких

особенных открытий мы не сделали (хотя признаюсь: для меня лично наблюдение, что в этом мире нет природы, быта и интеллекта, и что в нём прошедшее время через настоящее и императив плавно приближается к будущему, было ново и интересно). Но во всяком случае, мы исчерпали материал и нашли в нём много такого, о чём наш гипотетический студент мог бы доложить преподавателю, если бы описывал стихотворение не беспорядочно, а систематически – по уровням. Не нужно думать, будто филолог умеет видеть и чувствовать в стихотворении что-то такое, что недоступно простому читателю. Он видит и чувствует то же самое, – только он отдаёт себе отчёт в том, *почему* он это видит, какие слова стихотворного текста вызывают у него в воображении эти образы и чувства, какие обороты и созвучия их подчёркивают и оттеняют. Изложить такой самоотчёт в связной устной или письменной форме – это и значит сделать анализ стихотворного текста.

И в заключение – ещё два вопроса, которые неминуемо возникают при любом подробном анализе стихов.

Первый вопрос: неужели поэт сознательно производит всю эту кропотливую работу, подбирает существительные и прилагательные, обдумывает глагольные времена? Конечно, нет. Если бы это было так, не нужна была бы наука филология: обо всём можно было бы спросить прямо у автора и получить точный ответ. Большая часть работы поэта происходит не в сознании, а в подсознании; в светлое поле сознания её выводит филолог. Вот пример. Стихотворение "Снова тучи надо мною..." написано 4-стопным хореем. Пушкин делал это сознательно: он знал, что такое хорей, и к своему Онегину, который "не мог ямба от хорей отличить", относился свысока. Но некоторые строчки в этом стихотворении можно было, даже не выбиваясь из 4-стопного хорей, написать иначе: не "Угрожает **снова мне**", а "**Снова угрожает мне**", не "Равнодушно **бури жду**", а "**Бури равнодушно жду**", не "Неизбежный **грозный час**", а "**Грозный неизбежный час**". Однако Пушкин этого не сделал. Почему? Потому что в русском 4-стопном хорее была ритмическая тенденция: пропускать ударение на I стопе – часто, а на II стопе – почти никогда: "Угро-**жа**ет...", "Равно-**ду**шно...". Этого Пушкин знать умом не мог: стиховеды сформулировали этот закон только в XX веке. Он руководствовался не знанием, а только безошибочным ритмическим чувством. Таким образом, современный филолог знает о том, как построены стихи Пушкина, больше, чем знал сам Пушкин; это и даёт науке филологии право на существование.

Второй вопрос: может ли весь этот анализ поэтического текста сказать нам, хорошие перед нами стихи или плохие, или которые лучше и которые хуже? Нет, не может: исследование и оценка стихов – разные вещи. Исследование изолирует свой объект: мы рассматриваем

такое-то стихотворение, или такую-то группу стихотворений, или даже все стихотворения такого-то автора или эпохи, – но и только. Оценка же соотносит свой объект со всем нашим читательским опытом: когда я говорю “это стихотворение хорошее”, то я имею в виду: “оно чем-то похоже на те стихи, которые мне нравятся, и непохоже на те, которые мне не нравятся”. А что нам нравится и не нравится, – это определяется напластованием огромного множества впечатлений от всего прочитанного нами, начиная с первых детских стишков и до последних самых умных книг. Если новое стихотворение целиком похоже на то, что мы уже много раз читали, то оно ощущается как плохая, скучная поэзия; если оно решительно ничем непохоже на то, что мы читали, то оно ощущается как вообще не поэзия; хорошим нам кажется то, что лежит где-то в середине между этими крайностями, а где именно – определяет наш вкус, итог нашего читательского опыта. Этот наш личный вкус и опыт может частично совпадать со вкусом и опытом наших друзей, сверстников, современников, всех носителей нашей культуры, – но это уже дело социологии культуры. Здесь филолог перестаёт быть исследователем и становится сам объектом исследования; поэтому нашему введению в технику филологического анализа здесь – конец.

"И завитки своих усов..."

**Дефинитивный текст послания А.С. Пушкина
Денису Давыдову**

*С.А. ФОМИЧЁВ,
доктор филологических наук*

Почти половина стихотворений Пушкина, которые ныне печатаются в полных собраниях его сочинений, при жизни поэта остались в черновиках, являющихся теперь единственными источниками текстов этих произведений. Расшифровка же пушкинских черновиков непроста. Дело даже не только в трудном чтении отдельных слов – иногда зачёркнутых, но необходимых для восстановления смысла всей строки, а в других случаях начертанных невнятной скорописью. Сложнее подчас иное: проблема реконструкции общей композиции произведения. Пуш-

кин думал с пером в руках, и мысль его нередко возвращалась назад, фиксируя по ходу более удачный вариант записанных выше строк, или устремлялась вперёд, и тогда из-под его пера рождались заготовки впрок, место которых ниже (в нужном месте) он обычно отмечал особым значком или начальным словом, не переписывая полностью уже ранее сложившихся строк.

Подготовка нового академического издания сочинений Пушкина, которая сейчас ведётся в Пушкинском Доме, требует в первую очередь фронтальной проверки всего массива пушкинских текстов. В процессе нового изучения черновиков мы подчас приходим к новым текстологическим решениям.

Во всех собраниях сочинений Пушкина среди его стихотворений 1821 года печатается послание к Денису Давыдову в таком виде:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.
С весёлых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутылъ.

Я слушаю тебя и сердцем молодею.
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный (?) снова (?) пламенею
Вспоминаю прежних дней.

[Я всё люблю язык страстей],
[Его пленительные] звуки
[Приятны мне, как глас друзей]
Во дни печальные разлуки.

Обратившись к Первой кишинёвской тетради поэта (ПД, ф. 244, оп. 1, № 831), где на л. 38 находится черновик этого стихотворения, мы убеждаемся, что традиционно публикуемый текст крайне неточен.

Проследим, как складывалась работа над стихотворением.

Сначала на л. 38 были записаны две шестистопные строки:

Я слушаю тебя – и сердцем молодею,
Пиров и радости блистательный певец –

Оставив место для двух пока не сложившихся строк, Пушкин, возможно, с не дошедшего до нас черновика (это было его обычной практикой), записывает набело то, что от него осталось:

Ты пел войну, ты пел биваки
 Любви красы
 И пылкую забаву драки
 усы
 Ты в день мира
 Твоя проказливая лира
 радость и любовь
 И своенравная сатира

Это восьмистишие тщательно отработывается. Замечательно исправление слова "усы" на "усов" – лихим завитком внизу, своеобразно иллюстрирующим данное слово. Вверху листа места для концовки первого четверостишия уже не осталось, и потому, отчеркнув фрагмент из восьми отработанных стихов, Пушкин снова записывает:

Я слушаю тебя и сердцем молодею –

Вторая шестистопная строка вверху листа вычёркивается, но первая оставляется и там, обозначая место, куда должна быть помещена вся строфа. Под ней снова ставится черта, и далее Пушкин работает над четвёртым четверостишием, которое постепенно приобретает такой вид:

В печальной северной пустыне
 [Восторг] любви [ты] воспел
 Где ни был но тебя доньше
 [Лелелял]

Слева от этих строк прорисовывается нога военного (мундир с лампасами), а дальнейшая работа над стихотворением переносится на следующую страницу, где ныне остался массив, казалось бы, почти сплошь зачёркнутых строк. Но присмотревшись внимательно, мы различаем в черновике всё четверостишие, не до конца, правда, отработанное:

[Люблю по-прежнему] его про(стые) звуки.
 Как звуки родины на дальней стороне
 Во дни печальныя разлуки,
 [Но пожалей. счастливец, обо мне...]

Вверху, над этим сложным черновиком, Пушкин прописывает после нескольких первоначальных набросков, потом отброшенных, и заключительную строку предыдущего четверостишия:

Язык отваги сладко (?) грел. –

Слово "языка", оставшееся от предыдущего, отброшенного варианта строки, здесь не исправлено в падеже, но это обычно для пушкинских черновиков. Чтение академического издания (" и может быть отвык")

некорректно уже потому, что в нём не берётся в расчёт (даже не оговаривается) незачёркнутое слово "языка". Главное же в другом: если Пушкин отработывал заключительную строку предыдущего четверостишия, то в ней (в незачёркнутых её словах) обязательно должна появиться рифма, она и читается: "грел" (слово писалось через ять, и потому здесь в скорописи ® и высокое л сливаются в одном росчерке). Нужно признать, что слово "сладко" читается сомнительно (оно прижато к верхнему полю листа и почти не проработано графически); очевидно, возможен и другой, более убедительный вариант, который мы пока не могли найти. Но вся строка в соединении с тремя предыдущими, — оставшимися на обороте листа, звучит вполне осмысленно и связывает их с окончательным четверостишием.

На оставшемся незаполненном нижнем поле страницы Пушкин рисует два мужских профиля (оба с усами!) и ноги в цивильных брюках, а также дважды подписывается — "Кошанский".

Подпись лицейского профессора, следившего за стихотворными опытами своих воспитанников, отражала какие-то царскосельские воспоминания.

Контраст между зарисовками в черновике стихотворения (военное и цивильное) проясняет ход размышлений Пушкина.

На пороге выпуска из Лицея он мечтал определиться в гусары. Но отец его, скуповатый и действительно стеснённый в средствах, предвидя большие расходы на гусарскую экипировку, дал согласие только на службу сына в пехоте. Несостоявшийся усач (а усы в ту пору позволялось носить лишь кавалеристам) вылил жалобы на судьбу в послании к своему дяде:

Скажи, парнасский мой отец,
 Неужто верных муз любовник
 Не может нежный быть певец
 И вместе гвардии полковник?

Уже в зачине стихотворения возникает тень Давыдова, ниже "Денисхрабрец" прямо называется, а дальше идёт явный перепев из него:

Но что прелестней и живей
 Войны, сражений и пожаров,
 Кровавых и пустых полей,
 Бивака, рыцарских ударов?
 И что завидней бранных дней
 Не слишком мудрых усачей,
 Но сердцем истинных гусаров?..

Вот почему просит пожалеть его Пушкин в концовке послания к Денису Давыдову 1821 года! Оно не было опубликовано. Понятно,

почему. Стихотворение оказалось перепевом ранее написанного – послания к В.Л. Пушкину, которое вскоре в сокращённом и переработанном виде будет отослано для публикации в альманахе "Полярная звезда".

Следует отметить ещё одну любопытную деталь.

В Лицейской тетради поэта (ПД 829) на л. 69 мы находим начальный набросок послания к Денису Давыдову:

Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт,
Ужель (?)

Это записано явно позже строк, имеющих здесь на левом поле листа. Но вот что замечательно: среди строк пятой песни "Руслана и Людмилы", которые писались на этой странице в июле 1819 года, также имеется рисунок ноги военного, но со шпагой на боку. Дело в том, что в ту пору снова пробудилась у Пушкина мечта определиться в гусары, о чём он писал в послании к Орлову ("О ты, который сочел...").

Допустимо предположение, что в 1821 году Пушкин вновь перелистывал страницы Лицейской тетради и, задержавшись на странице с рисунком военного, начал писать послание к Денису Давыдову, которое вчерне завершил (в Лицейской тетради для этого на л.69 было слишком мало места) в другой рабочей тетради, Первой кишинёвской. О том, что в 1821 году Пушкин обращался для работы к Лицейской тетради, свидетельствует черновик элегии "Воспоминанием смущённый..." (л. 91об.), тогда же переписанной набело в Третью кишинёвскую тетрадь (ПД 833). Первоначальный же черновой набросок этой элегии находится именно на л.69 тетради ПД 829, ниже строк "Руслана и Людмилы". Стало быть, строки "Красноречивый забияка..." и проч. нужно печатать не в качестве отдельного опуса, а как первоначальный вариант послания к Денису Давыдову 1821 года, окончательный текст которого следует представить так:

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей.
Живей я в грусти пламенею
Воспоминаньем прежних дней.
Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.
С весёлых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя.
Досугов мирную бутыл.
В печальной северной пустыне

[Восторг] любви [ты] воспел;
Где ни был, но тебя доньше
Язык отваги сладко (?) грел.
[Люблю по-прежнему] его про(стые) звуки,
Как звуки родины на чуждой стороне
Во дни печальныя разлуки.
[Но пожалей, счастливец, обо мне...]

Каждое новое текстологическое решение требует тщательной проверки. Заинтересованный читатель это может вскоре осуществить. Факсимильное издание рабочих тетрадей Пушкина, которое предпринято Пушкинским Домом совместно с Форумом лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльсского, передано в дар крупнейшим библиотекам Санкт-Петербурга и Москвы, а также многих областных городов России и ближнего зарубежья. Третий том этого издания (в нём помещены кишинёвские тетради) уже отпечатан в Италии и скоро поступит в Россию.

Санкт-Петербург

ДИАЛОГ ТРЁХ ПОЭТОВ... ОБ АХМАТОВСКОЙ ШАЛИ

*Л.Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук*

Общеизвестно, что с давних времён поэты любили дарить друг другу стихи-отзывы – от мадригалов до эпиграмм. Впоследствии потомки собирали и издавали "венки" стихотворений, посвящённых тому или иному классику ("Венок Шекспиру", "Венок Пушкину", "Венок Блоку"). А, скажем, Анна Ахматова сама коллекционировала посвящения, адресованные ей, и хранила их в "полосатой тетради", озаглавленной "В ста зеркалах", по поводу чего Осип Мандельштам подшучивал: "К Вам никто на выстрел пушечный / Без стихов не подойдёт".

Одно из этих "зеркал" принадлежало перу А. Блока "Красота страшна", – Вам скажут..." (декабрь 1913), и его героиня с "красным розаном" в волосах то лениво накидывала на плечи "испанскую шаль", то неумело укрывала ею ребёнка, рассеянно внимала речам о своей красоте и остроумно отвечала на них.

"Не страшна и не проста я:
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна".

Ахматова осталась недовольна блоковским мадригалом: "в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня" ("Воспоминания об Александре Блоке"). Но дело не только в фактических неточностях (не было ни испанской шали, ни красной розы в волосах) – молодую поэтессу обижало, что "знаменитый современник" видит в ней лишь светскую даму да неумелую мать, недаром, явно намекая на Блока, она писала: "Он говорил о лете и о том, / Что быть поэтом женщине – нелепость" ("В последний раз мы встретились тогда...", 1914). Подробнее о поэтическом "романе" Ахматовой и Блока и о "блоковской теме" в "Чётках" см.: Топоров В.Н. Ахматова и Блок. Berkeley, 1981; Козлов С.Л. Любовь к андрогину: Ахматова-Блок-Гумилёв // Тыняновский сб. Пятые тыняновские чтения. М.-Рига, 1994. С. 155–171).

А непосредственным откликом на блоковское посвящение стало ахматовское стихотворение "Я пришла к поэту в гости..." (январь 1914). Сопоставляя их, В.М. Жирмунский отмечает, что Ахматова написала своё в том же размере испанского романсеро, как и Блок (4-стопный хорей с безрифменным чередованием трёх стихов с женским и одного с мужским окончанием), но не в виде прямого ответа, а "в форме описания их встречи" и портрета хозяина дома, заменив "романтическую испанскую экзотику" реалистической картиной русской зимы, а светский комплимент – психологией "недоговорённого чувства" (Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 327).

К этим наблюдениям можно добавить следующее: несогласие и полемика Ахматовой с Блоком ощущается и в противопоставлении изысканной "цветистости" и экспрессивности блоковского стихотворения простоте, естественности и "молчаливости" ахматовского, полного недомолвок и умолчаний. И сама беседа отсутствует, хотя о ней и упомянуто: "Но запомнится беседа...".

Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен:
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

О чём беседовали герои? Как смотрит хозяин? Какие у него глаза? Почему в них лучше не глядеть? Загадки множатся – на них фиксируется внимание: дважды повторяется глагол "*запомнить*" / "*запомнится*", подчёркивается перекрестность взглядов – "*смотрит*" и "*глядеть*", удваиваются "*как*" и "*ясно*" (два наречия в одной фразе). И самой зашифрованной становится последняя строфа:

Но запомнится беседа.
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

К "молчаливому" диалогу автор подключает третьего собеседника, введя реминисценцию из стихотворения Осипа Мандельштама "Дев полуночных отвага..." (1913): "Звёзды, трезвая беседа, / Ветер западный с Невы..." – и тем самым как бы приглашая его принять участие в разговоре.

И Мандельштам, словно откликаясь на эту завуалированную просьбу, даёт свой портрет Анны Ахматовой ("Ахматова", 1914), опираясь

на собственные впечатления от её выступления на поэтическом вечере в кафе "Бродячая собака" (величаявая осанка, гортанный голос, читающий стихи) и одновременно оспаривая блоковские представления о ней. Вместо "таинственного и противоречивого обаяния женской красоты" (В.М. Жирмунский) – трагизм женской души, в которой таятся губительные страсти, грозящие вырваться в любой момент наружу.

Вполоборота, о, печаль!
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложно-классическая шаль.

Зловещий голос – горький хмель –
Души расковывает недра:
Так – негодующая Федра –
Стояла некогда Рашель.

Вместо испанки Кармен, темпераментной, своевольной и капризной, перед нами античная героиня, внучка бога Солнца – Гелиоса, непреклонная, надменная и страдающая Федра. И "испанская шаль" сменяется "ложно-классической" (этот эпитет употребляется в эстетике по отношению к классицизму и, в частности, к трагедиям Расина), задумчивая грусть и рассеянность – печалью и негодованием, изящные жесты и словесная игра – подчеркнутой театральностью и "зловещим голосом", расковывающим душевные глубины как самой говорящей, так и слушателей.

Если Блоку Ахматова виделась просто красивой и своенравной женщиной, блистающей в свете и обитающей в домашней обстановке, то для Мандельштама она – незаурядная художническая личность, служащая искусству и людям, увлекающая своим талантом даже равнодушных. Женский образ у Мандельштама двойится и тройится: вначале русская поэтесса Анна Ахматова, выступающая с чтением своих стихов, затем расинская "негодующая Федра" и, наконец, французская актриса Элиза Рашель в роли Федры.

Возможно, не случайна переключка мандельштамовского зачина с началом только что написанного блоковского стихотворения "Вполоборота ты встала ко мне..." (из цикла "Чёрная кровь"), у героини которого "не глядящий, скользкий" взор – как "пеплом подёрнутый бурный костёр": "Ты, и не глядя, глядишь на меня!". (По предположению исследователя ахматовской биографии и творчества В.А. Черных, цикл Блока "Чёрная кровь" адресован Ахматовой; это было высказано на Ахматовской конференции в Одессе, 1991). Правда, не исключена и автоцитата: "Вполоборота обернётся / Фортуны нашей колесо!" ("Американ бар", 1913).

Подключившись к диалогу Ахматовой с Блоком, Мандельштам от-

казывается следовать стиховой форме их посланий и выбирает 4-стопный ямб (аББа), как в первом своём посвящении поэтессе ("Как чёрный ангел на снегу...", 1911) или как в ахматовском стихотворении "О, это был прохладный день..." (1913), в котором показано противостояние гордой и страстной натуры с равнодушием любимого:

Пусть он не хочет глаз моих,
 Пророческих и неизменных.
 Всю жизнь ловить он будет стих.
 Молитву губ моих надменных.

Пожалуй, Мандельштам скорее соглашается с этой автохарактеристикой, чем с осторожностью и сдержанностью чувств, заявленных в "Я пришла к поэту в гости...". Иначе, чем Ахматова, он воспринимает её голос: не "слабый" и "не звонкий", а "зловещий голос – горький хмель" (ср. в ахматовской ранней поэзии: "в сердце тёмный душный хмель", "подари меня горькой славой"). Из частых ахматовских упоминаний *тоски* и *печали* ("отравная тоска", "выпустить птицу – мою тоску", "печаль преступна и напрасна") более близка Мандельштаму *печаль* ("О, вещь моя печаль!", "Я печаль, как птицу серую, / В сердце медленно несу"), и он делает это слово "эмблемой" Ахматовой. И она сразу же подхватывает мандельштамовское обращение-определение "о, печаль": "Я недаром печальной слыву" (1914), "Во мне печаль, которой царь Давид / По-царски одарил тысячелетья" (1916). (О многочисленных взаимных реминисценциях у Мандельштама и Ахматовой см. в коллективной работе Ю. Левина, Д. Сегала и др. "Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма" // Russian Literature. Paris. 1974. № 7/8).

Образ Ахматовой, созданный Мандельштамом, не только вбирает конкретные впечатления от её облика и отзвуки её поэзии, но и отражает его эстетические взгляды и пристрастия. Тут и увлечение театром Расина и особенно "Федрой" (перевёл её начало), которое сказало в ряде стихотворений («Я не увижу знаменитой "Федры..."», "Как этих покрывал и этого убора...", 1915–1916) и в статье "О природе слова" (1922). В стихах передана та же атмосфера скорби и негодования, слышится "расплавленный страданьем" голос и "спадают с плеч классические шали". В статье автор возражает против термина "ложноклассицизм" как "клички, данной школьным невежеством" и снова упоминает "классическую шаль" (окончательно отказавшись от эпитета "ложный"), на этот раз сорванную с плеч Федры И. Анненским, переведившим Еврипида (в том числе "Ипполита") и писавшим трагедии на античные темы. Тут и "формула окаменения", тоже важная в эстетике Мандельштама и означающая вечную красоту,

которая воплощается в творениях человека и создаётся из "тяжести недоброй": "камень отрицает иго праха", "камнем прикинется плоть", а "плоти причастны слова", и потому первый сборник поэта назван "Камень", и "самое искусство ранний Мандельштам мыслит как начало архитектоники, вносимое художником в неупорядоченный материал жизненных явлений" (Гинзбург Л.Я. "Камень" // Мандельштам Осип. Камень. Л., 1990. С. 273). Тут и "тоска по мировой культуре", осознанная Мандельштамом как акмеистическое и собственное художественное видение мира. Отсюда в мандельштамовском посвящении пересечение и наложение разных временных пластов: "золотой век" эллинизма, век Просвещения, XIX "железный" и XX, впитавший в себя все предыдущие (Федра – древнегреческого мифа, Еврипида и Сенеки, Ж. Расина, Элизы Рашель и Анны Ахматовой).

Если галантно-комплиментарное "романсеро" Блока было отвергнуто Ахматовой, то мандельштамовский "набросок с натуры" (как она его называла), вероятно, её удовлетворил и сопутствовал ей всю жизнь. Так, Федра станет одним из ахматовских двойников (Цивьян Т.В. Кассандра, Дидона, Федра: Античные героини – зеркала Ахматовой // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 31–33), а в черновой редакции "Поэмы без героя" поэтесса даст свой портрет, увиденный глазами младшего собрата:

...Войду сама я,
Шаль воспетую не снимая...
И, как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполоборота...

Более того, этот мандельштамовский образ не только был воспринят и усвоен Ахматовой, но в какой-то мере определил в её творчестве развитие лейтмотивов двойничества и зеркальных отражений.

Так состоялся диалог трёх поэтов. А может, поэтов было вовсе не три, а четыре?..

Через год, в феврале 1915-го, на блоковскую и мандельштамовскую "шали" и на ахматовскую лирику откликается стихотворением "Анне Ахматовой" Марина Цветаева, не знакомая лично ни с одним из трёх поэтов.

Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Шаль, вызывавшая у предшественников ассоциации с европейской культурой, превратилась в восточную, "из турецких стран", что связано с "нерусским станом", фамилией и происхождением адресата. Как и Блок, и Мандельштам, Цветаева обращает внимание на величест-

венную, царственную осанку ("как мантия") и на игровую суть ахматовской натуры и подчёркивает её власть над окружающими.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

У Блока красота может убивать, у Мандельштама голос проникает в душу, у Цветаевой стих стреляет в сердце.

Если Блок и Мандельштам изображали Ахматову пластически и скульптурно – в позах и жестах, то Цветаева прибегает к графике: "Вас передашь одной / Ломаной чёрной линией" (не намёк ли на рисунок А. Модильяни?). Любопытно, что в противовес мужскому восприятию поэтессы прежде всего как женщины, цветаевская Ахматова – "юный демон", то есть предстаёт в мужской ипостаси (а не "колдунья", как у Н. Гумилёва).

Свой первый набросок ахматовского образа (впереди был целый цикл стихов, посвящённый Ахматовой) Цветаева рисовала по мотивам "Вечера" и "Чётки", отметив в них тревожность и предчувствие смерти, демоническое начало и тёмные краски.

Вся Ваша жизнь – озноб, (ср. у Ахматовой "смертная дрожь")
И завершится – чем она? ("Не смертного ль часа жду?")
Облачный – тёмн – лоб (тёмный дом, сердце, дни: облачко серело)
Юного демона. ("встретимся в аду")

Ахматовские антиномии и парадоксы (жизнь тленная и прекрасная, "горький час наслажденья", "я смеюсь, а в сердце злобно плачу") у Цветаевой выглядят ещё резче и неожиданнее: "безоружный стих" целится, "Холод – в веселье, зной – / В Вашем унынии" (вместо более привычных – холод и зной, веселье и уныние). А в конце, признаваясь адресату в любви, автор обыгрывает такую особенность стиля ранней Ахматовой, как парадоксальные сочетания точного временного указателя и душевного состояния героев ("Я сошла с ума, о мальчик странный, / В среду в три часа").

В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

А слышали ли сами поэты состоявшийся диалог? Александр Блок не признавал поэзии Осипа Мандельштама и в своей статье "Без божества, без вдохновенья", направленной против акмеизма, не упомянул его имени. Анна Ахматова, наверно, заметила, но никак не от-

реагировала на первое послание Марины Цветаевой, в то время как более позднюю цветаевскую формулу "Муза Плача" моментально использовала в "Эпических мотивах", переделав первоначальное деепричастие на существительное: "Покинув рощи родины священной / И дом, где Муза Плача изнывала..." (было – "Муза, плача, изнывала").

Каждый из участников "беседы" наряжал Ахматову в свою шаль: Блок – в "испанскую", Мандельштам – в "ложноклассическую", Цветаева – в "турецкую". По расцветке блоковская шаль "пёстрая". Г. Иванов в эмиграции вспомнит "чёрную ахматовскую шаль". Художник Н. Альтман на известном "Портрете Анны Ахматовой" (1914) нарисовал оранжевую шаль. Сама Ахматова предпочитала слово "платок", и в её стихах 1912–1915 годов встречаются "малиновый" ("Со дня Купальницы-Аграфены"), "чёрный" ("Где, высокая, твой цыганёнок..."), "дырявый" ("Зачем притворяешься ты...") платки. И вскоре они появляются и в адресованных ей посвящениях: "В тёмном – с цветиками – платке" (М. Цветаева. "На базаре кричал народ...", 1916, из цикла "Ахматовой"), "Сорвут платок с прекрасной головы" (О. Мандельштам. "Кассандре", 1917), "Не забуду платок полосатый, / Горет тихое на губах" (Ю. Никольский. "Ахматовой", 1919).

Так какие же шали-платки носила молодая Анна Ахматова в действительности?

*Цфит
Израиль*

О федеральной целевой программе "Русский язык"

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 декабря 1995 года "О Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации" Правительство Российской Федерации рассмотрело и утвердило федеральную целевую программу "Русский язык".

Основными целями Программы являются:

- духовное возрождение и обновление России;
- формирование государственной политики в области русского языка;
- развитие и поддержка русского языка как национального языка русского народа и государственного языка Российской Федерации;
- повышение статуса русского языка в современном российском и международном образовательном пространстве, в духовном и культурном обогащении народов России и зарубежных стран;
- укрепление позиций русского языка как средства межнационального общения народов России и СНГ;
- расширение функций русского языка как одного из распространенных языков мира;
- разработка комплекса мер, направленных на пропаганду русского языка и культуры в средствах массовой информации.

Намеченные цели реализуются в Программе в следующих разделах:

1. Русский язык как государственный язык Российской Федерации. Государственная политика в области русского языка.
2. Русский язык как национальный язык русского народа, основа его духовной и художественной культуры.
3. Русский язык как мировой язык.

Федеральная программа направлена на обновление языковой политики, осуществляемой прежде всего путем правового регулирования, предусматривающего создание законов и законодательных актов в языковой сфере, в частности, разработку и принятие закона о русском языке, составление долгосрочных и краткосрочных программ разных уровней (федеральных, республиканских, местных, межгосударственных), нормирование и совершенствование языковой деятельности. При этом на территории России традиционно сложившейся нормой является двуязычие и многоязычие, что служило и служит источником взаимного обогащения языков и культур. Государственная политика

России в языковой сфере исходит из основополагающего принципа равноправия всех языков независимо от их правового статуса, численности и характера расселения носителей языка.

Стержнем языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации и поощряется изучение национальных языков всем населением ее республик. Должны быть созданы условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации.

Большое место в Программе отведено научным исследованиям в области русского языка и культуры речи, направленным на сохранение и развитие современного русского языка во всех его функциональных разновидностях; формирование бережного отношения к языковым традициям; воспитание сознательного отношения к языку как национально-культурной ценности; повышение языковой культуры общества.

Для достижения этих целей предусматривается организация регулярных передач и публикаций о русском языке в средствах массовой информации; подготовка и издание словарей различного типа и назначения массовыми тиражами; расширение и углубление исследований в области грамматического строя русского языка, фонетики, словообразования и лексики; усиление нормотворческой работы в области русского языка, разработка теоретических основ культуры речи, создание справочных и учебных пособий по речевой культуре; социологические и социолингвистические исследования речевых особенностей различных групп населения; активизация изучения языка художественной литературы как важного компонента отечественной культуры;

поддержка исследований в области истории русского языка и его диалектов в связи с историей общественной мысли, науки и просвещения; издание памятников русской письменности различных исторических периодов; издание научно-популярной литературы о русском языке; создание комплексных автоматизированных систем и банков данных по различным направлениям русистики.

Все мы являемся свидетелями того, что происходящие в России преобразования неодинаково отражаются на состоянии и путях развития русского языка. Он освобождается от многих искажавших его стереотипов и штампов. Вместе с тем происходит снижение речевой культуры в бытовом общении, в публичных выступлениях, в языке художественной литературы и журналистики. В русскую речь все больше проникают вульгарные, а иногда и просто непристойные

выражения, она засоряется словами и оборотами из жаргонов, неоправданными заимствованиями из иностранных языков. Особенно это касается средств массовой информации, которые, к большому сожалению, перестали быть для читателей, слушателей и зрителей образцами письменной и устной речи. Культура речи на телевидении и радио, в газетах и журналах резко упала, и как неизбежное следствие — происходит снижение языковой и общей культуры населения, особенно молодежи.

В этих условиях Программа предусматривает: подготовку законодательных актов, регулирующих использование русского языка в средствах массовой информации, в издательской деятельности, в делопроизводстве и рекламе. Планируется создание федеральной государственной службы русского языка при Правительстве РФ, осуществляющей аналитические и контрольные функции по использованию русского языка в официальных, государственных и деловых сферах жизни, в средствах массовой информации, в рекламе.

Состояние русского языка в официально-деловых сферах общения, в средствах массовой информации, в рекламе и кино будет систематически обследоваться. На основе такого анализа будут готовиться практические рекомендации по повышению культуры речи в этой области.

На телевидении и радио предусматривается создание регулярных передач по русскому языку, а для самих работников средств массовой информации — организация соответствующих школ и семинаров. Предусматривается издание справочных пособий, словарей, научно-популярных брошюр для СМИ, в частности, словаря "Правописание и произношение" для работников печати и четырехтомной монографии "Современный газетно-публицистический стиль".

Реальная грамотность населения и культура речи в обществе в решающей степени зависят от того, как поставлено обучение русскому языку и литературе в образовательных учреждениях всех типов и видов. Между тем состояние преподавания русского языка как родного и как неродного в целом не может быть признано удовлетворительным. Выпускники школ и даже вузов не обладают необходимыми знаниями и навыками в орфографии, пунктуации, стилистике, устной речи, деловом общении и письме, общий уровень их грамотности и речевой культуры во многих случаях низок. Качественное улучшение обучения русскому языку за счет использования новых программ, новых учебников и новых образовательных технологий — одно из приоритетных направлений Программы. Большое место в ней отводится роли литературы в овладении каждым человеком с самого детства нормами русского языка. Нельзя закрывать глаза на то, что в последнее время под-

линные художественные ценности подменяются массовой псевдокультурой, разрушающей нравственные устои общества, искажающей литературные нормы русского языка. Сегодня пошлое "чтиво", заполнившее прилавки книжных магазинов, вытесняет произведения русской и мировой классики.

В этих условиях подготовка и издание научных, академических собраний сочинений классиков русской литературы, начиная с Пушкина, помогут сохранению и исследованию богатств русского литературного языка.

Важным направлением международной политики Российской Федерации является распространение русского языка в мире. Однако его функционирование за пределами России сегодня вызывает тревогу и озабоченность.

В странах Центральной и Восточной Европы русский язык практически исключен из учебных программ высших и средних учебных заведений. Резко сократилось число национальных учителей и преподавателей русского языка, произошло их перепрофилирование на преподавание других европейских языков, в основном, английского, прекратили свою деятельность многие центры русского языка за рубежом, основной задачей которых являлось оказание научно-методической помощи зарубежным русистам.

Для улучшения качества преподавания русского языка за рубежом и увеличения числа иностранцев, изучающих русский язык, намечен целый ряд и научных исследований, и практических мероприятий. Так, на базе изучения реальных потребностей в русском языке как средстве международного и межнационального общения в зарубежных странах будет создаваться банк социолингвистических данных по функционированию русского языка в мире. В тесном сотрудничестве с международными научными и учебными заведениями, языковыми центрами будут проводиться исследования по проблемам функционирования и описания русского языка в сравнении с другими международными языками.

Планируется разработка новых методов обучения русскому языку как иностранному, создание комплекса интегрированных учебных (в том числе компьютерных) материалов для обеспечения очного и дистантного обучения русскому языку как иностранному.

Таковы в кратком изложении лишь некоторые аспекты федеральной программы "Русский язык", которая, по оценке академика Е.П. Чельшева, заместителя председателя Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации, правильно намечает стратегию государственной поддержки русского языка во всех сферах его функционирования (Российские вести. 1996. 23 июля).

"Урожденная Гончарова"
и
"урожденный москвич"

*Б.С. ШВАРЦКОПФ,
доктор филологических наук*

До того, как автор этих заметок обратил особое внимание на слово *урожденный* и начал собирать материал, ему представлялось, что слово имеет только одно значение: указание девичьей фамилии женщины, вышедшей замуж и, соответственно, взявшей фамилию мужа. Эталонный пример, который, вероятно, у всех на слуху (он приводится в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова): Наталья Николаевна Пушкина, урожденная Гончарова; или, как в официальной бумаге 1846 г.: "госпоже Ланской, прежде Пушкиной, урожденной Гончаровой" (цит. по кн.: И. Волгин. Родиться в России, гл. 4). Другой пример – с отрицанием *не* – в романе И. Головкиной (урожденная Римская-Корсакова!) "Побежденные": "Да какие ж такие Дашковы? В живых ведь осталась одна только молодая княгиня, и та *неурожденная* – перед самой революцией княгиней стала" (кн. 1, гл. 25), т.е. вышла замуж за князя Дашкова.

Формула "урожденная такая-то" могла заменяться определенными

принятыми способами выражения, например, *рожденная*: графиня Софья Дмитриевна Строганова (рожденная кн. Голицына) (Легенды старого Петербурга, М., 1992. С. 55). Или сочетание в *девичестве* (= состояние до замужества; устарелое): в девичестве Иванова (урожденная Иванова) (определение и пример из "Словаря русского языка" С.И. Ожегова). Последняя формула была противопоставлена – в случае необходимости – сочетанию в *замужестве*: "В Белеве же жила младшая дочь Бунина, рано овдовевшая, Екатерина Афанасьевна, в замужестве Протасова" (Смена. 1996. № 4. С. 38).

Это значение слова *урожденный* для нашего времени действительно устарело. Прежде всего потому, что указание на принадлежность к определенной семье (дворянскому роду) после 1917 года утратило в России свою актуальность (если не стало просто опасным...). К тому же смена фамилии на фамилию мужа – хотя она и теперь остается, как правило, традиционной, массовой – юридически не является обязательной, какой была в церковном браке. В связи с последним тезисом ср. хотя бы попутное замечание в приключенческом романе: "Своими впечатлениями Лариса поделилась с профессором Кухаренко ... Лариса бывала у него дома. Познакомилась с его женой, тоже геологом. Только Наталья Николаевна, к недоумению Ларисы, носила свою фамилию – Сарсадских" (Г. Свиридов. Охотники за алмазами).

О восприятии слова как устарелого свидетельствует, в частности, такая реакция журналистки на его употребление: "Мы встретились в октябре, когда Лавр Алексеевич (внук генерала Лавра Георгиевича Корнилова, живущий в Бельгии. – *Б.Ш.*) и его жена, Елизавета Георгиевна, "урожденная Крылова", как по-старинному он ее отрекомендовал, были несколько дней в Москве" (Лит. газета. 1991. 25 дек.). Ну, а в современном – нормальном! – журнальном тексте это слово вообще не смотрится, ср. в статье академика В.Л. Гинзбурга: "Дело в том, что моя жена Нина Ивановна Гинзбург (урожденная Ермакова) была арестована в 1944 году ..." (Наука и жизнь. 1992. № 1. С. 26). Что же касается официального бюрократического интереса к добрачной фамилии женщины, то он прекрасно обходится без самого этого слова, предлагая в анкете "обоеполоый" вопрос: "Не менял(а) ли фамилию?"

Между тем в современном словоупотреблении можно обнаружить *урожденный* и в других значениях. Например, в значениях "уроженец (страны, местности, города)" или "коренной житель какой-либо местности, города". "*Урожденный москвич*, я могу вспомнить, когда это началось – на рубеже 40–50-х годов" (Ю.В. Манн – Известия. 1991. 18 янв.); "... отчего-то через Сретенку никто не переходит по пешеходным дорожкам; здесь, видно, тропы пешеходные от века пролегли, пусть хоть и скрыты теперь асфальтом, все равно, москвичи по ним ходят, по

укоренившимся в памяти... *Москвичи урожденные*, своенравный народ и консервативный в чем-то" (Л. Карелин. Последний переулоч).

В значениях "природный" (= принадлежащий к чему-либо по рождению) или "родом" (= по своему происхождению): "Впервые при Османах великим визирем становился не *урожденный турок*, а чужестранец, отуреченный гяур да еще и раб в придачу" (П. Загребельный. Роксолана. Пер. с укр. И. Новосельцевой), ср.: «Новому везиру около 50 лет, он природный "турчанин", имя его Далтабан Мустафа-паша» (Н.И. Павленко. Птенцы гнезда Петрова).

В значениях "природный" (о чем-либо, присущем кому-либо от природы) и "прирожденный" (имеющий все данные для какой-либо деятельности): "Я за тобой наблюдаю давно и стараюсь понять тебя. На мой взгляд – ты *урожденный преступник*, хотя об этом и не догадываешься и не имеешь уголовной закалки" (В. Суворов. Аквариум), ср.: "... мне сейчас позарез нужны два понятых и Светлов с его нюхом прирожденной сысской ищейки" (Ф. Незнанский, Э. Тополь. Красная площадь).

В значении "рожденный" (тогда-то): "Г о р о с к о п. Урожденные 9 мая – деятельны, любознательны... Урожденные 10 мая – порывисты, порой вспыльчивы..." (газета "Молва" [Владимир]. 1991. № 38).

И, как это ни парадоксально, в художественной литературе XX века рассматриваемое слово в его исторически основном значении (смена фамилии) можно встретить применительно к ... мужчине. Так, в романе М. Алданова "Ключ" – о времени первой мировой войны, иронически:

– Нет, благодарю вас, я сам только что из буфета. Там Землин и Кременецкий меня задержали.

– Землин? Ах, да, фон Боден...

– *Урожденный фон Боден*. Фамилию новую выхлопотал, а частицы "фон" ему жалко...

Ср. в аналогичной ситуации (смена фамилии мужчиной на фамилию жены) использование другого варианта обозначения, также иронически:

– Ладно, ладно, – пробурчал прокурор. – Зять он, понимаешь? Зять.

– Чей он зять?

– Фамилию не расслышал? Леонидова.

– Так ежели он зять, он должен иметь другую фамилию, – удивился Серов.

– А он, вступив в брак, взял фамилию супруги, точнее – тестя.

... Илья Ильич Леонидов, в *девичестве Пробойкин*... На четвертом курсе он женился на дочке Леонидова. Она была старше Ильи на восемь лет, определенно некрасивой... Фамилия Ильи вызывала улыбку. Женившись, он ее сменил. Отсмеются и забудут, решил он. И оказался прав (Н. Леонов. Обречен на победу).

И еще один – совсем неожиданный – пример: когда слово *урожденный* связывается со сменой не фамилии, а отчества. Речь идет о Константине Константиновиче Рокоссовском: "Ведь действительно, он, *урожденный Константин Ксаверьевич*, сам того не желая, в 20-х годах переменял отчество на Константинович – для упрощения, ибо во всякого рода документах имя Ксаверий то и дело переверилось, писалось неправильно. А однажды в какой-то бумаге назвали его Константином Константиновичем, и он наконец смирился с этим, перестав и сам именовать себя Ксаверьевичем" (И. Стаднюк. Москва, 41-й).

*

Такое разнообразие возможностей для слова *урожденный* выступать не в своем исторически основном значении, а в значениях, присущих ряду других слов (*врожденный, природный, прирожденный, уроженец*), невольно наталкивает на мысль о том, что мы имеем здесь дело с процессами, охватывающими целую группу родственных (однокоренных) слов. Близость, сходство или смежность значения этих слов обусловлены их связью с рождением: фамилия от рождения – место рождения – присущность чего-либо по рождению (происхождению) или от рождения (в том числе и каких-либо способностей – "от природы"). И это поле колебаний является питательной средой для отмеченных в начале статьи различных употреблений слова *урожденный*.

Как далеко зашло взаимное пересечение в семантике этой группы слов – показывает сопоставление их толкований, например в четырехтомном "Словаре русского языка" под ред. А.П. Евгеньевой (изд. 2, 1981–1984):

В р о ж д е н н ы й (I, 227)

= Присущий от рождения, ... *врожденная порядочность*. Куприн.

П р и р о д н ы й (III, 438)

= 2. Свойственный от рождения; *врожденный. Природный ум...* То же, что *прирожденный* (во 2 значении) ... *Это был плясун хватистый, природный*. Шукшин.

= 3. Принадлежащий к кому-чему-либо по рождению... *Я природный дворянин*. Пушкин.

П р и р о ж д е н н ы й (III, 438)

= 1. Присущий от рождения; *врожденный. ...как у невиц с прирожденной полнотой звука*. Федин.

= 2. Имеющий все данные для какой-либо деятельности. ... *Был он прирожденным бойцом*. Тихонов.

Р о д о м (III, 723), наречие

= по своему происхождению (твор. пад. ед. числа от *Род*).

3. Принадлежность по рождению к какой-либо определенной

социальной группе, национальности или месту; происхождение. ... *родом из Полтавской губернии*. Фадеев. ... *Родом я, как говорили в старое время, из мужичья, из простонародья*. Паустовский.

У р о ж д е н н ы й (IV, 513)

= 2. Употребляется перед девичьей фамилией замужней женщины в значении: имевшая такую-то фамилию по рождению до брака.

= 3. Устар. То же, что прирожденный (во 2 знач.). ... *по своей натуре был урожденный военный*. Стасов.

У р о ж е н е ц (IV, 513)

= Человек, родившийся в каком-либо месте, родом из какой-либо страны, города, деревни и т.п. *Уроженец Франции*.

Ср. значения: Врожденный – Природный (2) – Прирожденный (1); Прирожденный (2) – Урожденный (3); Родом – Уроженец. Общность значений слов подчеркивается также указанием в толковании на другое слово: Природный (2)... – врожденный ... То же, что прирожденный; Прирожденный (1)... – врожденный; Урожденный (3)... – То же, что прирожденный (2).

Но как ни разнообразно взаимное пересечение семантики слов рассматриваемой группы (по данным четырехтомного "Словаря русского языка"), круг колебаний, свойственных современному употреблению устарелого *урожденный*, оказывается шире: в этом можно убедиться на примерах употребления слова *урожденный*, приведенных в начале статьи, в которых это слово выступает не только в своем исторически основном значении (урожденная такая-то), но и в значениях слов "уроженец", "природный" (и "родом"), "прирожденный" и "рожденный" (тогда-то).

В какой степени колебания значений слова *урожденный* (т.е. возможности расширения его семантики) отражены в описании его норм в современной лексикографии? В наиболее строго нормативном "Словаре русского языка" С.И. Ожегова – до 20-го издания (1988) – отмечалось только одно значение этого слова (фамилия женщины до замужества). И потому заголовочная форма словарной статьи давалась в женском роде: *Урожденная*. С 21-го издания (1989) в словаре Ожегова отражается еще одно значение этого слова, а точнее, связь значения слова *урожденный* со значениями одновременно двух других слов рассматриваемой группы: *природный* (= 3. По рождению принадлежащий к какой-нибудь стране, общественному классу) и *уроженец* (= человек родом из определенной местности, родившийся в определенной местности). В результате заголовочное слово словарной статьи стоит теперь традиционно, в мужском роде (*Урожденный*), а первое значение слова сформулировано как "1. Коренной, исконного

происхождения, потомственный. *Урожденный волжанин. Урожденный земляпищец*".

Заметим, что в словаре Ожегова (как и в словаре Ожегова – Шведовой) отсутствует зафиксированное в четырехтомном "Словаре русского языка" 3-е значение слова *урожденный*: "То же, что прирожденный 2" (= имеющий все данные для какой-либо деятельности), примеры на которое в четырехтомном "Словаре русского языка" отчетливо ощущаются теперь либо как устарелые (*урожденный военный* – Стасов), либо как явно ненормативные (невзирая на потуги на юмор: *Вы поймите, я же – самородок, урожденный гений от сохи!* – Исаковский).

Рискуя прослыть консерватором, думаю, что первое значение слова *урожденный* (включенное в последние издания словаря Ожегова и перешедшее в словарь Ожегова–Шведовой) отражает семантические колебания в рассматриваемой группе слов, – процесс, результаты которого еще недостаточно отстоялись в употреблении. Поэтому, может быть, следовало подождать с освящением этого "коктейля" взаимодействующих значений – тем более в словаре с такой строго нормативной репутацией, где сам факт включения в словарь слова (его значения, формы) практически равноценен рекомендации к употреблению (или же, может быть, включая подобные факты в словарь, стоило бы оговаривать их, отмечать особым знаком, специально растолкованным в "Сведениях, необходимых для пользующихся словарем"). Это не исключает необходимости, с одной стороны, дальнейших целенаправленных наблюдений над бытованием в языке рассмотренной группы слов и, прежде всего, слова *урожденный*, а с другой стороны – обязательного включения этого слова (в его исторически основном значении) в специальные словари устаревшей лексики, предназначенные в помощь учащемуся при чтении русской классической литературы.

МИЛОСТЫНЯ

И.А. ШИРШОВ,

доктор филологических наук

За последнее время слово *милостыня* стало употребляться все чаще и чаще. Ее просят не только старики и инвалиды, но и женщины с детьми на руках, погорельцы, беженцы, студенты-скрипачи, гармонисты преклонного возраста и даже целые музыкальные ансамбли. Начинают стираться грани между выпрашиванием милостыни и заработком квалифицированного музыканта, так как просящие обращаются к спешащему мимо люду в надежде на его милосердие. Если три-четыре года назад прохожие в подземных переходах бросали колкие замечания в адрес таких людей (в их основе лежит вбиваемое десятилетиями представление о всеобщем равенстве, а точнее – о всеобщей бедности), то теперь упреков почти не слышно. Русь возвращается к своим истокам: просящий милостыню все чаще воспринимается как человек, терпящий бедствие.

Естественно, в этой ситуации возникает вопрос, входит ли смысл, вкладываемый в слово *милостыня*, в систему национальных традиций, находит ли в нем отражение культурный контекст, который свойствен русскому народу. Слово в языке живет не случайно, оно многими невидимыми нитями связано с историей общества, фиксирует в своем значении мгновение, актуальное для всего культурного пространства.

В "Словообразовательном словаре русского языка" А.Н. Тихонова слово *милостыня* описано как вершина самостоятельного гнезда, в которое входят два производных – *милостынька* и *милостынный*. Это значит, что данное слово, по мнению автора словаря, подверглось опрощению, в современном русском языке не членится на морфемы и утратило всякие связи с бывшим словообразовательным гнездом. Выведены из гнезда с вершиной *милый* и слова *миловать*, *милость*, а слово *милосердие* вообще не зафиксировано в словаре. Если судить по материалам этого словаря, то гнездо с вершиной *милый* разрушено, из него возникло пять самостоятельных гнезд. А так как морфемный состав указанных слов деформации не подвергся, то остается предположить, что зафиксировано явление семантического опрощения, т.е. такого изменения семантики, которое привело к затуханию исходного значения и формированию нового, никак не связанного с этимологическим.

Автор словообразовательного словаря при формировании гнезд ориентируется не на субъективное представление о значении того или иного слова, а опирается на толковый словарь, в котором они описаны. Посмотрим, как очерчено лексическое значение слова *милостыня* в толковых словарях современного русского языка: Милостыня, -и, мн. нет, ж. Подаяние нищему, нуждающемуся. *Подать милостыню. Просить милостыню. Ждал ее улыбки как милостыни*; Милостыня, -и.ж. То, что подается нищему, подаяние. *Собирать, просить милостыню. Подать милостыню*; Милостыня, -и, ж. Подаяние нищему; Милостыня, и, ж. Подаяние, пожертвование нищему, нуждающемуся.

Общим во всех словарях является толкование через слово *подаяние*, различие заключается в том, кому оно дается – нищему, или, кроме того, нуждающемуся. В описании значения используется синонимический способ, а не мотивационный, как ожидалось: в таком случае в толковании должно появиться слово *милость*, но его там не оказалось. Данные толковых словарей позволяют выдвинуть два предположения.

1. Слово *милостыня* утратило внутреннюю форму, перестало семантически соотноситься со своим производим, подверглось опрощению. Оно не входит в словообразовательное гнездо с вершиной *милый*, а следовательно, не принадлежит к разряду производных. Его можно изучать как элемент лексической системы, в частности – как компонент синонимического ряда вместе со словом *подаяние*. В пределах этого допущения А.Н. Тихонов прав, сформировав отдельное гнездо с вершиной *милостыня*.

2. Слово *милостыня* обладает внутренней формой, а следовательно, и словообразовательной структурой, ср. *милост-ын(я)*, но авторам толковых словарей не удалось ее выявить. Как это ни парадоксально, мотивированный характер значения слова *милостыня* представлен в толковании слова *подаяние*, ср.: Подаяние, -я, ср. Пожертвование из милости, сострадания; милостыня. *У врат обители святой Стоял просящий подаянья Бедняк иссохший, чуть живой От глада, жажды и страданья*. Лермонтов. Нищий.

В описании значений слов *милостыня* и *подаяние* наблюдается порочный круг, когда первое слово толкуется через второе, а второе – через первое. Стремление к точности толкования приводит к нивелированию лексических значений слов, они лишаются того ореола, культурного фона, которые им свойственны. Между тем каждое из этих слов может быть описано с использованием производящего, т.е. мотивационным способом.

Так, слово *подаяние* функционирует с предметным значением, в нем нет оттенка отвлеченности, заданного словообразованием, и в этом его

специфика. Оно может быть истолковано по схеме "то, что подают кому-либо". Здесь мы наблюдаем переносную мотивацию, так как в качестве мотивирующего в современном русском языке выступает третье значение слова *подать* "дать милостыню", ср. *подать нищему, подать кусок хлеба*. Отсутствие у слова *подавание* отвлеченного значения и соотносительность не с прямым значением слова *подать* "дать, поднести", а с переносным, говорит об изменениях, происшедших на временной оси. Выпадение из языка отвлеченного значения и сохранение предметного, возникшего на основе метонимического переноса, не привели к демотивации, а укладываются в систему: в русском языке такие значения обладают двумя мотивациями – прямым значением производного (семантическая деривация) и глаголом (деривация формально-семантическая), ср.: Еда. 1. Действие по глаг. *есть*. 2. То, что едят.

Слово *милостыня*, вступив в синонимические отношения со словом *подавание*, тем не менее не является его дублетом, а обладает своей внутренней формой, соотносясь со словом *милость* в значении "благоденствие, дар", ср.: *У ворот монастырских была другая картина. Несколько нищих и увечных ожидали милости богомольцев: они спорили, бранились, делили медные деньги*. Лермонтов. Вадим.

Контекст показывает, что у слова *милостыня* есть своя семантическая база, оно входит в разряд мотивированных образований. Но тогда почему колеблются лексикографы, почему описывают его значение энциклопедически, а не мотивационно? В самом деле, есть ли какая-либо связь между словами *милостыня* и *милый*, *милость* и *мильи*? Какие аргументы можно привести, чтобы объединить их в одно гнездо? Рассмотрим всю словообразовательную цепь *милый* – *милость* – *милостыня*.

Слово *милый* имеет в современном языке два значения: 1. располагающий к себе, привлекательный, ср. *милая женщина, милая улыбка*; 2. дорогой, любимый, ср. *насилно мил не будешь* (посл.). В образованном от него слове *милость* – три значения, причем мотивированным является только прямое значение, соотносимое с первым, слова *милый*, ср. 1. свойство по прил. *милый* (в 1 знач.) расположение, благосклонность. *В первом письме ... князь Андрей просил с покорностью прощения у своего отца ... и просил его возвратить ему свою милость*. Л. Толстой. Война и мир. 2. доброе, великодушное отношение: *оказать милость*. 3. благоденствие, дар: *осыпать милостями кого-н.*

Второе и третье значения этого слова – результат семантической деривации, они связаны с прямым значением слова *милость*, а не со словом *милый*, тем самым семантически отдаляясь от последнего. Слово *милостыня* соотносится с третьим значением слова *милость*, ср. "то, что дается в виде милости; подавание". Оно не выводится из

прямого значения слова *милость*, словообразовательная цепочка имеет ломаный вид, ср.: милый₁ → милость₁

милость₂

милость₃ → милостыня

Ломаная цепочка приводит к затемнению семантико-словообразовательных связей, которые не могут быть выявлены ни в рамках толкового, ни в рамках словообразовательного словаря. Для этого нужен особый подход, толково-словообразовательный, когда описываются все лексические значения слов в их отношении к деривационным связям.

Слово *милостыня* располагается на периферии синхронной словообразовательной системы не только потому, что является компонентом ломаной словообразовательной цепочки, но и потому, что образовано с помощью суффикса *-ын*, пик продуктивности которого давно прошел. В современном русском языке сохранилось всего несколько слов с этим суффиксом: *рабыня, твердыня, гордыня, сударыня, государыня, боярыня, гусыня, благостыня, милостыня, святыня, барыня, пустыня*. Обращает на себя внимание семантический разброс этого суффикса. В одних производных он имеет значение женскости, присоединяясь к названиям лиц мужского пола: *раб – рабыня, барин – барыня, боярин – боярыня, сударь – сударыня, государь – государыня, гусь – гусыня* (самка гуся). В других случаях он имеет значение "предмет, пространство", присоединяясь к основам прилагательных: *твердый – твердыня, святой – святыня, пустой – пустыня*. В слове *гордыня* реализовано значение свойства, состояния. И только в двух словах – *благостыня, милостыня* – суффикс присоединяется к основам существительных на *-ость*, передавая значение предмета.

Слово *милостыня* по своему происхождению старославянизм. Старославянский язык – это язык переводных христианских текстов, богослужения, православного вероисповедания. В православии постулат милосердия является одним из основополагающих, вот почему слово *милостыня* легко вошло в лексическую и словообразовательную систему. Христианский ореол этого слова поддерживается фразеологическими оборотами *милостью божией, яви (сделай) божескую милость*.

Вариант этого слова *милостина*, в котором реализованы словообразовательные возможности русского языка, устарел и не удержался в языке. Культурный, православный фактор оказался сильнее. Подавая милостыню, мы возвращаемся к тем ценностям, которые были свойственны русскому народу на протяжении тысячелетия и которые нельзя изгнать из жизни, провозгласив безбожие в качестве идеологической установки.

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

Эр. ХАН-ПИРА,

кандидат филологических наук

В декабре 1995 г. во время телеигры "Что? Где? Когда?" был задан вопрос, считать ли эту игру азартной. Один из ее участников ответил утвердительно и пояснил: "Мы же на деньги играем". Однако ведущий (или, как его ныне называют, господин крупье) не согласился с этим, процитировав "правильный ответ": "игра, в которой выигрыш зависит от случайности", и показал на рулетку как ее материальное воплощение. Иначе говоря, игра эта азартная, но не потому, что идет на деньги, а потому, что здесь царит случайность.

Верно ли, что только признак случайности выигрыша отличает азартные игры от всех прочих?

Словосочетание *азартная игра* попало в русский язык из французского и представляет собой полукальку: *jeu de hasard* (ср. другую полукальку *игра случая* – *jeu du hasard*).

Посмотрим, как понимается это словосочетание в толковых словарях русского языка. В третьем издании Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля (под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ) сказано: "Азартные картежные игры, случайные, роковые, противопологаются коммерческим, потешным, расчетливым, зависящим более от умения..." (т. I, 1903). *Картеж*, по Далю (т. II, 1905), "страстная игра в карты", а *картежный* – "к картежу относящийся" (*картежить*, *картежничать* – "страстно, много играть в карты, на деньги"). *Азартные картежные игры* – это, по Далю, игры, идущие на деньги, где правят бал случайность, рок, судьба. Противоположение, упомянутое словарем, отчасти раскрывается в словарной статье Ком-

мерция: "Коммерческие игры, картежные козырные, ровные, рас-
счетные". Как видим, словарь Даля азартных игр, не связанных с
картами, не знает.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова
(ТСУ) находим: "Азарт... 1. Запальчивость, задор... // Сильное увле-
чение, рвение... 2. Карточная игра на деньги; крайнее увлечение игрой
(разг.)". "Азартный... Увлекающийся, несдержанный... Азартная игра –
такая, в которой выигрыш зависит от случайности, а не от умения
игрока". Обращает на себя внимание ни в одном другом словаре не
отмеченное второе значение слова *азарт* (при этом смущает добав-
ленное через точку с запятой: "крайнее увлечение игрой", это, скорее,
самостоятельное значение).

Слово *азарт* в значении "карточная игра на деньги" могло, полагаю,
образоваться в разговорной речи способом так называемого усечения с
включением (термин Н.А. Янко-Триницкой): ср. *негативные факты –
негатив, позитивные факты – позитив, противогазовая маска –
противогаз* (усекается часть основы прилагательного, отбрасывается
сочетающееся с ним существительное с удержанием его смысла
(включением) во вновь образованное существительное. Это слово-
образовательная модель, порожденная (наряду с некоторыми другими
способами) законом экономии языковых средств. Она, кстати, подарила
немало слов профессиональным жаргонам, ср. например, у спортсменов
тяж, полутяж, выиграть мир, т.е. "штангист тяжелого, полутяжелого
веса", "выиграть мировое первенство". Слова, созданные по ней,
зачастую представляют собой омонимы к уже существующим словам:
ср. упомянутые *позитив, негатив* по отношению к терминам фотодела
позитив, негатив, а также появившееся в советское время слово
актив со значением "активная часть членов какой-нибудь организации,
какого-либо коллектива" и ставшее омонимом к уже существовавшему
заимствованию из французского языка (в ТСУ ошибочно включено в
статью Актив на правах одного из значений). Вот и *азарт*, возникший
из *азартной игры*, – омоним слова *азарт* (а не одно из значений
последнего, как это показано в ТСУ). К сожалению, составители
словаря не сопроводили *азарт* в значении "карточная игра на деньги"
ни одной оправдательной цитатой. Приходится верить на слово
авторам, всецело полагаясь на их незаурядную коллективную языко-
вую память. И если действительно слово *азарт* имело такой смысл, то,
несомненно, должно было существовать мотивирующее его словосо-
четание *азартная игра* с тем же значением.

Обратимся к четырехтомному Словарю русского языка (2-е изд.):
Азартная игра – игра, в которой выигрыш зависит только от случай-
ности, а не от умения игрока".

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой читаем: "Азартные игры – игры, в которых выигрыш зависит от случая, случайного расклада карт". Отметим, что тут *азартные игры* толкуются как карточные. А во 2-м издании Словаря современного русского литературного языка оправдательные цитаты подталкивают к пониманию *азартных игр* как связанных с денежным выигрышем (проигрышем): "А з а р т н ы е и г р ы – и г р ы, в к о т о р ы х в ы и г р ы ш и з а в и с и т о т с л у ч а й н о с т и. Р я д о м с г о с т и н и ц е й р а с п о л о ж и л о с ь к а з и н о с р у л е т к о й и д р у г и м и а з а р т н ы м и и г р а м и. Паустов. Итал. записи. – Запрещается играть в азартные игры, – можно прочесть в правилах домов отдыха. Здесь подразумеваются игры в карты на деньги. К. Платонов. Занимательная психология".

Азарт и *азартный* употребляются в русском языке с XVIII в.; сперва азарт (*азард, газард, озард, хазард*), потом *азартный* (*азардный, озартный, газартный*). Словарь русского языка XVIII века в статье *Азартный* так, не толкуя, представляет наше словосочетание: "А. игра. Карт. (т.е. картежное. – Э.Х.). Играл в газартную игру и проиграл 500 фунтов стерлингов. Московские ведомости. 1761. Не подумайте, чтоб игры наши были азартные или убыточные. Записки А.Т. Болотова". Стало быть, словарь связывает это словосочетание с карточными играми, ведущимися на определенный материальный интерес.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона сказано, что азартные игры – это "игры, результат которых, в противоположность играм коммерческим, исключительно или главным образом зависит от случая, а не от ловкости или искусства игроков, если притом в виде ставки является предмет, к выигрышу или проигрышу которого участвующие в игре по своим средствам не могут отнестись безразлично".

Возвращаясь к телеигре, следует сказать, что с недавнего времени она азартная, так как обладает ее необходимыми и достаточными признаками: случайность материально выраженного (денежного) выигрыша.

---

*Беседы по культуре речи***"Фразы, подброшенные в воздух", или
несколько советов публицистам**

*О.В. ДУНАЕВСКАЯ,
кандидат филологических наук*

Известный французский писатель Теофиль Готье, когда его спросили, как он пишет, сказал однажды: "Я бросаю мои фразы на воздух, как кошек, и уверен, что они упадут на ноги... Это очень просто, если знать законы своего языка".

Мы производим на свет слова, фразы, тексты – письменные или звучащие. Почему некоторые из них продолжают жить в сознании людей – "падают на ноги", а другие – умирают еще в полете? Причин тому множество. Мы же в наших беседах остановимся лишь на некоторых, наиболее распространенных "помехах" в устной и письменной речи.

Что такое штамп?

Немало хорошего сказано в литературе о достоинствах образной речи: она и ярка, и проявляет стиль говорящего. Но вот вы услышали или прочитали такую фразу: "Узость географии нефтедобычи в Сибири уже преодолена".

На какие размышления наталкивает это высказывание? Во-первых, вспоминается не одна встреча с этой *географией*, причем в самых разных сочетаниях. У издательских работников в ходу *география авторов*, у газетчиков – *география публикаций*, у спортивных комментаторов – *география*, например, *прыжков в воду* и т.п. И вот теперь – *география нефтедобычи*. Что же это за слово такое, которое вдруг всем понравилось? Оно не что иное, как штамп. Спрашивали ли вы себя когда-нибудь, что такое – штамп? И какая связь существует между штампом и образной речью? Почему мы то или иное слово ругаем: "штамп это".

"Штамп" – затертое, часто употребляемое слово или выражение, – так думают многие. И верно и неверно.

Есть ли какое-нибудь сочетание слов, которое бы употреблялось чаще, чем, например, *правая рука*? (У меня болит правая рука. Он пожал ей правую руку. Она подняла правую руку). Но ведь не назо-

вещь это сочетание штампом. А вот во фразе "Он – моя правая рука" – уже штамп. Штамп – обязательно образ, но надоевший от частого употребления.

Вернемся к *географии нефтедобычи*. Любой словарь нам скажет, что *география* – это, во-первых, комплекс наук, изучающих поверхность земли, а во-вторых, само изучение распространенности чего-либо. Сейчас возник явный избыток всяческих географий. Слово в переносном значении превратилось в "дежурное". Этот бывший образ в устах публициста не "зацепит", не остановит на себе внимания аудитории.

Читаем (слушаем) дальше: "Особое значение приобретает в создавшихся условиях проблема транспортировки газа". Этому публициста сменяет другой, который говорит или пишет так: "Конечно, нужны будут меры по дальнейшему укреплению материально-технической базы сельского хозяйства". И дальше: "Мы также поднимаем вопрос, и сейчас он продвигается, чтобы привлечь для удобрения полей такие составные элементы, как торф..."

Ну и что? – скажет кто-то, – ведь тут все правильно. Действительно, ошибок нет: грамматика и синтаксис в порядке. Но давайте подумаем, все ли слова, которыми "нафаршированы" эти высказывания, необходимы, все ли они несут смысл? Почему бы не сказать проще? Зачем автору (да и нам тоже) все эти *проблемы, меры по дальнейшему укреплению, вопросы*, которые *поднимаются и продвигаются*? Потеряют ли фразы смысл, если мы просто, как говорят редакторы, "снимем" эти слова? Думаю, нет.

Раньше такие слова называли "общими", ничего конкретного не выражающими, теперь их называют "универсальными", а значит, способными жить в любой языковой среде. Действительно, это слова-хамелеоны. Они меняют цвет в зависимости от той языковой среды, в которую попадают, а живут они везде: в публицистике, в научной речи, в художественной и в разговорной. И подобно ящерицам, могут быть с "хвостом", то есть иметь конкретный и полный смысл, а могут быть "без хвоста", то есть не иметь никакого смысла вообще.

Иной раз мы сталкиваемся в публицистике с целыми универсальными фразами. "Концентрируются силы и материальные ресурсы на важнейших направлениях, связанных с ускорением научно-технического прогресса", – говорит нам автор. И мы понимаем, что эту фразу можно услышать или прочитать практически в любом тексте, связанном с наукой, техникой или промышленным производством.

Да, еще Гёте устами Фауста справедливо заметил: "Где не хватает понятий, там своевременно их заменяют слова".

Для популяризатора науки, для того, кто пишет о промышленности, особое значение приобретают так называемые общенаучные слова, они

тоже – разновидность универсальных. Это слова, которые понятны в разных отраслях знания и даже в разных языках. Для русского – это, как правило, заимствования. Я имею в виду слова типа: *система, структура, принцип, критерий, синтезировать, анализировать, функционировать* и подобные. Конечно, эти слова удобны, и появились они на свет в результате международной интеграции наук. Они могут быть необходимы, а могут утрачивать конкретное значение, то есть быть попросту лишними.

И вот тут мы подошли к "помехе", о которой говорили публицисты-теоретики и публицисты-практики еще в начале нашего столетия. Это излишнее увлечение иноязычными словами, которые имеют эквиваленты в родном языке.

С подобными злоупотреблениями мы, к сожалению, часто встречаемся в самых разных текстах. Забавный пример на эту тему попался мне в одном фельетоне: "Ихтиофауна, являясь паритетным компонентом всей экологической системы днепровских водохранилищ, подвергается токсикации со стороны предприятий индустрии, что приводит к гидрологической деформации биогенного режима. Сказав проще, получим: рыбы нет и не будет".

Осуществлять контроль или контролировать?

Множество недочетов, составляющих смысловые "помехи", порождает увлечение говорящего или пишущего отглагольными существительными. Давайте прочитаем две фразы: "Ее (программу. – *О.Д.*) следует насытить еще большим содержанием. Мы должны поторопиться, мы должны сжать сроки исследований, сделать процесс внедрения и развития фундаментальной науки непрерывным, чтобы он ежегодно ощущался в наших программах, в наших достижениях"; "Программа предусматривает и систему образования и систему поднятия уровня научной работы". Тяжеловаты обе, не правда ли? А причина в переизбытке отглагольных форм "на единицу текста".

Конечно, когда мы говорим или пишем на научные темы, отглагольные формы, как правило, неизбежны. Ведь глубинный смысл научного текста или текста о науке заключается прежде всего в том, чтобы дать описание нового факта, то есть *н а з в а т ь*. Таким образом глагол, выражающий динамику, изменение, ослабляется. На смену ему приходят глагольно-именные образования. Однако обязанность автора, если он хочет быть "услышанным", – соблюдать меру.

Выразительные возможности у этих существительных гораздо уже, чем у глаголов, от которых они произошли. Причина в том, что они лишены времени, вида, наклонения, лица – то есть всего того, чем располагают исходные глаголы.

Именно отглагольные существительные ведут к так называемому расщепленному сказуемому, типа *проявить отношение* вместо *относиться*. В самом деле, всегда ли необходимо говорить, что *кто-то принял в чем-то участие*, а не просто *участвовал*, *осуществлял наблюдение*, а не *наблюдал* и т.д.?

И, наконец, последнее "плохое" свойство отглагольных существительных особенно важно именно для оратора. Произнесите про себя небольшое предложение, в котором, например, три подобных слова: "Было принято постановление, предусматривающее восстановление разрушенного стихией района и ускорение его экономического развития".

Боюсь, вам пришлось прочитать его дважды, прежде чем вы разобрались, в чем его суть. Дело в том, что однообразное чередование слов с созвучными суффиксами создает своего рода "эффект маятника", он нас убаюкивает, мы отдаемся этому сонному ритму и уже не вникаем в смысловую часть сообщения. Ритм подавляет смысл.

Может быть, вы обратили внимание, что почти все разобранные помехи характерны для официально-делового стиля.

Действительно, стилистика отчетов захлестнула многие жанры публицистики, как устной, так и письменной. Черты безликой деловой бумаги, "нормальные" на своем месте и в свое время, выглядят по меньшей мере странно в другой стилистической среде.

Издавна есть в русском языке простые предлоги: *в, на, о, за* и другие. Филологи называют их первообразными. Однако эти предлоги некоторым кажутся, видимо, недостаточно "весомыми", и вместо короткого предлога *о* звучит более "фундаментальный" – *в отношении*.

Это отыменной предлог. Он образован от существительного *отношение* с предлогом *в*. Это искусственная форма и потому сложна и тяжела. Таких предлогов сейчас стало много: *в разрезе, в части, в деле, в силу, в целях, в адрес, в области, в плане, по линии, на предмет* и так далее.

Отыменные предлоги часто соединяются с отглагольными существительными: *в целях улучшения, в плане укрепления, в части освоения, в деле усиления* и т.д., – образуя единство двух характерных признаков канцелярской речи.

Автоматически, неумело употребленные отыменные предлоги не только раздувают объем фразы; они даже могут внести в нее ненужный автору смысл: "Благодаря сильным морозам прокладка газопровода была отложена". Вряд ли следует благодарить морозы за то, что они были слишком сильными, а именно это следует из приведенной фразы.

В чем еще причина живучести отыменных предлогов в наших устных и печатных выступлениях? Они придают фразе обтекаемость, необязательность. Например, куда мягче прозвучит такое предложение: "Однако по урожайности основных культур сельское хозяйство

нечерноземной зоны не выделяется в лучшую сторону, то же самое и в отношении животноводства пока". Чем, например, такое: "Однако по урожайности основных культур сельское хозяйство нечерноземной зоны не выделяется в лучшую сторону, равно как и животноводство пока". Или такое: "Однако по урожайности основных культур и сельское хозяйство, и животноводство нечерноземной зоны пока еще отстают".

Той же цели служат и приставки *не-* и *недо-* с глаголами и отглагольными формами. Куда "тактичнее" выглядит: "План был невыполнен", нежели "План был не выполнен".

Интересно, что канцелярит оказывает двуединое влияние на нашу речь. С одной стороны, он мягок и уступчив, с другой – резок и императивен. Неуместный или излишний императив, приказной тон – тоже признаки бюрократической речи, которые, к сожалению, густо начинают многие наши публицистические тексты. Часто лишённые конкретного смысла, такие фразы приближаются к универсальным и напоминают выкрики, не адресованные никому.

Как вы думаете, к какой высокой аудитории должен обращаться автор, чтобы слова его могли возыметь конкретное действие, а слова такие: "Эта система (система научных исследований, проводимых Академией наук. – *О.Д.*) должна быть более гибкой и мобильной, не терпящей бесплодных лабораторий и институтов. Внимательно следует относиться к нуждам науки. Обеспечивать научные учреждения оборудованием, приборами, расширять экспериментальную базу".

И вот мы, "обычные" люди, слушаем или читаем это и с грустью думаем: "Конечно, должна... следует... Я-то, конечно, за!.."

Может быть, вы уже обращали внимание на то, что императив всегда безличен, неличностен. В "указующих" предложениях нет "героя", нет "действующего лица", в них есть лишь "подлежащее". Попробуйте в каждое второе предложение из только что приведенного отрывка вставить хотя бы вводные конструкции типа "думаю", "я уверен", "вы согласитесь со мной" и подобные, выражающие отношение автора. Вы сразу заметите, как смягчится текст, как станет более легким восприятие, хотя смысловая обедненность будет видна еще резче. Впрочем, императив, как и все разобранные нами помехи, чаще всего привлекается именно тогда, когда автор текста преследует не информативные, а какие-либо другие цели.

Итак, завершим наш разговор о смысловых помехах. Конечно, мы обсудили только малую часть тех языковых недочетов, которых хотелось бы поменьше встречать в нашей устной и печатной публицистике. Нет плохих языковых средств – есть наше неумелое или, что гораздо хуже, наше безответственное обращение с ними.

КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ГОРОДСКИЕ ВЫВЕСКИ

Г.М. ПОСПЕЛОВА,
кандидат филологических наук

Мир улицы, многоликий и пестрый, всегда был отражением своего времени. Сегодняшний день не исключение. Перестройка жизненного уклада, происходящая сейчас в России, коснулась и улицы, на глазах меняющей свой облик.

Наиболее заметные изменения происходят с вывесками, фиксирующими жизненно важные потребности человека. Новая социальная ситуация привела к тому, что некоторые из них постепенно начинают исчезать с улиц города или же медленно "растворяются" в изобилии нового оформления. Таковы вывески *библиотека, прачечная, ателье, химчистка, ремонт часов*. "Уходят в тень" до недавнего времени широко распространенные *гастроном, универмаг*.

Другая часть "старых" вывесок сегодня обретает новую жизнь – их смысловое содержание, функциональное предназначение, социальная значимость становятся иными.

Самым ярким примером подобного рода являются вывески со словом *банк*, потеснившие на улицах города унылые и безликие надписи *сберегательная касса*. Прекрасно оформленные, как правило, расположенные на фасадах заново отремонтированных зданий или у входов отреставрированных старинных особняков, они в гармоничном единстве со всем обликом банковских учреждений новой генерации словно символизируют их авторитет, иную суть, приоритетное положение в меняющейся шкале ценностей сегодняшней российской действительности. Частным проявлением особой значимости этого понятия стало широкое распространение вывесок со словами *обмен валюты*, иногда вместе или рядом со своим английским эквивалентом *Exchange*.

Зримые и вместе с тем показательные изменения произошли со словом *рынок*. Долгие годы оно в основном соединялось с понятиями "колхоз–совхоз", что точно и полно отражало его суть при советской власти. Сейчас появились новые вывески, официально оповещающие о

разных видах рынка, – муниципальный, оптовый, мелкооптовый, вещевой. Для массового сознания это один из конкретных примеров реальности идущих сейчас процессов создания рыночных отношений в стране.

Изменилось и восприятие слова-вывески *клуб*. Еще совсем недавно для многих оно ассоциировалось с культурно-массовыми учреждениями, созданными для рядового советского человека. Отдых, развлечения, общие интересы и увлечения – спортивные, художественные – вот что привлекало сюда детей и взрослых, рабочих и служащих. Обычными в языке были сочетания *городской клуб, сельский клуб, заводской клуб, молодежный клуб, студенческий клуб, клуб туристов, клуб любителей собак*. Сейчас появились клубы другого типа. Их создатели и владельцы стремятся отразить новое содержание понятия в названиях своих заведений. Делают они это, как им кажется, в наиболее доступной для человека с улицы и модернизированной в соответствии с требованиями времени форме. В результате появились наименования *арт-клуб, арт-джаз-клуб, диско-клуб, клуб-ассоциация, бизнес-клуб*. За внешней пестротой названий усматривается объединяющая их попытка организовать иначе, чем прежде, с оглядкой на традиции и опыт, накопленные мировой индустрией развлечений, проведение свободного времени для людей с достаточно высоким уровнем доходов. Недоступность таких клубов для основной части населения делает их в глазах многих символом уже реально существующего и все более углубляющегося расслоения общества.

По-новому вписалось в уличный декор и слово *дом*. До недавнего времени оно имело свое прочное и постоянное место на вывесках магазинов, а также учреждений, заведений, призванных обслуживать какие-либо общественные нужды. Дом обуви, Дом тканей, Дом мебели, Дом фарфора – крупные специализированные магазины. А еще были Дома творчества, Дома моделей, Дома пионеров и школьников. "Старая", активно использовавшаяся на вывесках модель (*дом* в сочетании с родительным падежом имени существительного) подчас наполняется другим содержанием – Дом паркета, Дом кухни, Дом жалюзи, Дом оборудования (для магазинов и офисов), Дом кожи. Эти вывески как бы иллюстрируют меняющиеся запросы потребителей, возросшие возможности торговой сети.

Но действительно иным стал контекст употребления слова *дом*, когда на вывесках оно появилось в сочетании с определением *торговый*. Так началось возрождение, казалось, давно ушедшего из языка его значения "предприятие, заведение": "Торговый дом ГУМ", "Торговый дом на Смольной", "Торговый дом "Библио-Глобус" – все это названия фирм, специализирующихся на продаже товаров и услуг самого широкого профиля, часто имеющих свои магазины.

Появились и новые сочетания со словом *дом* в том же значении, но с указанием на конкретную сферу деятельности коммерческих фирм – Издательский дом, Страховой дом, Юридический дом, Компьютерный дом.

На вывески города вернулись и другие слова, будто сошедшие с открыток и фотографий прошлого. Одно из них – *лавка*. Правда, в Москве на Кузнецком мосту долгие годы существовала Книжная лавка писателей, но она была одна и на фоне общей стандартизованности вывесок словно символизировала некую степень официально разрешенной меры свободы для творческой личности. Сейчас вывески пестрят названиями – *винная лавка, мясная лавка, гастрономическая лавка, коммерческая лавка, церковная лавка, лавка русской православной церкви*. Используется обычно слово *лавка* в полном соответствии с толкованием его в словарях. Зачастую графически стилизованное, оно придает современным заведениям некую "старинную" привлекательность.

Еще одно название, "позаимствованное" из словаря ушедших реалий, – *трактир* (в старом орфографическом облике – с *ъ* на конце). Однако, если раньше оно оповещало о ресторане низшего разряда или непритязательной закусочной со спиртными напитками, то теперь может украшать ресторан, претендующий на известную респектабельность, добротность, – впечатление, возникающее сейчас у многих от ассоциаций с миром старой России.

Столь же "старомодно" и название *трапезная*. В "Словаре русского языка" слову этому дается такое толкование: "Помещение в монастыре, где совершается трапеза", т.е. место, где принимают пищу обитатели монастыря. Сегодня на городской улице оно скорее заменяет слова *кафе* или *столовая*.

За этими внешне разрозненными языковыми фактами стоит многое. Связанные своей принадлежностью к миру ушедшей эпохи, они воскресли из небытия на волне интереса к историческому прошлому, так остро ощущаемого сейчас в обществе. В чем-то, наверно, это дань моде, хотя более вероятно – приспособление к нуждам коммерции с ее вечной погоней за привлекательным ярлыком для товара.

Вообще поиски рекламной новизны способствовали пробуждению особого рода творческой энергии, направленной на возбуждение интереса и внимания со стороны потребителя, на создание множества разнообразных и необычных вывесок.

Иногда, правда, для этого не требуется особых усилий – просто на вывеску выносятся названия понятий, прежде существовавших только по другую сторону границы, т.е. бывших для многих "запретным плодом", – *зал игровых автоматов, развлекательный комплекс, казино, стриптиз*.

В других случаях для вывески придумывают названия, содержащие определенный подтекст-приманку. Так, на улицах вместо прежних *продукты, мясо, рыба* появились вывески *деликатесы, мясные деликатесы, рыбные деликатесы*, вместо традиционных *пельменная, парфюмерия, свет* – *домашние пельмени, парфюмерный рай, электрический мир*.

Творческая фантазия рядового российского коммерсанта рождает и совершенно непривычные, до недавнего времени практически не существовавшие вывески – на них названия в виде суждений. Такие вывески сочетают в себе информативность с рекламным зазывом. К примеру, на киосках в центре города, где продаются газеты и журналы, вместо стандартного *союзпечатать* появились надписи *аргументы и факты*. Богатство ассоциаций, вызываемых этим названием, в том числе и связанных с популярностью известного еженедельника, привносит необходимую долю привлекательности, на которую рассчитывает любая коммерция.

Еще более "рекламно" выглядит вывеска *самые дешевые сигареты на Тверской*, разместившаяся там, где раньше было сухо обозначено *табак*. Столь же красноречива вывеска магазина на севере города *соблазны моды Италии*.

Небольшие павильоны, окружающие станции метро, заполненные разнообразным мелким товаром, необходимым в дороге, в городской суете, привлекают покупателей вывесками типа *купи поест, время-не-ждет*.

Иногда словотворческая энергия приводит к достаточно неожиданным находкам. Таковы новые для российского города вывески *еда, горячая еда*. Первая такая вывеска появилась в центре города в начале 90-х годов, в период трудного освоения рыночных отношений. Она вызывала странные чувства, поскольку представляла собой как бы концентрированное обозначение важнейшей человеческой потребности без указания на конкретное содержание, столь обычное для слова-вывески. И эта ее грубая прямолинейность стала восприниматься как зримый знак, горький символ того, что казалось труднодостижимым, но крайне необходимым. Сейчас вывески *еда, горячая еда*, конечно, не вызывают былых эмоций. Но в атмосфере постоянной социальной и политической дисгармонии едва ли потеряли свой глубинный смысл.

Однако наиболее ощутимые изменения облика улицы, всей ее ауры связаны с активным завоеванием городского пространства вывесками, в которых чувствуется их иностранное происхождение. При этом написаны они могут быть по-разному – и латинскими буквами, и кириллицей, а иногда и сразу в двух вариантах. Их появление в одних случаях связано с необходимостью обозначить новые, "иноземные" по своей сути реалии, в других – погоня за ярким привлекающим внимание

ярлыком, а в целом – все это отражение современной тенденции к использованию вместо слов русского языка – иностранных.

Так, на улицах города появились названия–аналоги русского понятия "магазин". Одно из них – слово *shop*, которое все чаще пишется кириллицей – *шоп*. Реклама предлагает посетить "американский семейный супершоп", в городе появился первый *post-shop* – *пост-шоп*; в прессе обсуждают проблемы, связанные с открытием *секс-шопа* (*sex-shop*).

Для обозначения магазина, по всем параметрам отвечающего западным стандартам, как правило, используют слово *супермаркет*. Нередко оно заменяет и привычное название *Универсам*. В современный лексикон оно вошло достаточно прочно и практически отделилось от своего первоначального латинского варианта. Органичность этого слова для городской торговой сети подтверждается и появлением вывесок, связанных с ним "родственными узами" – *минимаркет*, *продмаркет*, *суперпродмаг* и даже *суперсельпо*.

Горожане вполне освоили и вывески со словами *секонд хэндз* ("вторые руки", как разъясняют журналисты в средствах массовой информации). В магазинах под этими вывесками торгуют товарами, чаще всего предметами одежды, бывшими в употреблении и обычно привезенными из-за границы.

В общий перечень городских торговых заведений вошло и название *бутик*. Во французском языке, из которого это слово было заимствовано, оно имеет значение "торговая лавочка", т.е. небольшой магазинчик. В новом "русском контексте" оно стало упогребляться для обозначения современного модного салона-магазина, в котором предлагаются элегантные, изготовленные в малых сериях товары – дорогая одежда, обувь, галантерея.

Большое число вывесок с названиями, явно заимствованного характера, появилось и в сфере общественного питания, или *общепита*, как до недавнего времени именовалась эта часть городских учреждений. Долгие годы "больным местом", уязвимой частью этой системы была организация питания на улицах. В городе ощущался недостаток мест (или *точек*, как называют их в торговом обиходе), где бы человек мог быстро, на ходу, без особых усилий и недорого перекусить. Вскоре на улицах появились привезенные из-за рубежа, известные во всем мире вывески *Fast food*, *Hot dogs*. Названия эти пишутся чаще всего латинскими буквами, иногда в русской транскрипции. И лишь изредка можно увидеть рядом с английским русский вариант одной из них – *горячие сосиски*. Так что в основном эти наименования живут в своем "чужеземном" виде и прохожие "осваивают" их лишь при непосредственном контакте с такой "торговой точкой".

На городских улицах сейчас можно увидеть и вывески новых

стационарных заведений общественного питания, отличающихся от "старых" и по оформлению, и по содержанию.

Macdonalds – *Макдональдс* – вывеска, появившаяся в центре города несколько лет назад, вызвала у горожан не просто интерес, а ажиотаж – сюда выстраивались длинные очереди, как на выставку заморских чудес. Многим казалось, что именно здесь можно действительно увидеть и почувствовать магию западного мира, о котором они лишь слышали долгие годы за плотно закрытым "железным занавесом". Четкая организация работы, строгость в отборе даже официантов, подчеркнуто "навязчивый сервис" и необычные названия фирменных блюд – *Биг Мак*, *гамбургер* – все это, несомненно, отличало заведение от ему подобных, а умело организованная реклама, ряд акций благотворительного характера "довершили дело" – *Макдональдс* стал не просто первой ласточкой, а символом, если не всего западного мира, то его сервиса, обращенного к человеку. В какой-то мере это впечатление сохраняется до сих пор (хотя сегодня оно кажется странным среди обилия вывесок явно "импортного производства"). Видимо, завораживающий эффект имени *Макдональдс* действует и на журналистов. В промелькнувших в последнее время в прессе сообщениях об открытии еще нескольких заведений фирмы появилось наименование-определение *ресторан*, хотя будучи по самой своей сути типичным местом "быстрого питания", частью интернациональной системы "fast food", они долгое время "обходились характеристикой *кафе*, *кафетерий*, *закусочная*.

Довольно легко нашли свою нишу в системе городских вывесок заведения, предлагающие традиционное блюдо из Италии – пиццу. Использование для вывески итальянского слова *pizzeria* оказалось удачным: оно органично вошло в существующий перечень названий заведений "быстрого питания" – *закусочная* (кстати, именно таков точный перевод слова *pizzeria*), *пельменная*, *блинная*, *шашлычная*, слова, все еще встречающиеся, хотя и не столь часто, как прежде, на городских вывесках. Да и по сути пиццерии, специализирующиеся на приготовлении одного блюда с некоторыми вариациями, вполне соответствуют требованиям, предъявляемым к заведениям подобного рода.

Менее органичными, но вполне в духе времени выглядят вывески, включающие английское слово *house* вместе с поясняющей частью, которая также не переводится, – *steak house* – *стейк хаус*, мясной ресторан; *chicken house* – *чickenхаус*, заведение, в котором подается курица во всех видах. Это типичный пример перенесения вывески западного образца практически без изменений.

Однако гораздо чаще встречаются попытки приспособить названия с западных вывесок к своим нуждам, включить их в российскую систему

наименований. Так появляются названия, представляющие собой комбинацию из двух частей, из двух слов – русского языка и иностранного, "долгожителя" в русском языке и "новичка", – *куры-гриль, гриль-бар, гриль-кафе* и даже *Grill на Таганке*.

Необычной на этом фоне выглядит история слова-вывески *бистро*. Согласно легенде, русские казаки, оказавшиеся во Франции в результате неудачного похода Наполеона в Россию, сидя в парижских кафе, не зная языка, но как военные люди постоянно куда-то торопясь, покрикивали по-русски: "Быстро! Быстро!". Так во французском обиходе появилось слово *bistro*, что значит "маленькое кафе, ресторанчик, закусочная или небольшой бар". Сейчас оно – во французском звучании, за которым стоит и своеобразное содержание, – "перекочевало" на вывески российского города. Но по решению городских властей основу меню подобных заведений составят блюда русской кухни. Именно поэтому для таких "торговых точек" приготовлены вывески *русское бистро*. Первое из них было открыто в начале 1996 года в самом центре Москвы, на улице Варварка. Как писали газеты, оно привлекает к себе не только своим "русским духом" – в меню, в интерьере, но и высоким, на западный манер, уровнем обслуживания. Президент России Б.Н. Ельцин, посетивший бистро, с большой похвалой отозвался и о нем, и об идее городских властей создать целую сеть таких заведений.

Все эти новации на уличных вывесках, естественно, привлекают к себе внимание. И прежде всего потому, что это не просто слова, названия. Это реальные свидетельства тех изменений действительности, которые происходят в наше время.

ЯЗЫКОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ А.Д. КАНТЕМИРА

Г. А. ДАВЫДОВ

Князь А.Д. Кантемир – несомненно, один из самых своеобразных русских писателей. Его письменное наследие сравнительно невелико: сатиры, переводы из Анакреонта и Горация, симфония на Псалтырь, перевод Б. Фонтенеля, дипломатическая и личная переписка. Многого, увы, не сохранилось. Обыкновенно историки литературы останавливаются на собственном творчестве Кантемира – на его сатирах. Это, однако, не совсем верно, поскольку сам Кантемир не разделял своих литературных занятий. Не только поэтические переводы, но и личные опыты представлялись ему одинаково интересными, и везде полно проявились черты его личности: образованность и глубина веры просветителя-христианина.

Пытливый ум его и тяга к художественному не знали покоя. Свободное от службы время он проводил в занятиях литературой, музыкой, живописью, в чтении книг и богословских сочинений, в беседах в кругу мудролюбцев и занятиях алгеброй. Его парижская библиотека насчитывала свыше восьмисот книг на европейских языках и двести на русском. И хотя он посвящал себя в равной мере как искусству, так и наукам, дарование его имеет несомненно филологическую основу. Кантемир свободно владел древними и новыми языками, всегда с охотой брался за них: так, в Лондоне, он сильно усовершенствовался в итальянском, ведя переписку с сестрой не только на "родном" новогреческом (языке матери – княгини Кантакузен), но и по-итальянски, на который пробует переводить свои сатиры.

Но как русский человек и писатель он предпочитал свой язык всем прочим; глубокое знание чужих языков приучало особенно ценить родное слово. Его переписка и сатиры полны русских пословиц, язык улицы так и дышит в них, а смешение его с языком церковным есть общее достояние эпохи. Впрочем, все эти черты не раз были отмечены исследователями, остановимся лишь на той стороне языковых воззрений Кантемира, которая или оказалась незамеченной, или изучалась неполно.

Кантемир рос в послепетровской России, по которой гулял иноземный ветер. Он, помня благодеяния, оказанные Петром Великим его роду, чтит память государя и несомненно был сторонником его преобразований и того пути, по которому он направил Русь. Но и

Петра и его единомышленников отличал простой взгляд на вещи, чувство художественного было в них не развито: им нужны были пушки, победы, иностранные мастера, они торопились превратить Русь в европейскую империю, и в этой великой спешке и жестокой борьбе русский язык стал жертвой чужих влияний.

Старая культура, которую хорошо знал и чтит Кантемир, к петровскому времени окончательно упала и не могла быть преградой вредным влияниям и неоправданным излишествам в подражании европейцам. Традиционное мышление все далее оттеснялось на обочину русской жизни, недаром Петр жестоко преследовал старообрядцев, а Кантемир высмеивал их. Воспользовавшись плодами европейской культуры и нагнав себя на неустройства и перекосы русской действительности, традиционное мышление должно было родиться вновь. Это и произошло, а Кантемир был одним из первых, кто смело кроил европейское платье по русскому плечу.

Языковые воззрения Кантемира складываются к 1730-м годам. "Славяно-российский" период как начальный и подготовительный в этой краткой заметке мы не рассматриваем. В предисловии к переводу трактата Фонтенеля "О множестве миров" (1730) Кантемир предстает уже несомненным ревнителем чистоты языка и сторонником его обновления собственными запасами: "Приложил я к ней [книге. – Г.Д.] краткие примечания, для изъяснения так чужестранных слов, которые и не хотя принужден был употребить, своих равносильных не имея, как и для Руских употребленных в ином разумении, нежели обыкновенно чинится" (Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла. СПб., 1740).

В предисловии к Юстиновой "Истории", начало перевода которой относится к 1729 году, а окончательная отделка происходила между 1738–1744 годами, Кантемир частично повторяет ту же мысль, подчеркивая свое стремление к языковой чистоте: "В протчем я надеюся что перевод мой от подлинника мало в словах, ничем же в силе и разумении не разнится: изъемя два или три места, которые невозможно казалось перевести от слова, не отдаляясь свойства русского языка, которого я особливо держаться хотел, и неупотребляя чужестранных речей, которые я по крайней возможности искал миновать" (Дружинин В.Г. Три неизвестные произведения кн. Антиоха Кантемира. СПб., 1887).

Первый биограф Кантемира, аббат Гваско, отметил это стремление князя следующим образом: "При изрядном расположении мыслей, старался он сколько возможно избегать слов иностранных, которые другие в свой язык часто мешать обыкли" (Цит. по: Г.З. Байер. История о жизни и делах Молдавского господаря князя Константина Кантемира. М., 1783).

Придерживаясь умеренно-передовых взглядов на духовную и общественную жизнь, Кантемир в языке выступал последовательным почвенником. Он производствовался как соображениями пользы: "...польза от того произойдет, ежели напоследок те новые слова и речения [кальки, неологизмы, архаизмы. – Г.Д.] в обыкновение войдут, понеже чрез то обогатится язык наш, который конец в переводе книг забывать не должно" (Сочинения, письма и избранные переводы кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1867. Ч. I) – так и чувством художественности: художественным, по его мнению, могло быть лишь самобытное и национальное. Для утверждения идеала национального многое удачно сплелось в его судьбе и творчестве: во-первых, он получил старомосковское воспитание у питомца Духовной академии Ивана Ильинского, во-вторых, жизнь его, проведенного впоследствии двенадцать лет за границей, была полна русских и московских впечатлений; Петербург, где он учился в Академии, не оставил, по крайней мере, в его творчестве заметных следов, наконец, сам жанр сатиры был открыт народной речью.

Кантемир ясно понимал природу большинства заимствований, он видел, "что со введением наук вошли вместе к нам и безумные чужим землям подражания и обезьянства, сделавшие нас и внутри и снаружи непохожими на самих себя. (...) скоро появились и такие новые невежи, которые вместо наук перенимали парики с узлами, предпочитали Сенеке фунт доброй пудры и думали, что портной Рекс может сделать их отличными в Государстве людьми" (Шишков А.С. Опыт о российских писателях для чтения в Беседе. II, Кантемир // Избранные сочинения кн. Антиоха Кантемира. М., 1849). И если петиметра Кантемир высмеивал, то языковое "обезьянство" исправлял и преодолевал.

Способы этого преодоления были различны: избегать иностранных слов, заменять иностранное слово калькой, придавать русскому новое значение и возвращать в употребление забытое слово, сопровождая его в примечании укоренившимся иностранным.

Ярким примером этой большой языковой работы служит перевод книги Фонтенеля "О множестве миров", сопровождаемый, как большинство собственных и переводных сочинений Кантемира, примечаниями, которые разъясняли неизвестные читателю понятия и слова. В сочинениях того времени это было общепринято, необходимо для широкого понимания и удобно для внедрения в речь иностранных слов. Последнее красноречиво показывает не филологические, а политические корни вопроса о языке. Распространение "европейских" слов было вызвано не требованиями жизни, а стремлением государства европеизировать все области общезнательности, в том числе и язык.

Примечания Кантемира существенно отличаются от примечаний прочих сочинителей. Кантемир, как мы видели, употреблял иностран-

ные слова поневоле и, следственно, стремился непременно найти им возможную замену. Наибольший интерес, пожалуй, представляют те его опыты, которые касались уже вошедших в язык слов: "Звездознание. Обыкновеннее у нас называется Астрономия, наука чрез которую познаем величество, расстояния, и течение звезд и протчих небесных телес"; "Землемерие – чужестранным словом Геометрия"; "Вояжир, по руски Ездок, тот, что в дороге. Обыкновенно так называют французы тех, что ездят смотреть чужие край" (Разговоры о множестве миров...).

Последнее примечание сделано на слово *ездок*, которое тогдашнему русскому читателю, образца 1730–1740 годов, было уже непонятно.

В этом же переводе мы сталкиваемся не только с объяснением слов и понятий натурфилософии ("Наблюдения – Обсервация по Латински"; "Средоточие – средняя точка, центр"; "Имагинация – умоначертание"; "Экспериэнция – Искус, искусство, значение полученное чрез частое повторение какого действия"; "Сентенция – по Руски изречение"), но и понятий быта: "До гниды. Во французском стоит до подкожного червяка. Я гниду употребил для того, что и довольна мала [прим. на "Мы видим от слона до гниды". – Г.Д.] и нам знакомее" (там же).

Языковыми достоинствами отмечены не только сочинения и переводы Кантемира, но и его переписка: личная и служебная. Конечно его реляции неизбежно содержат канцеляризмы того времени, но их литературное и интеллектуальное превосходство было отмечено уже современниками: аббат Гваско называл их лучшим литературным произведением князя, а государственный канцлер М.Л. Воронцов считал полезным дать своему племяннику Александру Романовичу, назначенному полномочным министром в Лондон, такой совет: "Старых времен дела, находящиеся в архиве, с прилежанием прочесть, а особливо реляции кн. Кантемира, которые вам к руководству дел много способствовать будут" (Реляции кн. А.Д. Кантемира из Лондона. М., 1892. Ч. I).

Переписываясь одинаково свободно на пяти языках, Кантемир, этот "Мельхиседек русской литературы" (Веселовский А.А. Кантемир – переводчик Горация. Пг., 1914), все же предпочитал родной, в письме к "дядьке" своему Ивану Ильинскому он признается: "Я пишу по латински для того, что сам писать не могу, а лучше люблю русское употреблять" (Майков Л.И. Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира. СПб., 1908).

Пять тысяч отрицаний

А.В. СУПЕРАНСКАЯ,
доктор филологических наук

В предлагаемом очерке речь пойдет о фамилиях с отрицательными приставками *не-* и *ни-*. Некоторые из них образованы от дохристианских личных имен, причем имен особых, дававшихся от "сглаза". С этой целью к ним прибавлялось отрицание, как бы перечеркивавшее положительный смысл имени. Но есть фамилии и иного происхождения. Насколько типично или нетипично это явление было в прошлом, можно судить по тому, что только в Москве около пяти тысяч жителей имеют фамилии с отрицательными приставками.

Положительное в отрицательном

Есть слова, отрицательные по форме, но положительные по содержанию: *непьющий*, *недурной*. Этот тип повторен в фамилиях: *Небесихин*, *Невзлин*, *Невреднов*, *Недиков*, *Недурьев*, *Незлобин*, *Нелень*, *Немотов*, *Немешаев*, *Неунывалов*, *Неплюев*, *Неробеев*, *Нескучаев*, *Нестрахов*, *Нетрусов*, *Нетужилкин*, *Нештаев*. Но в ряде фамилий отрицается хорошее: *Небогаткин*, *Небожаев*, *Неважай*, *Неговелов*, *Негреев*, *Нежалеев*, *Немудров*, *Несмелов*, *Несмыслов*, *Несытов*, *Неуменко*, *Неумывалкин*, *Нехолов*, *Нечитаев*.

Некоторые фамилии образованы от слов, которые без *не-* не употребляются: *Нежный*, *Недужий*, *Невзгода*, *Немчик*, *Немчёнок*, *Нектаров*, *Незваль*, *Нельзин*, *Недоимкин*, *Ненаглядкин*, *Ненастьев*. Но в фамилиях обнаруживаются и такие образования, которые в общей

лексике без *не-* не употребляются, ср. парные образования *Годяев – Негодяев, Виданов – Невиданов, Дугов – Недугов, Нарокон – Ненарокон, Ряхин – Неряхин, Чаев – Нечаев*. Это свидетельствует о том, что в именах собственных не в точности повторяется система, присущая именам нарицательным, но имеются и свои, только им присущие закономерности.

"Параллельные" фамилии

Многие фамилии с отрицаниями имеют параллельные формы без отрицаний. Обратим внимание на совершенно несвойственное в обычном употреблении прибавление отрицания к имени личному. Ср. фамилии: *Аронов – Неаронов, Евин – Неевин, Лидин – Нелидин, Лидов – Нелидов, Любин – Нелюбин, Янов – Неянов* и с отрицанием *ни-*: *Гай – Нигай*. Некоторые считают, что имена *Нелид* и *Нелида* образовались в результате приспособления календарного имени *Леонид* к особенностям русской речи.

Существуют и фамилии, образованные от названий профессий: *Пахарев – Непахарев, Пряхин – Непряхин, Ратов – Нератов, Ткачёв – Неткачёв*. Предполагают, что подобные фамилии образованы от "обманных" имен, в которых скрыто пожелание, чтобы был хорошим пахарем, ткачом, ратником. Группа фамилий от "обманных" имен, давая которые, заботились о здоровье и благополучии ребенка, тесно примыкает к данным фамилиям: *Невзоров, Несмелов, Нечистяк, Нечуев, Неудакин, Несынов, Недрига, Неживой, Неустроев*.

Много парных фамилий с отрицанием и без него образовано от слов, обозначающих различные качества: *Богатов – Небогатов, Босов – Небосов, Вернов – Невернов, Годнов – Негоднов, Диков – Недиков, Волин – Неволин, Задоров – Незадоров, Злобин – Незлобин, Лень – Нелень, Ловкин – Неловкин, Милов – Немилов, Мудров – Немудров, Смачный – Несмачный, Солёнов – Несолёнов. Сытых – Несытых, Трусов – Нетрусов*.

Выделяется группа отглагольных образований: *Бреев – Небреев, Бываев – Небываев, Вейкин – Невейкин, Виданов – Невиданов, Гуляев – Негуляев, Достаев – Недостаев, Дуев – Недуев, Думов – Недумов, Жданов – Нежданов, Знаев – Незнаев, Лаев – Нелаев, Рубайло – Нерубайло, Рытов – Нерытов, Скучаев – Нескучаев, Таев – Нетает, Тужилин – Нетужилин, Умывалкин – Неумывалкин, Шатаев – Нешатаев*.

Не вполне ясны отрицания в следующих парах: *Быков – Небыков, Ведров – Неведров, Гробов – Негробов, Досугов – Недосугов, Козырев – Некозырев, Кротов – Некротов, Сова – Несова, Рядов – Нерядов*.

Небаба

Наряду с известными фамилиями *Бабин, Бабичев, Бабкин, Бабушкин* существует редкостная фамилия *Небаба*. В дореволюционной армии существовал анекдот, по-видимому, из жизни. Служил один унтер-офицер по фамилии *Небаба*. Возвращался он как-то вечером. Окликает его часовой: "Стой! Кто идет?". Он отвечает: "Небаба". Часовой говорит: "Сам вижу, что мужик".

Непарные фамилии с отрицанием часто образованы от глагольных основ: *Небеев, Неведомский, Неверовский, Невертеев, Негадаев, Недей, Небывайло, Незабытовский, Незнанский, Нечинайло, Нечхаев*. Различные качества предков семей отражены в фамилиях *Небольсин* (ср. древнерусское имя *Небольса* "небольшой"), *Невежский, Невинных, Недужий, Нежальский, Несговоров, Незлин*. Выделяется группа фамилий с приставкой *недо-*: *Недобой, Недобора, Недовес, Недодаев, Недомерков, Недорезов, Недоруб, Недошивкин*. Отметим также фамилии *Небреда, Невзгода, Недойнов, Незваль, Ненашев, Нечехин, Некоз*.

Отрицание ни-

Значительно реже, чем с *не-*, встречаются фамилии с отрицанием *ни-*: *Нигородов* (ср. *Городов*), *Никатин, Нисвятский, Нишатов* (ср. *Катин, Святский, Шатов*). Такое написание может быть вызвано малограмотностью тех, кто вёл записи, "йкающим" произношением тех, кого записывали, или какими-то другими причинами.

Система работает

Ряд фамилий с отрицаниями фактически ничего не отрицают. Это – результат народной переделки календарных имен. Особенно убедительны в этом отношении параллельные формы с *не-* и *ни-*. Например, есть редко употребляющееся имя *Онисифор*. В прошлом оно встречалось чаще, особенно в своей усеченной форме *Сифор*, откуда распространенная фамилия *Сифоров*. Наряду с ней существуют менее известные фамилии *Несефоров* и *Нисифоров*, как бы отрицающие наличие *Сифора*.

Два календарных имени с обратным порядком компонентов *Стратоник* и *Никострат* имеют общую усеченную форму *Страт*. В фамилиях *Нестратов* и *Нистратов* начальные *не-* и *ни-* воспринимаются как отрицания, хотя фактически являются приспособлением сложного имени *Никострат* к русской речи.

Параллельные фамилии *Винский, Невинский, Нивинский* восходят к искаженной форме *Навин*, известной из сочетания имен *Иисус Навин*. В параллельных фамилиях *Родов, Неродов, Ниродов* отразилось приспособление старых календарных имен *Род, Ирод* к системе русского языка. Фамилии *Несонов* и *Нисонов* образованы от календарного имени *Насон*, которое само оказалось результатом неверного прочтения имени *Иасон*.

Насколько системно словообразование фамилий, видно из следующих примеров, где формы с отрицанием и без него имеют те же суффиксы: *Хорин – Нехорин, Хорошев – Нехорошев, Хорошкин – Нехорошкин, Хороших – Нехороших, Хотин – Нехотин, Хочин – Нехочин, Чаев – Нечаев, Чаевский – Нечаевский, Чайкин – Нечайкин, Чепуренко – Нечепуренко, Чипуренко – Нечипуренко, Чувиллин – Нечувиллин*.

Фамилии *Нечепуренко* и *Нечипуренко* образованы от имени *Никифор*, имеющего в украинском языке форму *Ничипір, Ничипорко*. Близко по звучанию к этому имени подходит прилагательное *чипурной* "щеголевато одетый", ср. глагол *причипуриваться* "прихорашиваться, наводить лоск". Есть фамилия *Чепурной*. Все эти факторы способствовали изменению формы *Ничипоренко* на *Нечипуренко*, после чего имя связалось с прилагательным *чепурной*, а начальное *ни-* заменилось через *не-* как отрицание красоты, опрятности.

Усечение или наращение?

Распространенная фамилия *Мухин* образована от прозвищного имени *Муха*. Но, возможно, не все Мухины получили свою фамилию подобным образом. Настораживают фамилии *Немухин*, а также *Михин* и *Немихин*. Последняя фамилия могла быть образована от одной из сокращенных форм имени *Михаил – Миха*. Но фамилии *Немухин* и *Немихин*, по-видимому, образованы от женских форм прозвищного имени *Немой – Немиха, Немуха*. Тогда фамилии *Мухин* и *Михин* в некоторых семьях могут быть усечениями последних.

Самая распространенная сокращенная форма имени *Николай – Коля*. Значит, начальное *ни-* легко усекается. Ср. фамилии: *Колюка – Николюк, Николюкин; Кольников – Никольников, Кулаев – Никулаев, Кулин – Никулин, Куличев – Никуличев, Кульчик – Никульчиков*.

В таких парах, как *Прошин – Непрошин, Роцин – Нероцин*, скорее, наблюдается наращение *не-*, чем его усечение. *Проша* – сокращенная форма имен *Прохор* или *Прокофий*, в то же время она тесно соприкасается с некоторыми формами глагола *просить*. *Роца* может быть сокращенной формой имени *Ероша*, которое само соотносится с полными календарными именами *Ерос, Ерофей, Геронтий*.

В паре *Нилкин – Ненилкин* возможно усечение имени *Ненилка* (от *Ненила, Неонила*). Но *Нилкин* может быть образовано и от календарного имени *Нил*, фамильярно *Нилка*. Но есть и пара *Лин – Нилин*, где *Лин* – самостоятельное календарное имя, а *Нилин* – производное от *Нил*. В паре *Ловский – Ниловский*, скорее, усечение производного от имени *Нил*.

Фамилии *Ронов* и *Неронов* скорее всего образованы от имени *Мирон* и отражают его приспособление к системе русского словообразования. Аналогичным образом пары *Ходцев – Неходцев* и *Федичев – Нефедичев* восходят к календарному имени *Мефодий*, получившему в русских народных говорах формы *Нефед, Нефедий, Неходий*, в которых чувствуется сближение как с более распространенным именем *Федор*, так и с глаголом *ходить*.

Фамилии *Фонов – Нифонов* и *Фатов – Нифатов* происходят от народных форм церковного имени *Нифонт*. Хотя фамилия *Кашин* происходит от древнерусского имени *Каша*, но существующая пара фамилий *Кашин – Никашин* позволяет предположить, что некоторые *Кашины* происходят от прародителя по имени *Никандр*, а *Никаша* и *Каша* – сокращенные формы этого имени. Фамилии *Кошин* и *Никошин* восходят к имени *Никон, Никоша, Коша*. От этого же имени образованы фамилии *Никонович* и *Конович, Никонов* и *Конов, Никоненков* и *Коненков, Никонюк, Никанчиков, Никанычев* и *Никонычев, Никан. Кан, Канчиков, Канычев* и *Конычев*. В некоторых семьях они могут быть образованы от календарного имени *Конон* или прозвищного имени *Конь*. Но безусловна и связь таких фамилий с именем *Никон*.

В основе фамилии *Китюков* лежит, по всей видимости, не производное от слова *кит*, а усечение от *Никитюк, Никитюков*, в основе фамилии *Кишечкин* – усечение от *Никишечкин*, в фамилии *Кишан* – усечение от *Никишан, Никишанов, Кишенков* – от *Никишенков* – все образованы от календарных имен *Никита* или *Никифор*. Пара *Китаев – Никитаев* свидетельствует также о том, что это производные от имени *Никита*, хотя многие *Китаевы* имеют в основе своих фамилий древнерусское имя *Китай*.

Фамилии *Стеркин* и *Нестеркин, Стерков* и *Нестерков* образованы от имени *Нестер* (календарное *Нестор*), фамилии *Киев* и *Никиев* – от имени *Аникий/Аникей* (календарная форма *Иоанникий*).

Приведенные примеры свидетельствуют о вращении календарных имен в русский народный язык, об их массовом сближении с обиходными словами, об их богатейших словообразовательных возможностях, об использовании суффиксации и префиксации, наращений и усечений и о значительных системных перестройках именно в русском национальном языке.

“Географические” фамилии

А. Л. ШИЛОВ,

доктор химических наук

В древности на Руси были широко распространены “географические” прозвища, ставшие позднее фамилиями, например, *Шувандин*. Носители этой фамилии, очевидно, являются потомками выходцев из северо-западной Руси, чьи фамилии (а первоначально – прозвища) указывали на места их бывшего проживания (Русская речь. 1995. № 3). “Географические” прозвища в составе имен членов одной семьи имели в целом высокую устойчивость при передаче из поколения в поколение. Тем самым, развившиеся из них фамилии имеют зачастую весьма древние корни.

Вот типичный пример, показывающий начало процесса возникновения “географических” прозвищ (ограничусь здесь рамками “Актów Соловецкого монастыря”, охватывающих период с 1478 по 1584 гг.). В 1556 году в Выгозерском погосте упомянут крестьянин Матвей Власьев “с *Маселги*”. В несколько более поздних документах фигурируют и его сыновья: Нечай Матфеев сын *Масельского* (живущий

в том же Выгозерском погосте) и Истома Матфеев сын *Масельской*, подужемец, (т.е. живущий в деревне Подужемье на р. Кемь). Про самого себя последний пишет так: "Се яз, Июдка Матфеев сын по прозвищу Истомка Маселской". *Маселга* (*Масельга*), о которой идет речь в данном случае, опознается без труда. Это поселение у горы Масельги, к югу от Выгозера на Онежско-Беломорском водоразделе; финское *maaselkä*, карельское *muaselgü* как раз и значит "водораздел".

Более неопределенна ситуация с именем Василий Сидоров сын *Селженин*. Без дополнительных указаний (а их я пока не имею) невозможно определить, связано ли оно с Селецким погостом (ныне поселок Сельги) на Селецком озере в центральной Карелии или же с какой иной малоизвестной Сельгой или просто сельгой (слово *сельга* в северных говорах имеет значение "гряда, холм вытянутой формы" и "место, где был сведен лес под пашню").

Однако распознать "географическую" сущность иных прозвищ подчас оказывается непросто. Конечно, многие топонимы столь известны (хотя сами при этом могут быть неясными этимологически), что легко угадываются в составе прозвищ. Ясно, что каргополец Алексей Федоров сын *Торопченников* – потомок выходца из Торопца (по прозвищу *Торопченник*), а земской дьячок в Турчасове (на р. Онеге) Мина Климентьев сын *Ноугородов* – из Новгорода. Благодаря характерной структуре исходных топонимов прозрачны и такие именованья, как Иуда Мефодиев сын *Падмозерцев* или Гаврилец Федоров сын Попова *Надпорожской*, хотя мы и не знаем, как расшифровывается элемент *падм-* в топониме *Падмозеро* и над каким порогом (и на какой реке) жил предок Гаврилы Надпорожского.

Но вот в тех же "Актах" мы встречаем именованья Семен Калгач *Куйтиев* и Дементий Тимофеев сын *Куйтеев*. Здесь уже прозвища не имеют явной "географической" структуры, и для их расшифровки необходимо знать о существовании в Карелии крупного озера *Куйто* (по-карельски *Куйтти*).

Еще сложнее усмотреть "географическую" основу в имени Яков Павлов сын *Аланпеина*, ибо к прозвищу *Аланпя* ни географические карты, ни списки населенных мест не дадут соответствующего топонима. А между тем это прозвище соответствует русскому *Нижнеконецкий* (карельское *alanpiä* "нижний конец"), т.е. указывает, что его носитель жил в нижнем конце какого-то поселения.

Это долгое отступление понадобилось, чтобы подвести основание под предположение о "географическом" происхождении некоторых фамилий из "Словаря" В.А. Никонова. Комментарии самого Владимира Андреевича будут приведены в квадратных скобках.

Варакин [отчество от мордовского имени *Варака* из эрзя-мордовского *варака* "ворона"]. На Севере возможна иная основа: в Карелии и на Кольском полуострове распространен термин *варака* "гора, холм, лесистая возвышенность", входящий в состав названий многих населенных пунктов (*Малиновая варака*, *Трифона-варака* и др.).

Лексин [первоначально отчество от просторечной формы *Лекса* из канонического Александр]. Фамилия может указывать также на выходца с реки *Лекса*. Есть река Лекса и поселок Лексозеро в Западной Карелии, есть река Лекса в Карелии восточной. Эта последняя более известна, ибо на ней существовало многолюдное *Лексинское* общежитие раскольников, часть знаменитой Выгоречи.

Мармазинский [фамилию *Мармазинских*, проживавших в Брянской области, связывают с названием деревни *Мармызивка*, в соседней Черниговской области]. При всей неясности происхождения апеллятивной основы фамилии ее носителям, пожалуй, любопытно, будет узнать, что в документах XVI века назван "*Мармазьев ручей*" в Карелии.

Мячин [вероятна связь с диалектным (псковским) *мячить*, среди значений которого было "говорить невнятно, ямлить", что вполне могло дать основу прозвищу, отчество которого закономерно стало фамилией]. Если фамилия зарегистрирована на юге Ленинградской или на западе Новгородской областей, можно думать и о местных названиях (*Мяча*) – из водского *māči* "холм". Так, в Новгороде есть озеро Мячино, известное под этим названием с 1134 года: "по излогу ввѣрх *Мячином* на *Горки*". Типологически сходный пример мы видим в Карелии – на Сегозере, где семья, жившая на холмистом острове Макко или Макконшоари (ср. с саамским *takke* "холм"), получила фамилию *Маккоевы*.

Сусарин [от прозвища – из архаичного *сусара* "говорящий медленно и невнятно"] и *Шушарин* [возможно ошибочное написание или произношение вместо *Шушерин* (из *шушера* "хлам, старье; сброд; дрянной человек". – А.Ш.)]. Эти фамилии могли произойти от северных топонимов, имеющих в основе финское *suosaari*, эстонское *soosaar*, карельское *šuošoari* или вепское *sosar'* "холм на болоте, лесной остров в болотистой местности". Соответствующие названия в русском освоении обычно превращались в *Сосарь*, *Сусара*, *Шушара* и т.п. (ср. в писцовой книге Водской пятины 1500 г. "Кирьела за Сосарью в Лопце"). Отсюда и современные *Шушары*, пригород Санкт-Петербурга. Любопытно, что подобные названия могли иметь чисто русское происхождение. Ведь не только русские коверкали аборигенные топонимы, "подстраивая" их под удобное себе звучание, случалось и наоборот. Так, деревня Заозерье на Олонецком перешейке (известная под этим именем и поныне) именовалась карелами и вепсами как *Suosseri* или *Sasseri* и именно в таком

варианте название попало в писцовую книгу Обонежской пятины 1563 года: "деревня в Погаченицах словет в Сусоре".

Челпанов [из прозвища *Челпан* от *челпан* "холм правильной формы; каравай", переносно "толстяк"]. В исходном термине А.К. Матвеев справедливо видит заимствование из саамского *çalpe* "высокий, конусообразный". К этому можно еще добавить, что термин и его субстратная основа (*челп-*) встречается и в составе географических названий: гора *Челпан* в Ветреном Поясе, холм *Челпан* в Вологодской области, деревни *Челпино*, *Челпеново* (указаны в новгородских писцовых книгах). Имя же *Хотен Челп* мы видим в берестяной грамоте начала XIII века.

Яхлаков [фамилия записана в Верхневажском районе Вологодской области... Но значение основы *яхл-* раскрыть пока не удалось. Возможно, она принадлежала языкам, которые предшествовали русскому заселению Севера]. В этом В.А. Никонов, очевидно, прав. Фамилия *Яхлаков* в первоначальной форме *Яглаков* (замена взрывного *г* произошла под влиянием соседнего плавного "л"), вероятно, произошла от географического названия, образованного из саамского *jegkel*, карельского *jägälä*, откуда и русское *ягель* "олений мох, *Cladonia*". Во всяком случае, названия, произошедшие от этого термина, известны, например: озеро *Якляярви* на севере Карелии, озеро *Яглярви* на юге Карелии (в 1500 г. на нем названа "деревня Яглиярва"), остров *Еглов* (ранее – *Яглов*) на Онежском озере, деревня *Еглина* на озере *Еглино* в Новгородской области, деревня *Еглизи*, река *Еглинка* в Ленинградской области.

* * *

На примере географически ограниченного региона видно, что обращение к местным названиям и географическим терминам может пролить свет на происхождение ряда "странных" русских фамилий. С другой стороны, подобные разыскания могут неожиданно осложнить вопрос, выявив совершенно различные, но равным образом возможные источники внешне идентичных фамилий (из приведенных примеров – хотя бы *Лексин*). Но не замечать этого нельзя, ибо тем самым мы обеднили бы историю собственных имен, то есть самих себя, о чем неоднократно напоминал и Владимир Андреевич Никонов.

Топонимика

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Магнитный (1983). Поселок в Курской области. Название связано с Курской магнитной аномалией.

магнитницы, магнитницец, магнитника
магнитнинский, -ая, -ое

Майдан. Несколько сел в Мордовской республике, Нижегородской, Рязанской областях и др.

Название представляет собой онимизированный термин *майдан* в значении "поляна или просека в лесу, приспособленная для производства поташа, дегтя, смолы, древесного угля". Когда при таком производстве возникало селение, поляна становилась его центром и со временем превращалась в главную площадь или улицу. Впоследствии семантика слова *майдан* расширилась. Топонимы от этого слова известны во всех славянских странах, во многих тюркоязычных и арабоязычных государствах (Мурзаев. Словарь народных географических терминов). В русском языке слово *майдан* известно с начала XVII века (СлРя XI–XVII вв.), хотя производное *moidанный* – с конца XVI. В настоящее время в топонимии Центральной России *майдан* употребляется с определением, характеризующим особенности селения: села *Боковой Майдан*, *Крутой Майдан*, *Мокрый Майдан*, *Огнев Майдан*, *Поляки Майдан* и др.

майдановцы, майдановец, майдановка
майдановский, -ая, -ое

Макарьев (1778). Город в Костромской области. В основе названия личное мужское имя *Макарий*, его носитель в 1439 году повторно основал здесь, на Волге, монастырь, так как построенный им ранее был

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4–6; 1995. №№ 1–6; 1996. №№ 1–6.

разрушен татарами. Поселение вокруг монастыря называлось *Подмонастырская слобода*, а с 1778 года – город *Макарьев*.

макарьевцы, макарьевец, макарьевка; *местн.* макарята, макарёши, макарёш; *устар.* макары, макар макарьевский, *-ая, -ое*

Макарьевский нищий. Так могли назвать неудачника, блаженного или подкидыша. В основе этого выражения – существование большого количества нищих на Макарьевской ярмарке при Макарьевском монастыре.

Маклаково. Село в Рязанской области. В основе топонима – несомненно, прозвище *Маклак* или фамилия *Маклаков*. Оба они образованы от русского диалектного *маклак* в значении "торговец, перекупщик", "плут, мошенник" или "кулак, мироед" (СРНГ. Вып. 17). Скорее всего семантика прозвища связана с торговлей. Подтверждением этого является то обстоятельство, что в Маклаковской волости были еженедельные базары.

маклаковцы, маклаковец, маклаковка
маклаковский, *-ая, -ое*

Маковатиха. Село в Тверской области. Название прямо или опосредованно, вероятно, связано с растением *маковка* "кувшинка желтая или белая", скопление которой в водоеме затрудняет лов рыбы (СРНГ. Вып. 17). Это могло стать характерным признаком селения, возникшего у такого водоема. Не исключено, что в основе топонима слово *мака* "большая широкая кочка". Возможно, это прозвище владелицы селения, ставшее топонимом. Известны прозвища крестьян *Маковица* и *Маковка* в XV–XVI веках в Новгороде (Веселовский. Ономастикон). Есть русское диалектное *маковига* "маковка церкви" (СРНГ. Вып. 17), но в этом случае трудно определить принцип номинации топонима.

маковатинцы
маковатинский, *-ая, -ое*

Малоархангельск (1778). Город в Орловской области. До получения статуса города это было село Архангельское. Название села, известного не ранее XVII века, было дано по церкви Михаила Архангела, возведенной в нем. В 1778 году в связи с получением статуса города село было переименовано в *Малоархангельск*. В.А. Никонов считал, что первая часть *Мало-* была добавлена для различения с городом Архангельском (Никонов. Краткий топонимический словарь).

малоархангельцы, малоархангелец
малоархангельский, *-ая, -ое*

Малоярославец (1410)*. Город в Калужской области. В основе названия, предположительно, имя князя *Ярослава*, сына Владимира Андреевича Серпуховского, основавшего город в конце XIV–XV веков, как считает Н.М. Карамзин. Уменьшительная форма названия на *-ец*,

вероятно, диктовалась наличием города Ярославля. Первоначальная форма топонима *Ярославец*, а после вхождения его в 1485 году в состав Московского княжества – *Малый Ярославец*. В русской топонимии широко распространено явление одновременного лексического и грамматического обозначения деминутивности (уменьшительности): ср. реки *Малый Осетрец* (приток Осетра), *Малая Пахорка* (приток Пахры) и др.

малоярославчане, малоярославчанин, малоярославчанка

малоярославецкий, *-ая, -ое* и малоярославский, *-ая, -ое*

Малые Манадыши. Русское село в Мордовии. Более ранние формы названия – *Момадышева*, *Новая Момадышева*, *Момадышевская Выставка*. Топоним был широко распространен в XIX веке. В его основе дохристианское мордовское имя *Монадыши* (*Мадышка*). Рядом село *Большие Манадыши*, *Манадыши 1-е* и *Манадыши 2-е* (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР).

маломанадышевский, *-ая, -ое*

Мантурово (1958). Город в Костромской и село в Рязанской областях. В основе названия мужское личное имя *Мантур* или фамилия *Мантуров*. Имя *Мантур* можно соотнести с русским диалектным *мантул* "трудяга, человек, который много и тяжело работает". Имя это было широко известно на Руси с XV века преимущественно в Новгороде и на верхней Волге. Прозвище *Мантур* известно с конца XV века, а фамилия Мантуров – с начала XVI (Веселовский. Указ. соч.).

мантуровцы, мантуровец, мантуровка

мантуровский, *-ая, -ое*

Марс. Два поселка в Мордовии – эрзянский и русский. Основаны в 20-е годы нашего века, символизируют устремленность человека в революционное будущее, к далеким планетам, одной из которых является Марс.

марсовцы, марсовец, марсовка

марсовский, *-ая, -ое*

Матырский (1976). Поселок в Липецкой области. В основе названия, вероятно, слово *матыр* "жук", но, вероятнее всего, прозвище *Жук*, образованное от этого слова. Нельзя не учитывать и слова *матырок* "удилище, удочка при зимнем лове" (СРНГ. Вып. 18), а также название реки Матыра в Липецкой области.

матырцы, матырец

матырский, *-ая, -ое*

Маяк. Поселок в Мордовии. Возник в 1954 году. По сведениям И.К. Инжеватова, название дано потому, что поселок находится на возвышенном месте и, подобно маяку, виден издали (Инжеватов. Указ. соч.).

маячинцы и маяковцы, маячинец и маяковец

маячинский, *-ая, -ое*

Мга. Поселок в Ленинградской области и река, по которой он назван. Исследователи связывают это название с ижорским *Mija* "баба" (Кисловский. Знаете ли вы?).

мгинцы, мгинец, мгинка

мгинский, -ая, -ое

Мглин (1781). Город в Брянской области. Существующие этимологии сближают это название с существительным *мгла* "сырой, холодный, губительный для растений туман". Оно известно в некоторых диалектах русского и белорусского языков: *мглё* "сырой туман на низких местах". Это предположение не кажется убедительным хотя бы потому, что в данном случае трудно объяснить словообразование топонима, а также номинацию. Не исключено, что в основе названия балтийский географический термин *taklyne* "грязь, слякоть", приведенный Л.Г. Невской (Невская. Балтийская географическая терминология).

мглинцы, мглинец, мглинка

мглинский, -ая, -ое

Медынь (1386)*. Город в Калужской области. Название дано по реке Медынь, на которой основан город. Более ранние названия – *Мезецк*, *Мядынь*. По одной версии, в основе топонима литовское *medinis* "деревянный" (Никонов. Указ. соч.). При этом не учитывается то обстоятельство, что первоначально название относилось к реке Медынь в бассейне Угры (левый приток Оки). Гидроним может быть соотнесен с балтийским *mēdis, mežs* "лес, роща", "дерево" (Невская. Указ. соч.) + русский суффикс *-ынь*. Это значит, *Медынь* – лесная река; река, берущая начало из леса, рощи, или протекающая по лесу, рощам. Аппелятив *mežs* "лес" дает основание соотнести с ним название *Мезецк*.

медынцы, медынец

медынский, -ая, -ое

Меленки (1778). Город во Владимирской области. Более ранние названия: *Рогожино*, *Веретьево*. Рогожино – вероятно, по фамилии *Рогожин*, а в основе Веретьево слово *веретье* "возвышенное сухое место в пойме реки, на лугах" (СРНГ. Вып. 4). Название *Меленки* дано по реке Меленка, на которой было основано это селение. В.А. Никонов предполагал, что река названа по мельнице (Никонов. Указ. соч.), которая была сооружена на ней. Видимо, это была небольшая мельница – *меленка*. Реки с названием *Меленка* и родственными ему довольно часто встречаются в бассейне Оки, так как наличие мельницы на реке было очень важным признаком, по которому она и получала свое название. Надо иметь в виду аналогичный гидроним *Меленка* в бывшей Тверской губернии. В.Н. Топоров относит его к балтизмам, так же как Меленка в бассейне Днепра и *Mielno* в бассейне Вислы (Топоров. "Baltica" Подмосковья).

меленковцы и меленковцы, меленковец и меленковец
меленковский, -ая, -ое и меленковский, -ая, -ое

Мельница. Поселок в Ленинградской области. Как сообщает С.В. Кисловский, это название появилось в связи с тем, что здесь стояла водяная мельница еще со времен Абрама Петровича Ганнибала, деда А.С. Пушкина.

мельницы, мельницец
мельницкий, -ая, -ое

Меча. Река, правый приток Дона. Происхождение и значение гидронима окончательно не установлено. Существует несколько гипотез относительно этого названия. Наиболее убедительна финская версия, связывающая гидроним с финским *мечка* "медведь". Подробнее всего она изложена Е.С. Отиным (Топонимия поля Куликова // Русская речь. 1980. № 6). Он считает, что Меча – это субстантивированное прилагательное, т.е. Медвежья, в доказательство приводя сведения о большом количестве медведей в верховьях Дона (по источникам XIV века). Большое количество "медвежей" гидронимии известно в верхнем Поочье: озеро *Медвежье*, овраг *Медвежий*, *Медвежий Куст*, *Медвецкой* и др. Ср. приток Мечи – *Красивая Меча*.

Из других версий можно привести удмуртское *мечь* "крутой, обрывистый" (Никонов. Указ. соч.). Легенда рассказывает о том, что татарский князь Мамай обронил в реку меч.

Мещёра (не Мещера). Болотистая, лесистая низменность в Центральной России на территории Рязанской, Пензенской, Московской, Владимирской и некоторых соседних областей. Название дано по финноязычному народу *мещера*, обитавшему здесь до прихода славян. По сведениям П. Семенова, население, называющее себя мещерой, проживало здесь до середины XIX века (Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1867. Т. III).

Народность мещёра оставила после себя большое количество топонимов: *Мещера* – две деревни в Нижегородской области, поселок *Мещерский* в Московской области, *Мещерское* озеро – в Нижнем Новгороде, *Мещерская* заводь на Оке у города Горбатова и др.

С топонимом *Мещера* связана известная русская дворянская фамилия *Мещерский*. С XV века известны фамилии (прозвища) *Мещерин*, *Мещеринов*, *Мещеряк* (Веселовский. Указ. соч.).

мещеряки, мещеряк, мещерячка
мещёрский, -ая, -ое

Мещовск (1238)*. Город в Калужской области. Более ранние названия: *Мезьчьск*, *Мезецк*, по мнению В.А. Никонова, дают основание соотнести его с балтийскими апеллятивами: латышское *mez̄s* "лес, роща", "дерево", литовское *miškas* "лес". Если название получено им не от реки, то *Мещовск* "город в лесу, лесной". Не связан с фамилией

кн. Мещерского, который получил этот город в подарок от Ивана Грозного. Ср. *Медынь*.

мещовцы, мещовец, *устар.* мещане, мещанин, мещанка и мещижане
мещовский, -ая, -ое

Мизеряне. Русское село в Мордовии, известное с 1869 года как *Мизириянь*. Название образовано от двух мордовско-мокшанских слов: *маза* "красивый, удобный" и *нерь* (*нярь*) "мыс у реки, у озера" (Инжеватов. Указ. соч.). В данном случае произошла перестановка частей слова, часто встречающаяся при передаче мордовских топонимов на русский язык. К тому же, она была поддержана довольно частым русским топонимическим окончанием -*ань*: *Ольшань*, *Хворостань* и др.

мизеряне, мизерянин, мизерянка
мизерянский, -ая, -ое

Милославское. Поселок городского типа в Рязанской области. Первоначальное название *Мирославское*. Оба имени антропонимического происхождения. *Мирославское* – по отчеству *Мирославич*, данному татарскому мурзе Саламиру, который, по свидетельству историков, перешел со своим родом на службу к рязанскому князю Олегу Ивановичу в 1371 году и стал именоваться *Иваном Мирославичем*. Современное название дано по фамилии московского боярина Матвея *Милославского*, который во второй половине XVII века приобрел село и бывшие земли Ивана Мирославича (Мирославщину) и назвал по своей фамилии. Фамилия *Милославский* известна с последней четверти XV века. (Веселовский. Указ. соч.).

милославцы, милославец
милославский, -ая, -ое

Михайлов (1238)*. Город в Рязанской области. Предположительно, город был известен уже в 1137 году, но под другим именем, Михайловым стал называться только в XVI веке. В 1551 году по указу Ивана Грозного этот город был заложен как крепость на южных рубежах Русского государства. При расчистке места под церковь в земле была найдена икона архангела Михаила, поэтому и решено было назвать город *Михайлов* (Семенов. Указ. соч.), а храм – в честь Архангела Михаила. В.А. Никонов не исключал происхождение топонима из личного мужского имени *Михаил*. Он же приводил и другое название города в XVI–XVII веках – *Кир-Михайлов*, где *Кир* из греческого *кир* "господин", употреблявшееся в России по отношению к высшим церковным чинам (Никонов. Указ. соч.).

михайловцы, михайловец, михайловка
михайловский, -ая, -ое

Михайловское. Село во Псковской области. Название дано по церкви Михаила Архангела, бывшей когда-то в этом селе. Принцип

называния населенного пункта по церкви или близлежащему монастырю широко распространен в топонимии России.

– Всемирно известный музей-заповедник великого русского поэта А.С. Пушкина. Здесь, в имении своей матери Н.О. Пушкиной, поэт провел несколько лет жизни, написал лучшие свои произведения. Безвыездно жил в 1824–26 гг. после южной ссылки ("провел изгнанником два года незаметных"), неоднократно приезжал сюда в последующие годы. Именно здесь он близко познакомился с народным бытом, фольклором, историей Псковщины, что нашло отражение в его произведениях.

михайловцы, михайловец

михайловский, -ая, -ое

Михей. Село в Рязанской области. Более ранние названия – *Михайловское*, *Архангельское*. Объяснение происхождения названия наталкивается на трудности. С одной стороны, село стоит на речке Михайчик (Михеенка), с другой стороны, в селе воздвигнута церковь Архангела Михаила. Принцип номинации селения по храму широко распространен в топонимии России, в том числе в ее Центральной части. Так же широко известен и другой принцип – селение называется по имени реки (речки), на которой оно основано. Обратная ситуация – речка по селению – крайне редка. И то, что речка имеет уменьшительные формы названия, тоже свидетельствует о первичности гидронима. *Михей* – просторечная форма от *Михаил*.

михеевцы, михеевец, михеевка

михеевский, -ая, -ое

Михнево. Железнодорожная станция и поселок при ней в Московской области. Название антропонимического происхождения – по фамилии *Михнев*. Фамилия образована от личного имени *Михно* (<*Михаил*), известна с 1560 года – Михнев Иван Елизарьевич, Тула (Веселовский. Указ. соч.).

михневцы, михневец, михневка

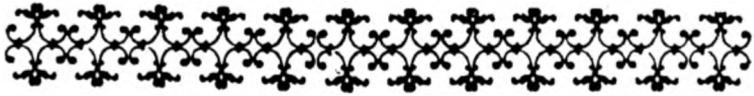
михневский, -ая, -ое

Мичуринск (1636). Город в Тамбовской области. Прежнее название *Козлов* (до 1932 г.), вероятно, антропонимического происхождения. В основе современного – фамилия известного советского ученого, селекционера-практика И.В. Мичурина (1855–1935), жившего и работавшего в этом городе. Фамилия (прозвище) *Мичура*, *Мичурин* известна в русских документах с начала XV века: Дмитрий Мичура, вотчинник в Угличе, 1430 г. В основе ее лежит слово *мичура* "угрюмый, брюзгливый человек" (Веселовский. Указ. соч.).

мичуриницы, мичуринец, устар. козловцы, козловец; козляки

мичуринский, -ая, -ое

Продолжение следует

**ПЕСНИ И ПРЕДАНИЯ
О ДОНСКИХ КАЗАКАХ,
КАЗАНИ И ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЕ**

*С.Н. АЗБЕЛЕВ,
доктор филологических наук*

"Сибирь царю покорена
А мы – не праздню в мире жили!"

Эти строки из ставшей народной песней "думы" К.Ф. Рылеева о присоединении Сибири и героической гибели донского атамана Ермака Тимофеевича. Но фольклор казаков повествовал и о более ранних подвигах атамана на воинской службе Русскому государству. Ещё за три десятилетия до своего похода в Сибирь Ермак прославился, согласно народным песням, при покорении Казанского ханства.

Покончивший с ордынским игом царь Иван III умер в 1505 году, не успев осуществить подготовленный им большой поход на Казань, правитель которой, нарушив присягу, возобновил разбойные вторжения в русские пределы. Воеводы, назначенные новым царём Василием Ивановичем, потерпели неудачу по собственной нерадивости; сыну Ивана III так и не удалось покончить с угрозой, постоянно исходившей более полувека от агрессивного Казанского ханства. Эта задача была выполнена только при Иване IV в 1552 году. Но историками России не была ещё достаточно оценена выдающаяся роль казаков в подчинении Казани.

Григорий Котошихин, подьячий Посольского приказа при царе Алексее Михайловиче, автор одного из наиболее важных сочинений о Московском государстве, посвятил раздел своего труда донскому казачеству. "И только бы не донские казаки", напоминает здесь Котошихин, "не были бы в подданстве давно за Московским царём Казанское и Астраханское царствы, з городами и з землями, во владетелстве". Котошихин писал свой труд после отъезда за рубеж, находясь вне досягаемости со стороны навсегда покинутой им московской администрации. Составители же московских летописей, зависевшие от правительства, стремились преуменьшить роль казаков, которые, как указывал Котошихин, хотя и получают царское жалованье (но "негораздо помногу и не всегда"), фактически этому правительству не

подчинены: "начальных людей меж себя атаманов и иных выбирают, и судятца во всяких делах по своей воле"; однако, если приезжают в Москву, то "им честь бывает такова как чюжеземным нарочитым людям" (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 152).

Котошихин, писавший через сто лет после присоединения к Русскому государству Казанского ханства и ханства Астраханского, сам не принадлежал к казачьей среде; ему незачем было преувеличивать историческое значение казаков. Однако преувеличения возможны в дошедших до нас казачьих песнях о покорении Казани. Интересно сравнить песни и предания казаков с известиями летописей, которые велись при Иване IV; в них всячески подчеркивалась личная роль царя, превозносились действия его воевод.

Крупный русский военачальник, военный инженер и историк генерал А.И. Ригельман, немало прослуживший на Дону, написал в 1778 году "Историю о донских казаках", где пересказал их предание о взятии Казани при Иване IV.

Узнав, что царь ведет войну с татарами, донцы отправились под Казань ему на помощь. По прибытии казаков, царь "послал к ним за то великие дары"; но донцы, не приняв их, "просили, чтобы царь повелел им взять Казань". Получив разрешение и "приблизившись к Казанке речке", казаки «начали под оной рыть подкоп до города, который вскоре и окончали. Они вкатили в оной несколько бочек пороху и назначили время к зажжению оного. Между тем принесли Богу свои тёплые молитвы, и, стоя на коленях, просили Божьего знаменья, на что и воспоследовал из облак глас, глаголющ всем вслух: "Победите и покойныи будете". Возрадовавшись сему и обнадежась на такую благодать, приказали подкоп зажечь, коим превеликую часть города взорвало, и тем от дыму и земли солнце невидимо стало, через что от страха и ужаса во все стороны метались жители в городе. В тож самое время, как воспоследовал от подрыву треск, донцы бросились на город», защитники которого, "устрашаясь их смертельно, были полумертвы"; казаки же "рубили и кололи их везде без пощады". Только тогда "уже и царь вошёл в город, очистил от татар оной, и ввёл войски свои московские, поставил везде караулы и определил в Казани наместника и воеводу; по окончании же всего того царь пришедших воинов оных дарил казною и другими полученными добычми, но донцы ничего того не взяли, а просили чтоб только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что им и не отказал. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил".

Ригельман добавляет, что "со оной же грамоты во все станицы войска Донского даны, для сведения казацкого, списки, которые

читаются при собрании их, в день Покрова Пресвятыя Богородицы, после обедни" (Ригельман А. История или Повествование о донских казаках. М., 1846. С. 4–5). Из летописей мы знаем, что именно в этот праздничный день (1 октября) Иван IV отдал приказ о штурме Казани, которая на следующий день пала. Можно полагать, что грамота как раз и была обещана казакам накануне штурма, где им отводилась весьма важная роль.

Сведения Ригельмана можно сопоставить с заключениями двух крупнейших русских историков XIX века – Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва, описывавших взятие Казани на основе летописей. Хотя эти летописи и велись при дворе Ивана IV, они всё же не могли совершенно умолчать о действиях казаков.

Н.М. Карамзин писал, что перед взрывом городской стены Иван IV "распорядил приступ: велел быть впереди атаманам с казаками, головам с стрельцами..." (Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 8. Стлб. 108). Это – летописное подтверждение той части казацкого предания, где сообщалось, что именно казаки первыми устремились в город после того как была взорвана часть городской стены. Повествуя об устройстве подкопов, московские летописи упоминают только о руководстве со стороны "немчина, именуема Розмысла, хитра, навычна градскому разорению" (Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13. С. 209). Здесь нет противоречия: казаков, готовивших подкопы для взрыва, конечно, мог инструктировать инженер, обладавший специальными познаниями в технике таких работ.

Согласно летописям, царь Иван IV во время взрыва и последовавшего за ним боя находился в церкви и оставался в ней до окончания службы, несмотря на прибытие вестников от воевод, призывавших царя укрепить дух войск своим личным присутствием.

С.М. Соловьёв писал: "Когда Иоанн подъехал к городу, знамёна русские развевались уже на стенах". Узнав от гонца, посланного князем Воротыньским, "что русские люди уже в городе", Иван IV "приказал своему полку спешиться и идти на помощь" (Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1960. Кн. 3. С. 471).

Писавший в 1915 году историк казачества Е.П. Савельев, упомянув, что атаманы, ходившие под Казань с Дона, Яика и Терека, не названы в московских летописях, сообщал: "из отписки казаков 1632 г., копия с которой хранится в библиотеке Донского музея, мы знаем, что главное предводительство над всеми казацкими полками было вручено донскому атаману Сусару Фёдорову. В числе атаманов этих дружин, особенно отличавшихся умом и хитростью, старинные донские былины называют Ермака Тимофеевича. И если бы не пожар 1744 г., во время которого сгорел весь г. Черкасск, старое гнездо донского казачества, а также

весь войсковой архив, где хранились ценные казацкие летописи, – продолжал Савельев, – то мы бы теперь могли назвать имена и всех остальных атаманов казачества той эпохи" и "описать их геройские подвиги", способствовавшие "расширению и объединению великой России и закреплению её окраин" (Савельев Е.П. Казаки. История. Владикавказ, 1991. С. 251).

К сожалению, эти письменные источники не сохранились. А дошедшие до собирателей фольклора песни казаков, посвящённые взятию Казани, упорно называют имя Ермака Тимофеевича. Следует принять во внимание рассуждение Савельева: "Некоторые историки, – писал он, – сомневаются в том, что Ермак <...> мог участвовать в покорении Казани", ибо в 1552 году он был "очень молод". Савельев резонно возражает: "Что ж из этого? Пусть ему в то время было 25–30 лет, а при покорении Сибири в 1582 году 55–60. Удивительного тут ничего нет. В атаманы казаки выбирали не по летам, а по природной храбрости и по уму, то есть по выдающимся качествам" (Там же. С. 249).

В песнях говорится, что поручение взять Казань Ермак получил из уст самого Ивана IV после прибытия к нему казаков:

"Ермак сын Тимофеевич!
 Достань ты мне славный Казань-город,
 Возьми у меня силы, сколько надобно!"
 Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
 "Батюшка-надежда, свет великий государь!
 Не надо мне твоей силы многа множества,
 Прикажи идти с донскими казаками-охотниками,
 А ты подойди со своєю армиею
 Под славный под Казань-город". <...>
 "Ой, ты мой удалый добрый молодец,
 Ермак сын Тимофеевич!
 Как знать войтить в Казань-город?"
 Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
 "Батюшка-надежда, свет великий государь!
 Если рыть подкопы глубокие под Казань-город,
 Закатить бочёнки зелья лютого,
 Поставлю тебе две свечи воску ярого
 И поставлю часового своего надёжного,
 Донского казака, есаулушку любимого, –
 Ты узнаешь, как в Казань-город войтить
 Как догорят две свечи воску ярого!"

Роль этих свечей разъясняется в других песнях, коротко повествующих о взятии Казани: одну свечу зажгли в подкопе около пороха, который воспламенялся ею, когда свеча догорит до своего основания; такую же свечу зажгли одновременно в русском лагере, чтобы по её сгоранию определить, когда произойдёт взрыв.

На белой заре на утренней
Воску ярого свечи догорают,
Глубокие подкопы разрываются
Стены каменные разваливают;
Царя белого армяюшка во врата убирается,
Наш белый царь радуется,
Входит в славный во Казань-город,
Вперёд Ермака государь здоровствует:
"Поздравляю тебя, Ермак Тимофеевич, с радостью!" –
"А тебя, государь, поздравляю с победою!"
Берёт государь Ермака за праву руку,
Ведёт по славному городу Казанскому,
Выходит государь в чисто поле.
Расставляет шатры полотняные,
Призывает Ермака Тимофеевича.
Государь сговорит, как в трубу вструбит:
"Ой ты, удалой мой добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Чем ты хочешь, тем буду жаловать:
Сёлами или подсёлками,
Или великими городами, поместьями?"
Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
"Батюшка-надежда, свет великий государь!
Не жалуй ты меня городами, подсёлками
И большими поместьями –
Пожалуй ты нам батюшка тихий Дон
Со вершины до низу, со всеми реками, потоками,
Со всеми лугами зелёными
И с теми лесами тёмными!"

(Исторические песни XIII–XVI веков. М.–Л., 1960. С. 525–526).

Собиратель фольклора донских казаков А.Н. Пивоваров, впервые напечатавший эту песню более ста лет назад, сообщал, что она была записана от казаков станицы Богаевской Ф.Ф. Цыганкова и А.С. Фаранова. Есть ещё несколько записей этой песни от донских казаков. Не приходится сомневаться, что историческая роль самого Ермака в ней всё же преувеличена – очевидно, под воздействием позднейших подвигов казаков в Сибири, где Ермак действительно был их главным предводителем.

После окончательного присоединения Казани к России Астраханское ханство без военных действий признало вассальную зависимость от русского царя. Но некоторое время спустя тамошний правитель, рассчитывая, очевидно, на поддержку могущественного тогда Крыма, изгнал русского воеводу и порвал отношения с Москвой. Русскому государству пришлось в 1557 году отправить войско для занятия Астрахани, осуществлённого без личного участия Ивана IV. Летописцам поэтому не требовалось, подчёркивая его роль и роль его приближённых, преуменьшать заслуги других. В летописи сказано, что

в поход послали для "Астраханского дела 500 человек казаков атамана Ляпунка Филимонова и иных атаманов с товарищи <...> да Михаила Колупаева с казаки <...> да с вятчаны Фёдора Писемьского, да с ними атаманы многие с казаки". Тогда крымский хан послал своё войско "на бережение Астрахани" – в том числе триста янычар, снабжённых пушками. Но даже эти подкрепления не помогли. Когда атаман Ляпун Филимонов разгромил улусы, хан бежал из города, не дожидаясь прихода русских. В Астрахань вступили царские воеводы "да атаман казачей Архипко". Они "укрепились в городе", а "по Волге казаков и стрельцов розоставили" (Полное собрание русских летописей. Т. 13. С. 266, 273, 274). Убежавшие было из города жители возвратились, и в Астрахани началась мирная жизнь. Так, благодаря активному участию казаков, Поволжье вплоть до Каспийского моря окончательно вошло в состав Русского государства.

После этого царь Иван IV четверть века вёл войну с западными соседями за овладение портами Балтийского моря в Ливонии, с 1558 по 1583 год. Участие русских войск в Ливонской войне было ознаменовано яркими подвигами. При обороне Пскова в 1581–1582 годах от войск польского короля Стефана Батория прославился донской атаман Михаил Черкашенин. Полвека спустя в ответ на требование царя Михаила Фёдоровича принести ему крестоцеловальную присягу на верность, донские казаки в "отписке" от 30 марта 1632 года напомнили, что "не за крестным целованием" они несли верную службу прежде: "при Михаиле Черкашенине во Пскове сидели в осаде" (Савельев Е.П. Указ. соч. С. 236).

По историческим источникам этот атаман известен и ранее – в связи с враждебным отношением к России её южных соседей. В те времена отряды крымского хана, подвластного Турции, не только разбойничали в Поле – причерноморских степях, – но и заходили далеко на север. Для обороны от них московское правительство постоянно использовало казаков. Сведения об участии в этих действиях Михаила Черкашенина приведены С.М. Соловьёвым. На основе архивных документов он, например, установил, что "отпуская в Константинополь посла Новосильцева через Рыльск и Азов, государь велел послать проводить его до донских зимовищ донского атамана Мишку Черкашенина" с отрядом – "его прибору атаманов и казаков 50 человек" (Соловьёв С.М. История России... Кн. 3. С. 695). В 1572 году Михаил Черкашенин со своими казаками был "на государевой службе в Серпухове в большом полку" – читаем мы в фундаментальном исследовании С.Ф. Платонова (Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. XVI–XVII вв. СПб., 1910. С. 112).

Крымские татары захватили в плен сына Михаила Черкашенина и казнили его. Донские казаки в долгу не остались. Мстя за смерть сына,

атаман Михаил Черкашенин повёл казаков на Азов. Турецкий султан с досадой писал потом крымскому хану: "Зачем ты казнил сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня донские казаки за сына Мишкина Азов взяли, лучших людей из Азова побрали 20 человек, да шурина моего Усеина, кроме чёрных людей" (это письмо излагалось в тогдашнем донесении из Крыма в Москву – см.: Соловьёв С.М. История России... Кн. 3. С. 696).

Михаил Черкашенин был уже знаменит, когда оканчивалась Ливонская война, и он оборонял Псков. В Пискаревском летописце первой четверти XVII века есть рассказ "О приходе королевском к Пскову"; в конце перечисления русских воевод, защищавших Псков, читаем: "Да тут убили Мишку Черкашенина, а угадал себе сам, что ему быть убиту, а Псков будет цел. И то он сказал воеводам. А заговоры были от него ядрам многия" (Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.-Л., 1952. С. 111).

Смерть казачьего атамана оплакивает одна из лучших народных песен того времени:

Из далеча чиста поля,
 Из раздолья широкого
 Как бы гнедого тура
 Привезли убитого.
 Привезли убитого
 Атамана польского.
 Атамана польского,
 А по имени Михайла Черкашенина.
 А гицы-ластыцы
 Круг гнезда убиваются –
 Ещё плачут малы его дети
 Над белым телом.
 С высокого терема
 Зазрела молодая жена,
 А плачет-убивается
 Над его белым телом.
 Сквозь слёзы свои
 Она едва слово промолвила,
 Жалобно причитаючи
 Ко его белу телу:
 "Казачья вольная
 Поздорову приехали,
 Тебя, света моего,
 Привезли убитого.
 Привезли убитого
 Атамана польского,
 А по имени Михайла Черкашенина".

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 195; архаичная орфография приближена к современной).

Осаждавшие Псков польские войска именовались у русских в то время ляхами, а Подем назывались степи, в которых протекала главная боевая деятельность донского казачества по защите южных рубежей России. Поэтому песня, записанная единственным раз в середине XVIII века, называет Михаила атаманом польским.

Но кроме Михаила Черкашенина донскими казаками в Ливонской войне предводительствовали и другие атаманы. Сохранилось письмо пана Стравинского к королю Стефану Баторию из Могилёва. Сообщая о нападении русских войск 27 июня 1581 года, Стравинский перечислил поимённо пятнадцать воевод своих противников. Перечень завершают "четырнадцатый Василий Янов, воевода казаков донских, пятнадцатый Ермак Тимофеевич, атаман казацкий" (Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени. СПб., 1867. С. 253).

Это указание важно и для верного понимания исторической роли Ермака Тимофеевича как предводителя начатого в следующем году знаменитого похода в Сибирь. Не прощения за разбойную жизнь – как это думалось некоторым историкам – добивался в сибирском походе Ермак. Он продолжил там свою самоотверженную службу государственным интересам России. Сибирский поход он возглавил ещё до окончания Ливонской войны, вскоре после того, как сражался во главе своих казаков с войсками Батория под Могилёвом.

Санкт-Петербург

Горбунова-Кузнецова-Ковалёва-Жемчугова- Ковалевская-Шереметева

"Барышня-крестьянка" А.С. Пушкина в фольклорной традиции

Д.Н. МЕДРИШ,

доктор филологических наук

Пушкинская "Барышня-крестьянка", по общему мнению, – "одно из самых реминисцентных произведений отечественной классики" (Хализев В.Е., Шешунова С.В. Цикл А.С. Пушкина "Повести Белкина". М., 1989. С. 44). Установлена перекличка этого замыкающего "Повести Белкина" произведения с творениями русских и зарубежных авторов, от "Ромео и Джульетты" Шекспира до "Бедной Лизы" Карамзина. Фольклорной традиции внимания уделялось значительно меньше. В повести (собственно – новелле, но сохраним авторское определение жанра: "Повести Белкина") исследователи обнаруживали сказочные и карнавальные реминисценции; её связь со сказкой сводилась к безмятежно-благополучной развязке, а перекличка с обрядом – к переодеванию. Какие-либо конкретные сюжеты, мотивы или персонажи при этом не упоминаются. Связь же "Барышни-крестьянки" с народной песней и вовсе оставалась незамеченной, хотя одной известной песне повесть едва ли не обязана своим возникновением. В статье, посвящённой другой проблеме, мы уже обратили внимание на то, что первая встреча героев пушкинской повести описана едва ли не теми же словами, что и встреча персонажей песни "Вечор поздно из лесочку", приписываемой П.И. Жемчуговой (см.: Медриш Д.Н. "Её сестра звалась Наташа..." // Русская речь. 1993. № 2. С. 117). Рассмотрим этот факт в более широком контексте, поскольку упомянутая песня почти явно присутствует во всей пушкинской повести и представлена в ней не просто как отдельный текст, а как один из своеобразных элементов народной культуры.

Начнём с того, что история крестьянки, ставшей женой графа Н.П. Шереметева, в народном сознании запечатлелась в трёх версиях – песенно-поэтической, реально-житейской и официально-документальной, причём в "Барышне-крестьянке" каждая из них отозвалась по-своему.

Версия песенно-поэтическая воплощена во множестве вариантов (только в девятом выпуске "Песен, собранных П.В. Киреевским", их одиннадцать). Как это обычно бывает при устном бытовании лирической песни, в различных вариантах, как правило, совпадает исходная лирическая ситуация, тогда как финальная часть факультативна и в ряде вариантов отсутствует. Приведём один из наиболее кратких текстов:

Вечер поздно из лесочку
 Я каров домой, домой гнала,
 Вниз спустившись к ручёчку
 Близ зеленава лужка.
 Вижу, слышу: едет барин с поля,
 Две сабачки впереди,
 Ахотнички пазади.
 Враз подъехал он ко мне.
 – Здравствуй, милая красотка,
 Из которова села
 И откуда везена?
 Отвечала ему: "Сударь,
 Вашего сиятельства крестьянка
 Отвечаю здесь вам".
 – Нынче была ты крестьянка,
 Завтра будешь госпожа!
 – Мне не лестно быть госпожой –
 Только вашу слугой.

(Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. Л., 1986: Т. 2. С. 101. № 212).

Песню эту связывают с реальной судьбой, а её героиню нередко называют автором текста, так что в народном сознании произведение существует как "Песня Параша" или "Песня про Парашу"; в этом последнем случае имя героини встречается в самом тексте:

У Успенского собору
 В большой колокол звонят
 Нашу милую Парашу
 Венчать с барином хотят.

Речь идёт о Прасковье Ивановне Горбуновой – Кузнецовой-Ковалёвой-Жемчуговой-Ковалевской-Шереметевой (столь развёрнутая фамилия будет объяснена ниже). В некоторых вариантах, повествующих

и о том, как Параша, прежде чем выйти замуж за барина, устроила судьбу сватавшегося к ней Ванюши, Егорова сына, сохранено и другое реальное имя: к реальной Параше Ковалёвой действительно сватался Иван, сын пекаря Егора Ушакова (см.: Кузьмин А.И. У истоков русского театра. М., 1984. С. 64). Известно, что граф Н.П. Шереметев не допускал в своих имениях исполнения песни, которая слишком явно напоминала современникам о том, что его жсна – вчерашняя крестьянка. И, вероятно, поэтому песня "Вечор поздно из лесочку" впервые была опубликована лишь в 1818 году, когда не стало графа, – через пятнадцать лет после смерти Прасковьи Ивановны.

Песня, однако, далеко не во всём соответствует фактам. Вымышлена положенная в её основу ситуация – неожиданная встреча барина с незнакомой ему юной крестьянкой; ситуация отчасти заимствована из фольклорных любовных песен, частично из сентиментальных повестей и пьес, в том числе и тех, в которых актриса Жемчугова выступала в главной роли. Реальная Параша не могла предстать перед сиятельным графом прекрасной незнакомкой хотя бы уже потому, что ещё десятилетней девочкой была взята в усадебный шереметевский театр, набор в который проходил под неусыпным наблюдением его сиятельства и в соответствии с его инструкцией, требовавшей набирать таких, "чтобы были из себя получше и не гнусных видом или станом" (Антонова Л.В. Крепостные таланты в усадьбе Шереметевых. Л., 1964. С. 27).

Жизнь у реальной Параша сложилась нелёгкая, даже трагическая. Отец её, Иван Степанович Горбунов-Ковалёв, был горьким пьяницей. Отношения крепостной актрисы, наделённой красивой сценической фамилией Жемчугова (её подругами по сцене стали Бирюзова и Гранатова), с графом Николаем Петровичем Шереметевым долгие годы оставались обидно двусмысленными, да и венчание, которое, наконец, в ноябре 1801 года состоялось (Прасковье Ивановне к тому времени исполнилось 33 года), было тайным; о своём браке граф возвестил в феврале 1803 года, на второй день после кончины супруги (она умерла от чахотки вскоре после рождения сына).

Отклонения от фактов в песне не случайны: они подчинены определённой поэтической традиции; жизненная реальность, уложенная в популярный в фольклоре и в литературе того времени сюжет, обрела в песне увлекательную завязку, счастливое развитие и ускоренно-благополучный финал: "Нынче была ты крестьянкой, / Завтра будешь госпожой!"

Существовала и третья, официальная версия. Поскольку брак графа и крепостной крестьянки был недопустим, отыскался стряпчий (кстати, крепостной человек графа Шереметева), хитроумно доказавший благородное происхождение Параша Ковалёвой, которая якобы и не Кова-

лёва вовсе, а Ковалевская: был подыскан мнимый предок, польский шляхтич Ковалевский, который ещё в 1667 году попал в русский плен и затем положил начало русской ветви дворянского рода. Так, прибегнув к своеобразному ряженью, крестьянку, кузнецову дочь, превратили в дворянку Ковалевскую. Любопытно, что историки русского театра и фольклористы, называя двойную фамилию крепостной девушки, одинаково воспроизводят первую её часть – Горбунова, тогда как вторую приводят в одном из вариантов: Параша в различных источниках, вплоть до новейших, именуется то Ковалёвой (А.И. Кузьмин, З.И. Власова), то Кузнецовой (Ив.Н. Розанов, А.М. Новикова, В.Е. Гусев). Видимо, перед нами фамилия-прозвище, кличка (коваль – то же, что и кузнец), указывающая на ремесло отца (и, возможно, предков) актрисы графского театра. Свой кузнец был в каждой деревне и притом находился на виду, и слово, называющее ремесло, как бы срасталось с его именем, так как вернее выделяло человека, чем фамилия, которая могла принадлежать в деревне и другим семействам (здесь уместно будет вспомнить Архипа-кузнеца из повести "Дубровский"). У графа Шереметева, когда он подправлял родословную своей возлюбленной (Ковалёва – Ковалевская), были свои соображения и цели, однако, сам того не желая, он обращал внимание любознательных современников на её фамилию, запечатлевшую отцовское ремесло.

Таковы три версии одной судьбы. У Пушкина все они скреплены общим мотивом *ряжения*, которым проникнута вся повесть, начиная с заглавия – "Барышня-крестьянка" – и эпиграфа и кончая развязкой. Барышня не просто наряжается крестьянкой – она играет, разыгрывает песню "Вечор поздно из лесочку". Эпиграф – "Во всех ты, Душенька, нарядах хороша" – приводится со ссылкой на И.Ф. Богдановича (автора поэмы "Душенька"). Вот что, однако, примечательно: в одном из вариантов песни "Вечор поздно из лесочку" (видимо, довольно распространённом, если его использует Д.В. Григорович в романе "Переселенцы") барин произносит примерно те же слова, – правда, с небольшим, но характерным уточнением:

Хоть родилась ты крестьянкой,
Можешь быть и госпожой.
И во всём новом наряде
Будешь вдвое хороша.

В русском обряде на первом плане оказываются два элемента ряжения – головной убор и обувь. В пушкинской повести описывается, как были сшиты для Лизы "толстая" рубашка и сарафан, не забыты при этом и медные пуговицы. Особое внимание уделяется тому, как были приобретены и использованы лапти. Эта важная деталь ряжения словно бы перенесена из песни:

Ты сейчас стоишь в лаптишках,
А завтра в башмачках,
Ты сейчас стоишь мужичка,
А завтра госпожой.

Исходная лирическая ситуация песни "Вечор поздно из лесочку" обыграна в картине первой встречи героев повести: «Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осенённой с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на неё. (...) – "Откуда ты?" – "Из Прилучина; я дочь Василья-кузнеца..."». Между тем, во всех известных нам версиях песни героиня называет себя крестьянкой, но никак не дочерью кузнеца. Эту характеристику Пушкин заимствует из реальной истории Парашы Ковалёвой. Для чего? С одной стороны, в ней намёк на реальные события, в повести представленные в пародийном плане. Но, с другой, в "Барышне-крестьянке" роль этой подхваченной Лизой детали значительно весомее – и поэтичнее, – чем в жизни реальной Парашы. Кузнец в фольклоре – фигура особая. С ним самим и с его окружением совершаются необычные превращения (он, например, перековывает старых на молодых). В конспективной записи Пушкина сохранилась замечательная сказка, в которой царевича подменяют кузнецовым сыном, так что каждому из них приходится выступать не в своей роли. В облике кузнецового сына действует царевич – в услышанной поэтом народной сказке, в облике кузнецовой дочери – барышня-дворянка в пушкинской повести. Известно также (этот мотив использовали поэты пушкинской поры), что к кузнецу обращаются в подблюдных песнях, предвещающих богатство и счастливое замужество. Кузнецом, как и мельником, обряжаются "окрутники" (вспомним, кстати, героиню пушкинской "Русалки" – мельникову дочь). Столь приметная роль кузнеца в фольклорном сознании объясняется тем, что в мифопоэтической картине мира кузнец – лицо, связанное с огнём, – издревле выступает, по определению В.В. Иванова, "как посредник между верхом и низом" (Мифы народов мира: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 22). Словом, если Лиза Муромская выдаёт себя не за крестьянку вообще, но за кузнецову дочь, то это не только напоминание о реальной Прасковье Ковалёвой, но и погружение в мир фольклорного ряжения, шире – в мир народной культуры. Заметим, что в "Барышне-крестьянке" мотив ряжения, игры не сводится к поступкам героини, он проникает во все клеточки образной структуры. Так, первоначальное сравнение старика Берестова с медведем (Муромский "прозвал своего соседа медведем и провинциалом") в дальнейшем повествовании приобретает ярмарочно-игровой смысл: "Берестов отвечал с таким же усердием, с каковым цепной медведь кланяется *господом* по приказанию своего вожатого". Вместо грозного владыки лесов – потешный Михайло Иваныч Топтыгин, персонаж медвежьей комедии и народного лубка.

Наконец, как в официальной версии (где Ковалёва оказывается Ковалевской), герой повести, уже перед самой свадьбой, обнаруживает, что его любимая – не крестьянская вдова, а дворянская дочь. Иначе говоря, в повести обыграна, отчасти спародирована судьба Ковалёвой-Шереметевой, какой она представлена во всех трёх версиях – поэтической, реальной, официальной. Примечательно, что какая бы из версий ни использовалась, все ситуации воспроизводятся как бы с противоположным знаком: то, что у Параши реально, то для Лизы – игра, а то, что у Параши – вымысел, то для Лизы – реальность, которая, однако, тоже маскируется, и потому героине приходится прибегать к ржанию и тогда, когда она притворяется крестьянкой, и тогда, когда, принимая Алексея у себя дома, она играет уездную барышню, напялив бубли и непомерно выбелив лицо, как это делают "окрутники" на святках.

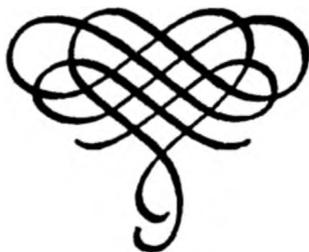
Если бы нас интересовали только *источники* повести, то на этом можно было бы и остановиться. Однако песня "Вечор поздно из лесочку" – не только факт творческой истории повести, но и элемент её образной структуры. Иначе говоря, не только автор, создавая произведение, помнил "Песню Параши", но и условный повествователь девица К.И.Т. (Белкин свидетельствует, что именно от неё услышаны "Метель" и "Барышня-крестьянка") песню знала; что сама героиня в своём поведении ориентировалась на знакомую песенную ситуацию, да и читатель, следя за её приключениями, сопоставлял их с поступками известной ему песенной героини.

О популярности той или иной песни в прошлом можно судить по ряду показателей: свидетельства современников, количество записей, включение в песенники, использование в лубочных изданиях и в художественной литературе. В комментарии к напечатанным в сборнике Киреевского одиннадцати записям П.А. Бессонов свидетельствует, что "не было на Руси угла, где бы её не знали, преимущественно между дворовыми, мещанами, купечеством, чиновниками, вообще в среднем классе, а отчасти и в высшем, кто только из него любил и любит песню. Из этой массы нам положительно не случалось встречать человека, который не был бы знаком с песнью хоть в отрывках" (Песни, собранные П.В. Киреевским. М., 1874. Вып. 9. С. 49). Начиная с "Новейшего российского песенника" (СПб, 1818), песня "Вечор поздно из лесочку" включалась в многочисленные сборники, обычно с пометами "протяжная", "простонародная", "семейная", "девичья" (см. прим. В.Е. Гусева в кн.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 589–590). Когда же в обычай вошло называть сборник по заглавию открывающей его песни – как правило, наиболее известной, – одно из таких массовых изданий вышло под названием "Вечор поздно из лесочка" (см.: Гудошников Я.И. Русский городской романс. Тамбов, 1990. С. 25).

Издавались лубочные листки с текстом песни и соответствующими иллюстрациями; лубок же, как известно, ориентируется и на грамотных, и на неграмотных, – это особое явление культуры, которое служит как бы мостом между фольклором и литературой, причём мостом с двусторонним движением. Наконец, наша песня цитируется и вводится в сюжет в произведениях А.Ф. Писемского, Д.В. Григоровича, Н.С. Лескова, Ф.К. Сологуба, рисующих картины народного быта.

Лиза Муромская, как и девица К.И.Т. (по поводу её возможного прототипа см.: Гласе А. Из чего сделалась "Метель" Пушкина // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 99), песню о кузнецовой дочери могла не только услышать, но и прочитать. В каждой из "Повестей Белкина" указывается (или угадывается), как правило, одна дата-ориентир: Берестов-отец вышел в отставку и поселился в своём имении "в начале 1797 года", что, по мнению комментаторов, связано с воцарением Павла. Эта же дата, на наш взгляд, позволяет определить и время действия повести: поскольку Алексей Берестов родился уже после выхода отца в отставку, а до встречи с Лизой он успел окончить университет, то лет ему несколько более двадцати, и сватовство его к Лизе происходит никак не ранее 1818 года (скорее, несколько позже). Так что когда Лиза задумалась над тем, как бы ей познакомиться с загадочным молодым соседом, песня уже была опубликована, а это ещё больше способствовало её популярности, и без того немалой. У первых читателей пушкинской повести, увидевшей свет в 1831 году, песня "Вечер поздно из лесочку", тем более, была на слуху. Хорошо бы, если бы и современный читатель увидел в метаморфозах барышни-крестьянки игру, намекающую на судьбу песенной героини Горбуновой-Кузнецовой-Ковалёвой-Жемчуговой-Ковалевской-Шереметевой. Как и всякое ряжение, такая игра, скрывая внешний вид человека, в то же время помогает раскрыться глубинным свойствам его души.

Волгоград

В ОДНОЙ ЛОДКЕ

В.М. МОКИЕНКО,

доктор филологических наук

Выражение в *одной лодке* до сих пор еще помечено родимым пятном так называемого "нового мышления". Во времена Перестройки оно было запущено в русские средства массовой информации как символ сопричастности каждого из нас к ответственности за все происходящее в мире. В мире, раздираемом политическими, экономическими и национальными противоречиями, которые, – как казалось совсем недавно, – можно преодолеть именно совместным дружным плаванием.

Не случайно поэтому первые стабильные употребления оборота встречаются в речах, интервью и других публичных выступлениях "архитектора перестройки" М.С. Горбачева: "Мы отнюдь не стремимся к тому, чтобы нас "возлюбил" классовый противник. Мы рассчитывали на то, что жизнь заставит его считаться с реалиями и осознать, что все – в одной лодке и вести себя надо так, чтобы она не перевернулась" (Изв. 1987. 5 ноября); "Давайте вместе размышлять, мы же все в одной лодке" (Правда. 1987. 12 дек).

Уже в этих употреблениях отражены две основные функционально-семантические характеристики нового для русского языка оборота: отмеченная выше политическая маркированность (т.е. связь с "новым политическим мышлением") и образная прозрачность, позволяющая постоянно апеллировать к внутренней форме. Практически все последующие употребления не выходят поэтому за рамки значения "в одинаковом (часто – опасном или крайне затруднительном) положении, ситуации; в равных условиях существования". Остаются в этих рамках даже тогда, когда с их помощью характеризуется жизнь "у них" и "у нас".

Так, семантически адекватны два контекста, отдаленные как хронологически, так и локально. Один – перестроечного периода, призы-

вающий советских писателей к открытой дискуссии и обмену мнениями на основе "лодочного равноправия": "Если бы я был советским писателем, я бы сказал: друзья, давайте не будем бояться споров, возражений, борьбы взглядов. Не надо шепота, давайте говорить в полный голос. Все мы делаем одно дело. Все мы – в одной лодке. Именно такая мне видится связь между октябрём 17-го года и октябрём 87-го" (Лит. газ. 1987. № 45).

Второй контекст – один из новейших, постперестроечный. На первый взгляд, он уже лишен перестроечной патетичности, поскольку характеризует достаточно бытовую ситуацию. Собственный корреспондент "Правды" в Париже Владимир Большаков накануне Рождества 1996 года подвозит на своей машине беременную француженку. Разговор с нею при этом оказался стержнем его очерка "Рождество по-французски. Кому везет, а кому нет": "Накануне Рождества у площади Трокадеро мою машину остановила миловидная женщина с сумками в руках. Она тут же рассказала мне, что устала до смерти, пока ходила по магазинам и покупала подарки мужу и своим родителям. Потом и вовсе разоткровенничалась и сказала, что беременна и ждет тройню... За разговором незаметно проехали почти получасовую пробку, и я пожелал моей попутчице счастливого Рождества и главное – здоровья. Тройня – это все же редкость, даже в Париже. Вот в таком, наверное, общении французы как-то лучше сумели понять друг друга. И те, кто бастовал, смогли объяснить тем, кто пострадал от их забастовки, что все они – в одной лодке, и потому, если кому-то одному плохо, будет неважно и всем другим. Только так можно было объяснить долготерпение Франции, оказавшейся на месяц без общественного транспорта, без почты" (Правда. 1995. 6 янв.).

Будничность сюжетной "затравки" очерка здесь несомненна. Однако, именно обращение к обороту *в одной лодке* переключает стилистические рычаги всего рождественского очерка. От простого бытового разговора со случайной попутчицей корреспондент переходит к возможности и желательности заключения "общественного договора" между двумя как будто бы противопоставленными группами населения Франции – забастовщиками и теми, кто от забастовок был вынужден переносить транспортные, почтовые и другие лишения. Собственно, – это и есть маркированность политикой "нового мышления", которая у нас, в России, как будто в постперестроечное время начала себя изживать. Не случайно выражение употреблено в парижском контексте парижским корреспондентом "Правды" Владимиром Большаковым, который и в годы перестройки активно поддерживал курс "нового мышления".

Семантическая и ассоциативная стабильность нового выражения во многом обеспечивается прозрачностью его внутренней формы. Образ

спасительной лодки в стихии политических и экономических бурь столь эффективен, что разрушить его проекциями в другие ассоциативные сферы довольно сложно. В большинстве случаев поэтому конкретные употребления лишь усиливают, конкретизируют или предельно расширяют этот исходный образ: "Плавание за мир продолжит наш поход, и поэтому не случаен выбор нашего призыва "Мы все в одной лодке!" (Сов. Рос. 1988. 22 июля); "Позвольте заметить, в наше непростое время при обсуждении насущных вопросов жизни нет посторонних, тем паче подставных лиц. Мы все действующие лица, все в одной лодке и одинаково озабочены, чтобы она не пошла ко дну. Даже неудобно напоминать простую истину секретарю парторганизации, обязанному заботиться о плюрализме мнений, отстаивать право на голос каждого работника, каждого коммуниста" (Правда. 1990. 2 июня).

Парадоксально, что при отмеченной семантической стабильности такая опора на "лодочный" образ нередко приводит к формальному перевоплощению оборота, созданию на его основе других выражений. Наряду с фразеологизмом *в одной лодке* в современной публицистике употребляется целый ряд идиом, стержнем которых являются слова *лодка* или *корабль*: *лодка* (чего) *опрокинулась* (опрокинется) "о крахе, полной неудаче какой-л. кампании, общественного процесса", *переворачивать / перевернуть лодку* "привести какие-л. позитивные политические процессы, новую государственную систему и т.п. к краху"; *раскачивать / раскачать лодку (корабль)* "расшатывать какие-л. структуры власти, приводя к ослаблению государства", "обострять, усложнять какую-л. конфликтную ситуацию"; *упускать/упустить лодку* "не пользоваться благоприятной возможностью, упускать случай, шанс" и др. Хотя на всех них лежит семантический отпечаток выражения *в одной лодке*, не все они являются его прямыми производными и не все их можно назвать устоявшимися самостоятельными фразеологизмами.

Пожалуй, наиболее употребительным из серии приведенных оборотов можно назвать *раскачивать лодку*. Не случайно его (даже в отличие от оборота *в одной лодке*) регистрируют словари русской новой лексики (Новое в русской лексике: Словарные материалы – 82. М., 1986; Словарь новых слов русского языка. Середина 50-х – середина 80-х годов. Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995). Он является своеобразным "оппозитом" к выражению *в одной лодке*, ибо характеризует процесс дестабилизации, агрессивность по отношению к тем, кто стремится к взаимодействию и единству.

Вот несколько типичных контекстов, в которых этот оборот употребляется: "... Сенатор Сэм Нанн на недавнем слушании в

сенатском комитете по делам вооруженных сил сказал, что сегодня в США, очевидно, существуют два направления, сторонники которых придерживаются различных позиций и западного ответа на советские инициативы, первые, которые "не хотят упускать лодку", указывают, что Запад должен действовать активно, выдвигая смелые новаторские предложения. Вторые, которые "не хотят раскачивать лодку", призывают к бдительности и осторожности" (Сов. Рос. 1989. 25 апр.); "И все это по капризу одного человека, упрямо отказывающегося сдать экзамен по фламандскому языку! Стоило из-за такой малости раскачивать правительственную и парламентскую лодки? И ведь уже не в первый раз..." (Лит. газ. 1989. 22 марта); "О раскачивании лодки в стране можно говорить с одной стороны" (ЦТВ. "Взгляд". 1989. 10 ноября); "Многие стремятся сейчас раскачивать государственную лодку, которая и без того дала течь" (Радио "Свобода". 1992. 29 ноября).

Именно это выражение допускает варьирование стержневого слова *лодка*: "Вот чего, честно признаюсь, боюсь я больше всего: новой крови, разрастания войны... Тревожно не только за нас самих, но и за детей наших, за внуков. За судьбы Отечества. Вот почему, когда слышу призыв на новый митинг или забастовку, на любую акцию гражданского неповиновения, хочу от всей души обратиться к людям: не спешите, подумайте! Осознайте сперва, к чему это ведёт или может привести... И вообще, не довольно ли раскачивать наш государственный корабль? Может, полезнее все-таки нам взяться поплотнее за работу – каждому на своем месте – и тогда быстрее достигнем желанных перемен? Может, в конкретных делах сплотиться всем вокруг перестройки?" (Правда. 1990.16 фев.).

Показательно, что Юрий Грибов (бывший секретарь правления Союза писателей СССР), который употребил этот фразеологический вариант в статье "Не спешите, подумайте!" в рубрике "О том, что волнует", предваряет ее "морской" метафорой: "Жизнь сейчас пошла – не соскучишься... А ведь пишут и показывают далеко не все, что происходит в нашей великой вздыбленной державе. За всем просто не успеть, события, словно морские волны, накатывают друг на друга..." Эта метафора "подкрепляется" в тексте статьи и словом *крен*, переведенным в "сухопутную" проекцию, т.е. характеристику идеологических и политических "отклонений" от верного (в данном случае – демократического) курса: "Все ли правильно делаем? Шаг вперед, шаг назад, крен влево, крен вправо... Не подкрепить ли нашу молодую демократию мерами, которые стабилизировали бы порядок в обществе?..." (там же).

Образ корабля, кристаллизованный в такого рода оборотах, может приобретать в некоторых контекстах практически полную автономию и восприниматься как самостоятельная метафора. Таково, например,

употребление этого образа в выступлении депутата В.И. Лисицкого (заместителя генерального директора по экономике производственного объединения "Черноморский судостроительный завод", г. Николаев) на Втором Съезде народных депутатов СССР: "Уважаемые товарищи! Сегодня наша экономика, на мой взгляд, напоминает корабль, который идет с большим креном вправо и с большим дифферентом на нос. Такой большой дифферент на нос, что корма задралась, винты обнажились и вместо того, чтобы гнать корабль вперед, бессильно вращаются в воздухе. Что в таких случаях делает команда? Она стремится придать кораблю нормальное состояние, то есть поставить, как говорят моряки, на ровный киль – только тогда можно будет добавить обороты и переложить руль в нужном направлении. Именно на это, по-моему, и направлены меры, предложенные правительством. Чрезвычайные меры направлены на то, чтобы сбалансировать нашу экономику хотя бы в самом первом приближении, с тем чтобы можно было и добавить обороты, и переложить руль влево... Сегодня многие руководители делают вид, что верят правительству, терпеливо ждут, когда этот корабль прошумит над ними. Вот, мол, корабль пройдет, всплывем, оглядимся по сторонам и посмотрим, куда, к какому берегу нам грести. Этот фактор имеет место, и он серьезно сдерживает перестройку" (Изв. 1989. 17 дек.).

В этом контексте, созданном профессиональным моряком, эта метафорическая свобода – как и обилие морских терминов – вполне уместна. Но все-таки, как кажется, даже она в некоторой степени регулируется и стимулируется выражениями в *одной лодке и раскачивать лодку*, ставшими символом времени.

На первый взгляд, данные выражения, этим временем маркированные, и порождены им, т.е. являются языковыми "плодами перестройки". Наблюдения за лексической системой перестроечного периода (В.Г. Костомаров, А.Д. Дуличенко; Л. Ферм, D. Haudressy и др.), однако, показывают, что "чистых" неологизмов этот период породил немного, а основная ее "подпитка" происходила за счет трех ресурсов: возрождения и активизации "хорошо забытого" собственного старого (типа *гласность, перестройка, благотворительность*), детабуизации употребления в печати просторечно-разговорных, жаргонных и других некодифицированных элементов (типа *кайф, до фени, блин горелый*), а также заимствования (в том числе и калькирования) европеизмов или американизмов (типа *гастарбайтер, рэкет, утечка мозгов, мыльная опера*). Именно к последним можно отнести интересующие нас выражения.

Поиски их "предтечи" в русском литературном языке мало что дают. Даже в картотеке 20-томного академического словаря в Институте

лингвистических исследований (Санкт-Петербург) регистрируются всего несколько употреблений, причем не ранее 1987 года. Лишь одно из них – из книги, изданной в 1970 году, – дает как будто возможность предполагать, что оборот *в одной лодке* мог быть известен русскому языку и несколько ранее перестроечного периода. Но, во-первых, он употреблен не в "канонической" для позднейшего времени форме (*у нас одна лодка*) и, во-вторых, его контекст допускает и предположение, что имеется в виду не переносное, а прямое значение слова *лодка*, что делает сочетание нефразеологическим: "Своего директора мы знаем. У нас одна лодка, и в непогоду он всегда с нами". Репродуктор искажал голос. Кто говорит? Гремяшин заглянул в зал. Со сцены по ступенькам опускался Шумин" (Кукушкин. Хозяин).

Реально, следовательно, диагностировать два интересующие нас оборота именно как перестроечные. И действительно, факты показывают, что они – публицистические штампы, широко употребляющиеся в европейской и американской прессе: англ. to be in the same boat (букв. быть в одной лодке), нем. [zusammen] in einem Boot sitzen ([вместе] сидеть в одной лодке), фр. être embarqué sur le même bateau (сидеть на одной лодке) и т.д.

Показательно, что в славянских языках этот оборот появился также недавно: его не регистрируют даже многие добротные фразеологические словари, вышедшие в 70–80-е годы. Лишь один из новейших словарей – фундаментальный "Словарь чешской фразеологии и идиоматики" (Slovník české frazeologie a idiomatiky. Vyrazy slovesné. Red. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha: Academia, 1994) фиксирует его в двух формах: *být (hejt) s hěkým (všichni, spolu) na jedně (jedný) lodi* (быть с кем-л. [все, вместе] на одной лодке) "(о человеке в отношении к другим либо о всех вместе, находящихся в неблагоприятной, трагической, безвыходной ситуации, особенно – когда речь идет об одном-единственном решении, выходе и т.п.) иметь (с кем-л. или вместе с остальными) общую участь, быть в той же ситуации (и быть вынужденным соблюдать солидарность)"; *plout s někým na jedné lodi* (плыть с кем-л. на одной лодке) "не иметь причин себя в чем-л. упрекнуть; относиться к одному коллективу".

Характерно, что в этом самом объемистом трехтомном славянском фразеологическом словаре приводятся полные эквиваленты из английского, немецкого и французского языков, а в качестве русского дано лишь традиционное словосочетание *иметь общую судьбу, иметь общий удел*. Этот факт не только подтверждает неологичность выражения в русском и других славянских языках, но и заставляет предположить, что в языках стран бывшего так называемого "социалистического лагеря" оно было навеяно именно перестройкой.

Действительно, история его убедительно свидетельствует о пути заимствования с Запада на Восток.

Некоторые историки европейской фразеологии объясняют выражение как общую старую метафору из корабельного обихода. Так, один из новейших справочников по немецкой идиоматике возводит оборот *wir sitzen alle im selben Boot* (букв. мы все сидим в одной лодке) "мы разделяем общую долю" к тем же образным истокам, что и выражение *ans Ruder kommen* (прийти к рулю) "прийти к власти" и дает им очень обобщенную фразообразовательную интерпретацию: "Поговорки с такими образными словами, как *Ruder* (руль), *Segel* (парус), *Steuer* (штурвал) и т.д. основываются на морской метафорике, которая, в свою очередь, обогащает различные образные сферы. Так, например, жизнь интерпретируется как морское плавание (ср. *Seefahrtreise*), на котором можно потерпеть кораблекрушение (*Schiffbruch erleiden*). Одним из древних и широко разветвленных является образное поле "государственный корабль", которое воспринимается как коллективное морское плавание социальной группы или обществ в целом. На "государственном корабле" население государства – пассажиры, а "правительственная команда" – команда корабельная. Она определяет курс, по какому движется руль, кормило или штурвал" (Müller Klaus. *Lexikon der Redensarten*. München: Lexikographisches Institut, 1994).

Бесспорно, выражение *в одной лодке* и ряд других выросли из этой метафорике. Не случайно поэтому в некоторых приведенных современных контекстах слова *лодка* и *корабль* сопровождаются определениями *государственный, правительственный, парламентский* и т.п. Однако, как показал в специальном исследовании о древних русских выражениях типа *у кормила (правления), у руля (власти)* Б.Л. Богородский (У кормила правления. Из истории метафорического словосочетания // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1958. Т. 170), история каждого из "морских" выражений, хотя и прямо зависима от такой метафорике, но нередко имеет свои собственные акценты и нюансы, свои источники в каждом языке.

История оборота *в одной лодке* также достаточно индивидуальна, несмотря на общую зависимость от морской метафоры. В современных европейских языках, как это ни странно, он является... американизмом. Не случайно именно в английском языке идиома *in the same boat* "в том же самом, обычно трудном, положении или в тех же обстоятельствах" зарегистрирована в более мобильных вариантных рядах, чем в других современных языках – *we are all in the same boat* (мы все в одной лодке), *row (sail) in the same boat with smb.* "грести, плыть под парусом в одной лодке с кем-л." и т.п.

Ставя этому выражению этимологический диагноз "американизм", нужно оговориться, что это американизм с очень глубокими европей-

скими корнями. Как убедительно показал в специальном очерке, посвященном этому обороту, американский исследователь пословиц и поговорок В. Мидер (Mieder W. "Wir sitzen alle in einem Boot". Herkunft, Geschichte und Verwendung einer neueren deutschen Redensart // Muttersprache, 100 (1990); его же: Deutsche Redensarten, Sprichwörter und Zitate. Studien zu ihrer Herkunft. Ueberlieferung und Verwendung. Nien: Edition Praesens, Wien, 1995), оно восходит к латинскому in eadem es navi (быть в той же самой лодке; в том же судне) и имеет, по мнению историков античных крылатых слов, конкретного автора. Им считается Марк Туллий Цицерон, в речах которого этот оборот первоначально связывался с популярной в то время метафорой политического "государственного судна" ("ship of state"), так же как и с характеристикой солидарности на политической арене. Благодаря популярности сборника пословиц Эразма Роттердамского (1469–1536) "Adagia" (1500 и сл.) эта поговорка переведена на многие европейские языки.

Несмотря на античное происхождение, пути проникновения латинской поговорки в современные европейские языки различны. Непосредственно из сборника Эразма Роттердамского она была заимствована рано именно английским языком и получила широкое распространение в США. В датский, немецкий или французский она попадает лишь после 1945 года благодаря влиянию англо-американского языка и культуры. Такое направление заимствования подтверждают многие лексикографические источники. В современном политическом и публицистическом обиходе (политические речи, названия книг, афоризмы, газетные заглавия, граффити и рисунки) выражение *wir sitzen alle in einem Boot* активно употребительно, например, в Германии (Peil D. "Im selben Boot". Variationen über ein metaphorisches Argument // Archiv für Kulturgeschichte, 68. 1986. № 2). Детальный анализ таких употреблений – на историко-этимологическом фоне – делается в уже упомянутых очерках В. Мидера.

Выражение в *одной лодке*, следовательно, и в современном русском языке – американизм, активно распространившийся в печати благодаря гласности и перестройке. Такой диагноз подтверждается и экскурсом в историю другого интересующего нас "лодочного" выражения – *раскачивать лодку*. Его источником можно признать англ. *to rock the boat* (букв. раскачивать лодку) – "нарушать равновесие, ставить под удар, подвергать опасности, создавать опасное положение". А.В. Кунин в своем тезаурусе английской идиоматики – "Англо-русском фразеологическом словаре" (изд. 4-е. М., 1984) специально подчеркивает, что первоначально оно было именно американским и приводит соответствующие контексты из литературы.

Активность проникновения и варьирования оборота *раскачивать лодку* в перестроечную русскую публицистику объясняется, судя по

приведенным контекстам, и тем обстоятельством, что он оказался своеобразным семантическим "противовесом" выражению *в одной лодке* и образовал вместе с ним некий фразеологический тандем. Его закрепление в языке поддерживалось и возможностью развития прозрачного образа, в нем заложенного, другими "лодочными" словосочетаниями, оперативно созданными быстрописцами-журналистами. Примером такой "поддержки" является выражение *переворачивать/перевернуть лодку* "приводить какие-л. позитивные политические процессы, новую государственную систему и т.п. к краху": «У всех здоровых сил перестройки достаточно терпения и здравомыслия для того, чтобы не дать перевернуть лодку. Но пребывать в роли наблюдателей и пассивных созерцателей становится все опаснее: крен достигает критического уровня. Не стоило бы дожидаться, пока политическая демагогия обратится действием. В таком случае завтрашний день страны вообще окажется неопределенным, да и в мире пошатнется стабильность... Десятилетиями жертвовали своим "сегодня" ради достижения мифологизированного идеала, чей прообраз был ведом лишь одному, "гениальному и непогрешимому". Затем накренило в другую крайность, в докладах стало рвать от обилия конкретных цифровых выкладок: сколько яиц придется вскорости на гражданина, сколько чугуна и стали требуется для достижения безоблачного "завтра"» (Правда. 1990. 18 февр.).

Это новое выражение, как видим, является своеобразной "финальной формулой", подытоживающей семантическую градацию "лодочной" метафоры: *все в одной лодке* – надежда на спасение, *раскачивание лодки* – угроза этой надежде, *переворачивание лодки* – ее полный крах.

Адаптация европейских американизмов *в одной лодке* и *раскачивать лодку*, разумеется, как и в других случаях языкового заимствования, имела и свою русскую специфику. Семантически это отразилось в уже отмеченной "перестроечной" окрашенности, инициированной употреблениями первого оборота М.С. Горбачевым. Фразеобразовательно она выражается в создании новых оборотов – в том числе и контаминированных. Таковым, например, является выражение *упускать/упустить лодку* "не пользоваться благоприятной возможностью, упускать случай, шанс". Его "перекличка" с оборотом *раскачивать лодку* была уже продемонстрирована нами в соответствующем контексте из "Советской России" 1989 года. Оборот образован скрещением последнего, "лодочного" выражения с идиомой *упустить поезд*.

Еще более специфический и уже собственно русский случай фразеобразования на основе данной метафоры – шуточный оборот *пересест в семейную лодку* "заклчить брак, стать семейным человеком". Он, вероятно, возник на основе выражения *в одной лодке* с

трансформацией крылатых слов В.В. Маяковского *любовная лодка разбилась о быт* и оживлением исходного значения. Характерно, что этот оборот употреблен в тексте, рекламирующем семейные путешествия на теплоходе по Дунаю: "Ваша любимая женщина будет на всю жизнь восхищена вашим поступком и без размышления отдаст вам свое сердце, если вы пригласите ее в один из самых роскошных круизов по Дунаю на теплоходе "Днепр". Вас ждут красоты дунайских берегов, средневековая архитектура Венгрии, Австрии, Германии... Ну а если вы одиноки, у вас есть шанс пересечь с нашего теплохода в счастливую семейную лодку. Как известно, самые счастливые браки заключаются на воде!" (Комс. правда. 1991. 18 июля).

Этот контекст – своеобразное свидетельство стилистической деградации "лодочного" выражения, еще недавно вознесенного перестройкой на должную патетическую высоту. Лансированное в русскую речь средствами массовой информации периода перестройки, это выражение не только закрепилось в языковой системе, но и подверглось в ней значительной стилистической переработке. Родившись в недрах политической риторики времен Цицерона и законсервировавшись книжниками европейского средневековья, оно неожиданно возродилось и активизировалось в американской прессе, а оттуда обновленным вернулось в послевоенную Европу. Политика "нового мышления" сделала его актуальным и в России. С утратой веры в благополучное экономическое и политическое плавание с Западом "в одной лодке" оно, однако, не только постепенно теряет свой патетический заряд, но и вырождается в шуточный рекламный ролик.

Санкт-Петербург

Студенческий этюд

А.А. КРЕТОВ.

доктор филологических наук

Если спросить любого носителя русского языка, от какого слова образовано прилагательное *студенческий*, он, не задумываясь, скажет: от слова *студент*. Заглянув в "Словообразовательный словарь русского языка" А.Н. Тихонова (М., 1985. Т. 2), он вроде бы обнаружит подтверждение своей правоты: действительно, *студент* – производящее, *студенческий* – производное. Правда, там же есть и другое прилагательное – *студентский*, о существовании которого многие не подозревают. Это открытие может удивить и заставить задуматься. Действительно, *доцент* – *доцентский*, *ассистент* – *ассистентский*, *интеллигент* – *интеллигентский*, *диссидент* – *диссидентский*, *президент* – *президентский*, *корреспондент* – *корреспондентский*, так почему бы и не *студент* – *студентский*?

В словаре В.И. Даля находим прилагательное *студентский* и речение *Студентские записки*. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах (М.-Л., 1963. Т. 14) дает богатый материал по этому ныне устаревшему, а в XIX веке весьма употребительному слову: "Теперь, как прежде своеюравно, Я жизнь *студентскую* веду. Языков, Н.Д. Киселеву. В прежних *студентских* кружках бранились громко, спорили запальчиво. Герцен, Былое и думы. V. Смешно было в его года надеть *студентский* мундир; но он не боялся насмешек. Тургенев, Дворянское гнездо, 12. В ходу было и наречие по-

студентски: *Посылаю вам последнее стихотворение мое. Скажите мне ваше мнение по-гусарски или по-студентски*. Д. Давыдов, А.М. и Н.М. Языковым, 6 июня 1834. *Хозяин из любопытства сделал мне экзамен, и я прочел ему две, или три пьесы, декламируя напропалую, по-студентски*. С. Аксаков, *Воспоминания о Д.Б. Мертваго*". Первая словарная фиксация слова *студентский* относится к 1802 году и отражает речевую практику XVIII века (Гейм И. *Новый российско-французско-немецкий словарь*. М., 1802. Ч. III).

Обратившись к историко-этимологическому словарю современного русского языка П.Я. Черных (М., 1993. Т. 2), мы узнаем, что во всех славянских языках, прилагательное от слова *студент* образовано с помощью суффикса *-sk(i)*, а в словацком *-ovsk(i)*; ср. зафиксированное еще в 1660 году русское прилагательное *студентовый* в сочетании *студентовых вестей* (речь идет о польских студентах). Там же употреблено и слово *студент*.

На фоне прилагательных, образованных в русском и других славянских языках от иностранных слов на *-ент*, открывается неожиданное: правильным и закономерным (с точки зрения русского и славянского словообразования) оказывается странное и непривычное для нас прилагательное *студентский*. И наоборот, столь привычное нам и "нормальное" прилагательное *студенческий* оказывается изолированным в словообразовательной системе, загадочным и необъяснимым. Эта необычность прилагательного *студенческий* не прошла мимо внимания лингвистов: В.Г. Чурганова назвала "замену *t* на *с*" в паре *студент – студенческий* "необычной" (Чурганова В.Г. *Очерк русской морфонологии*. М., 1973). Иными словами, в свете известных науке фонетических и морфологических закономерностей прилагательное *студенческий* не могло образоваться от существительного *студент*.

Перед нами странное противоречие: с одной стороны, слово *студенческий* не могло образоваться от слова *студент*, а с другой – оно-таки образовалось, и кроме как от слова *студент*, ему, вроде, не от чего и образоваться. Это последнее допущение нам и следует проверить. Попробуем найти слово, от которого в словообразовательной системе могло бы образоваться слово *студенческий*. Для этого рассмотрим прилагательное *студенческий* на фоне других слов на *-енческий* и словообразовательных цепей. Значение в следующем порядке: действие – признак – тот, кто + значение производящего – свойственный тому, кто обозначен производящим: *переродить* > *перерожден* > *перерожденец* > *перерожденческий*; *приспособить* > *приспособлен* > *приспособленец* > *приспособленческий*; *просветить* > *просвещен* > *просвещенец* > *просвещенческий*; *переселить* > *переселен* > *переселенец* > *переселенческий*; *лишить* > *лишен* > *лишенец* > *лишенческий*; (старославянское) *младѣнь* > *младѣнец* > *младѣнческий*.

Поставив в этот ряд слово *студенческий*, получим: *студить* > *студен* > *студенец* > *студёнский*.

Таким образом, с формальной точки зрения слово *студенческий* могло быть образовано только от *студенец*. Действительно, в словаре В.И. Даля имеется такое слово, а в Словаре современного русского литературного языка в 17-ти тт. оно дано с пометами "устарелое" и "областное" в значении "ключ, родник": "*Нет ни рек, ни озер, ни источников, ни кладезей, ни студенцов*. Загоскин. Брынский лес". Ясно, что от слова с таким значением при всем формальном благополучии не могло образоваться прилагательное со значением "свойственный студенту = студенту". Приведенный уже ряд позволяет реконструировать омоним к слову *студенец* "студеный ключ", а именно – *студенец* "студент". Пропорция *младень*: *младенец* "тот, кто младен", *студен*: *студенец* позволяет восстановить другое значение слова *студенец "тот, кто студен". Это значение и является народноэтимологической внутренней формой заимствованного и потому непонятого слова *студэнт*, случайно оказавшегося похожим на краткое прилагательное *студен*, значение которого было вполне понятно. Непонятно было, почему признаковое слово (*студен*) употребляется в значении существительного. Это и было исправлено оформлением основы субстантивным суффиксом *-ец*. Так получился *студенец "студент = тот, кто студен". Вот от этого-то *студенца* и образовалось прилагательное *студёнский* и собирательное существительное *студёнчество*. Как свидетельствует большой академический словарь, в XIX веке Герценом, Боборыкиным и Л. Толстым употреблялось и производное от слова *студэнт* – *студентство*: "*Самый уродливый период немецкого студентства во сто раз лучше мещанского совершеннолетия молодежи во Франции и Англии*. Герцен, Былое и думы {...} Знакомых студентов у Пирожкова не было. Да и отстал он от студентства". Боборыкин. Китай-город".

Хотя слово *студенец "студент" и не зафиксировано в текстах, оно встречается в не менее надежном и объективном источнике – в системе русского языка, из которой мы его только что и извлекли. Отражено оно не только в производных *студенческий* и *студенчество*, но и в параллельном производном от него прилагательном *студенцовый* "ко студенту относящийся", отмеченном в словаре В.И. Даля. Притяжательный суффикс *-ов* с полной определенностью свидетельствует о том, что производящее *студенец* имело значение лица. Вместе с тем это производное вроде бы указывает на возможность колебания в ударении у слова *студенец: пары *боёц* – *бойцовый*, *писёц* – *писцовый*, *истёц* – *истцовый* предполагают пару *студенец – *студенцовый*. Отклонение от этого правила наблюдается в словах с заимствованной основой: *марганец* – *марганцовый*, *пéрец* – *перцовый*, но ведь *студенец*

таким и является, поэтому наш первоначальный вывод об ударении на основе остается в силе.

На то, что слово *студенец* имело значение "студент", косвенно указывает и то, что от его омонима *студенец* в значении "студеный ключ, колодец, копань; посудина с холодной водою в бане" (Даль) прилагательное образовывалось иным суффиксом – *студенеч-Н(ый)* "ко студенцу относящийся".

В укреплении слова *студенец* (*студе́нц-а, студе́нц-у*) в значении "студент" могли сыграть роль и производные от слова *студент*: *студе́нтский* и *студе́нтство*, произносившиеся как *студе́нцкий, студе́нцтво* и облегчавшие тем самым отвлечение основы *студе́нц-*. Не удивительно, что слова *студентский* (1802), *студентство* (1850-е годы) вошли в употребление раньше, чем *студенческий* (1830-е годы) и *студенчество* (1860–1870-е годы), вытеснившие впоследствии своих предшественников.

Таким образом, выясняется, что у слова *студент* был народноэтимологический двойник – слово *студенец* с тем же значением. От обоих слов образовывались параллельные производные: *студентовый* и *студенцовый, студентский* и *студенческий, студентство* и *студенчество*. Примечательно, что в словоупотреблении Н.М. Языкова в 1830–1840-е годы и И.С. Тургенева в 1850–1860-е наблюдается конкуренция между двумя рядами производных, употребляется то прилагательное *студентский*, то *студенческий*. В итоге в речевой практике закрепились непроизводное *студент* и производные от слова *студенец* – *студенческий* и *студенчество*. Вот почему опрометчиво, не задумываясь, утверждать, что прилагательное *студенческий* образовано от слова *студент*.

Воронеж

СПЕКТР ГОРОХОВОГО ПАЛЬТО

Н.С. АРАПОВА,

кандидат филологических наук

Герои "Современной идиллии" М.Е. Салтыкова-Щедрина, прибыв в город Корчеву, обнаруживают, что за каждым их шагом следят негласные сотрудники полиции, так называемые *гороховые пальто*. "Гороховое пальто – род мундира, который, по слухам, одно время был присвоен собирателям статистики", т.е. лицам, которые под видом статистики занимались слежкой за обывателями; "...мы почувствовали какое-то дуновение, как у спиритов на сеансах. И вдруг мимо нас шмыгнуло гороховое пальто и сейчас же растаяло в воздухе. – Это не настоящее пальто... это спектр его! – шепнул мне Глузов: внутри оно у нас... в сердцах наших... Все равно как жаждущим вода видится, так и нам..."; "Спектр горохового пальто выступил на минуту в воздухе и растаял".

"Современная идиллия" создавалась чуть более ста лет назад, в 1877–1883 годах, но современному читателю уже непонятно употребление слова *спектр* в приведенных выше фрагментах. Можно только догадываться, что речь идет о мираже, призраке, оптическом обмане. Это значение слова *спектр* зафиксировано русскими словарями середины XIX века. В "Настольном словаре" Ф. Толля читаем: "Спектры, привидения, призраки. В конце 1863 г. на парижск[их] театрах начали показывать с[пектры] в пьесах, посредством особ[ого] аппарата, устроиваемого под полом сцены, где лица, освещенные сильным электрич[еским] светом, через отверстие в полу и зеркальное стекло, расположенное в глубине сцены незаметно для зрителей, отражались через стекло и являлись в публике в виде призраков" (СПб., 1864. Т. 3).

Эта эффектная сценическая новинка была немедленно подхвачена большинством европейских театров и уже в 1864 году использовалась в России. Ф. Толль сообщает, что она впервые была применена при постановке балета "Фиаметта". В журнале "Русская сцена" 1864 года отмечалось: "...в глубине зала начинают являться спектры (призраки)".

Однако почему эта оптическая иллюзия названа словом *спектр*, которое мы привыкли употреблять в значении "совокупность цветовых полос, получаемых при прохождении света через призму"?

Согласно семнадцатитомному Словарю современного русского литературного языка, существительное *спектр* впервые фиксируется в уже упомянутом словаре Толля, где оно выделено полужирным шрифтом

внутри словарной статьи "Спектральный анализ": "**Спектр**, солнечный – световое изображение, получаемое на стене темной комнаты от пропускания лучей света через стеклянную призму".

Но интересующее нас слово можно встретить и раньше, например, в "Живописной энциклопедии" (1847 г.) в статье "Дальтонизм": "В солнечном спектре, который получается через прохождение солнечного луча сквозь стеклянную призму и состоит из следующих цветов: красного, оранжевого, желтого, зеленого, синего, индигового и фиолетового, Дальтон различал только три цвета – желтый, синий и фиолетовый, а прочие казались ему неясными" (Т. 1).

В 1841–1842 годах Родион Гейман читал для московских фабрикантов курс лекций, которые были изданы в Москве в 1845–1849 годах. Там мы находим "... призматический призрак или спектр".

Ранее это явление называлось *цветной призрак* (Начальные основания физики. СПб., 1808. Т. 2); *цветное изображение (spectrum)*. *Невтонов цветной столбец* (Горный журнал. 1825. Т. 2); "Присутствие цветных кистей в лучах поляризованного света" (Иллюстрация. 1846).

А вот что мы находим во "Всеобщем французско-русском словаре" И. Татищева (1841 г.): "*Spectre*, s.m. Призрак, привидение, мечта, страшилище (...). (физич.) цветное изображение, производимое призмой. (...) pl. спектры, пугалы, насекомые, имеющие нитеобразное тело". Итак, слово *спектр* появилось в русском языке в сороковые годы XIX века. Встречается оно и в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера: "**спектр**, род.п. -а. Из франц. *spectre*, лат. *spectrum*" (М., 1986. Т. III).

Французское *spectre* обозначает: 1. призрак, привидение; страшилище; 2. *физич.* спектр. В первом значении оно заимствовано во французский язык из латыни в начале XVII века. Латинское *spectrum* "призрак, видение" – производное от *spectare* "смотреть". Оптическое значение "спектр" заимствовано французским языком из английского в начале XVIII века (Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. *Nouveau dictionnaire étymologique et historique*. Paris, 1981). Англ. *spectrum* "спектр" – термин, искусственно созданный на базе латинского *spectrum* (Skeat W.W. *An etymological dictionary of the English language*).

Орфографический словарь – всегда ли закон?

*Б.З. БУКЧИНА,
кандидат филологических наук*

В последние годы на книжном рынке появилось много словарей, в том числе и орфографических. Известно, что орфографический словарь – самый популярный: он предназначен для широкого круга читателей, которые так или иначе соприкасаются с вопросами правописания, и реализует рекомендации действующих (обязательных для всех пишущих) правил, а также включает слова, написание которых определяется в словарном порядке. Орфографические словари могут быть различного типа и объема, так как рассчитаны на разного пользователя – от школьника младших классов до специалиста в той или иной области знаний, включая и филологов.

Все орфографические словари, в идеале, преследуют одну цель – помочь пишущему в соблюдении правильного написания слов и их форм. Словник и структура словарной статьи составляются с учетом адресата. Поэтому издаются словари и общие, и школьные, и словари-справочники для работников печати, и специальные словари, посвященные одной сложной орфографической проблеме (например, написанию сложных слов, двойных согласных, прописной и строчной буквы). В орфографических словарях, кроме написания, может быть и грамматическая, и орфоэпическая информация, особенно, когда такие сведения связаны с написанием слов.

Авторы словарей должны учитывать разносторонние запросы и

интересы пользователя и при этом понимать, что составление словарей – очень кропотливый и ответственный труд. Об этом писал еще Я.К. Грот: "Составить порядочный справочный словарь по русскому правописанию – дело очень трудное".

До последнего времени основных нормативных словарей было два: "Орфографический словарь русского языка", подготовленный в Институте русского языка Академии наук одновременно с "Правилами русской орфографии и пунктуации" в 1956 году (этот словарь выдержал 32 издания, из них три – переработанные и дополненные: 1963, 1974, 1991 года), и Орфографический словарь (авторы Д.Н. Ушаков и С.Е. Крючков) для начальной и средней школы, который издается с 1944 г. ежегодно. Орфографические изменения и уточнения были внесены в связи с выходом "Правил". Издавались еще словари для начальной школы, в частности, в 1976 году вышел "Грамматико-орфографический словарь" (авторы А.В. Текучев и Б.Т. Панов). Естественно, что орфографические рекомендации словарей соответствовали "Правилам русской орфографии и пунктуации" 1956 года.

Появление новых орфографических словарей в последние годы можно было бы только приветствовать, если бы авторы помнили слова Я.К. Грота. Миллионы читателей привыкли верить справочным изданиям, их рекомендациям. Орфографический словарь (тем более "современный", "новый") для пользователя – закон, поэтому здесь недопустимы недобросовестность, поверхностность.

Однако... Вот два орфографических словаря двух авторов – докторов филологических наук Л.А. Введенской и Н.П. Колесникова. Мы остановимся только на некоторых отличительных "особенностях" этих словарей. Перечислить все возникающие замечания не представляется возможным, потому что почти каждая страница в этих изданиях дефектна. Здесь трудно уловить какую-либо концепцию, и как словари правильности письменной речи они не выполняют нормативную функцию.

Итак, откроем "Современный орфографический словарь русского языка" (вышел в издательстве "Феникс" в 1995 году). В аннотации сказано: словарь этот *отличается от других словарей* как по форме, так и по составу и количеству включенных в него слов. Словарь предназначается для широкого круга читателей ("для всех слоев населения: учителей и учащихся, *коммерсантов и предпринимателей*, рабочих и служащих, колхозников и фермеров, владеющих и не владеющих в достаточной степени русской грамотой"). Составители-авторы пишут, что источником был "Орфографический словарь русского языка" Академии наук и различного рода публикации в периодической печати Российской Федерации.

Что же характеризует этот словарь?

В предисловии сообщается: "Обратившись к словарю, читатель уточняет написание и произношение необходимого ему слова: *гидрат* (соединение вещества с водой), *гидрид* (соединение водорода с другими элементами)". Странно, что авторы дают значения слов, подменяя ими орфографически значимую информацию. И еще более странно, что предлагаются примеры слов (*гидрат* и *гидрид*), которые вообще отсутствуют в словаре. Так что, если ученик хотел бы в Орфографическом словаре получить справку и по химии, ознакомившись с предисловием, то увы – он ее не найдет ни в "Современном словаре", ни в "Новом словаре", где весь этот "текст" повторяется.

Непоследовательность в подборе слов и в подаче словарных статей создает впечатление, что разные буквы (или страницы) готовились разными людьми, которых объединяет лишь одно качество: непрофессионализм, а редактирования (редактора), очевидно, не было.

В "Современном словаре" отсутствуют многие новые широкоупотребительные слова, испытывающие колебания в написании, например, (*кил(л)ер, риз(е)лтор*), или любые слова с первыми частями *бизнес-, шоу-* и многие другие.

В орфографическом словаре немало орфографических (!) ошибок. Например, *банд-формирование* вместо *бандформирование*, *белорусский* вместо *белорусский*, в *припрыжку* вместо *вприпрыжку*, *выравнять* вместо *выровнять* или *выравнивать*, *высоко-молекулярный* вместо *высокомолекулярный* (слитно пишутся все сложные прилагательные с первой частью *высоко*). Много и другого рода ошибок. Например, *варфоломеева ночь* вместо *варфоломеевская ночь*, *брачующиеся* вместо *брачающиеся*. Можно отметить и другие странности, например, противопоставление *в ряд* (что это?) и *вряд ли*.

В Словаре "своеобразно" представлены варианты слов. Например, *лежебока* и *лежебок* (этот вариант есть только в словаре Гейса 1801 (!) года издания); *журавль* и *журавель* (этого варианта нет в словарях литературного языка); *бескрайний* и *бескрайный* (этот вариант в Орфоэпическом словаре дан как *нерекомендуемый*). Много непоследовательностей и в самой подаче вариантов. Например, только *будничный* (при отсутствии *буднишний*), но при этом в качестве вариантов в Словаре представлены *по-будничному* и *по-буднишнему*; *голосемянный* (при отсутствии *голосеменной*) при том, что *покрытосеменные* и *покрытосемянные* в Словаре представлены как варианты. Или: *строгать*, но *выструганный*; *постругать*, но *остроганный* и *оструганный*, а на своем алфавитном месте – только *оструганный*.

Большая путаница в ударениях. Авторы, очевидно, игнорировали такой авторитетный источник, как "Орфоэпический словарь русского

языка", подготовленный в Институте русского языка Академии наук. Так, например: *без просьѣна (просьѣну)* – нет варианта *прѣсьѣн*; *бижутѣрія* – нет варианта *бижутѣрія*; *бытиѣ* и *бытиѣ* (не указано, что вариант *бытиѣ* употребляется в значении "жизнь, существование", а в качестве философского термина может выступать только вариант *бытиѣ*); *вахтер* и *вахтѣр* – разные слова, соответственно: "содержатель судебного имущества" и "дежурный сторож".

Множество недоразумений и в толковании слов. Общепринятая практика такова, что в орфографических словарях краткое указание на значение слова дается только в тех случаях, когда при одинаковом произношении двух слов их написание различается. Поэтому вряд ли оправданными представляются объяснения такого типа: *баран* – это животное, а *барак* – постройка; *валуй* – гриб, а *валун* – камень; *горянки* – жительница гор, а *горячка* – болезнь. При слове *баядерка* дается значение, а *баядера* (вариант *баядерки*) подается отдельным словом без значения. При слове *баркас* дается лишь одно значение – "большая шлюпка", в то время как это еще и "небольшое портовое судно". *Воскресение* (в отличие от *воскресенья*) определяется как "восстание из мертвых".

Наблюдается разнобой и в подаче исходных форм слова единственного или множественного числа в словарных статьях. Например, *ботинки*, род. *ботинок*; *сапог*, род. мн. *сапог*, *сапожок*, род. *сапожка*; *носки*, род. *носков* и т.д. То же и в подаче имен народностей, национальностей.

Вероятно, авторы не потрудились выработать единый принцип, на основе которого обычно осуществляется выбор заглавного слова словарной статьи. Отсюда в словаре, с одной стороны, находим *безвозвратный*, *безвозмездный*, *безнадежный* (прилагательные), а с другой – *безопасность*, *безвыездно*, *безнравственно*. (существительное и наречия).

Полный беспорядок и в формах глаголов прошедшего времени: *ввезти* (прош. *ввез*, *ввезла*), *ввести* (прош. только *ввел*); *везть* дано с прошедшим временем, а *сеять* – без прошедшего; *зажечь* и *поджечь* – тоже по-разному. И уж совсем удивительно, что на своем алфавитном месте даны формы 2 лица глаголов *будешь* (от *быть*) и *будишь* (от *будить*).

Примеры можно было бы легко продолжить. Однако и уже названные нами замечания ясно свидетельствуют о недобросовестной работе авторов "Современного русского словаря".

Второй словарь – "Новый орфографический словарь", "который значительно отличается от других аналогичных словарей тем, что он

предназначен не только для школьников, но и для лицейстов, семинаристов ...". Не совсем понятно, чем отличаются лицейсты ... от школьников. Прежде всего следует отметить, что почти все непоследовательности и орфографические ошибки из "Современного словаря" повторяются в "Новом словаре". И все же интересно проследить выборочно, как реализованы в словаре 17 пунктов статьи "Состав и структура словаря".

Так, в п. 3 речь идет о подаче в словаре наряду с другими вариантами и орфографическими. Все так называемые орфографические варианты (*постлатъ* и *постелить*, *трилистник* и *трилиственник*, *твѣрог* и *творѣг*, *берестѧ* и *берѣста*) вовсе не являются орфографическими.

В п. 6 авторы объясняют свой принцип отбора словника: в его основе лежало "стремление не перегружать словарь излишним материалом". Например, в словаре не приводятся слова *орнитолог*, *металлург*, *метил*, так как они уже входят в состав слов *орнитология*, *металлургия*... И, наоборот, приводятся слова, от которых легко могут быть образованы другие: например, в словаре есть *вандал*, *игумен*, *афера*, но нет слов *вандализм*, *игуменья*, *аферист*. Анализ показал, что не только читателю трудно понять такое "новшество", но и сами авторы крайне непоследовательны в его реализации. Приведем лишь некоторые примеры. В словаре даны *флейта* и *флейтист*, *фундамент* и *фундаменталист*, *экология* и *экологический*, *футуролог* и *футурологический*; есть слова *монах* и *монахиня*, но нет слова *игуменья* (орфографически более трудного). И вообще случайностям отбора (выбора) слов, приведенных в словаре, можно только удивляться.

В словаре нет слова *буква*, однако его можно найти как вариант при слове *литера*(?). В школьном словаре нет слов *азбука*, *букварь*. Нет слов *миллион*, *миллиард* (есть *миллионер*, *миллиардер*). Есть слова *восклицательный*, *повелительный* и нет слов *изъявительный*, *сослагательный*. Дано слово *пистоль* и не указано, что это устаревший вариант к слову *пистолет*, которого нет в словаре, а есть *пистолет-автомат*. Непонятно, почему причастия даются без глаголов, а глаголы – без причастий, например: только *засахаренный*, *засекреченный* и только глаголы *апробировать*, *аранжировать*.

Наблюдается небрежность в подаче вариантов. В одной статье объединены: *неугасемый*, *неугасающий* и *неугасимый* (последнее – 1. *высок*. постоянно горящий и 2 *перен*. постоянно существующий). Как равноправные варианты даны *оттоманка* и *оттоман*. Однако слово *оттоман* включено только в Словарь Толля (1864 г.)!

Приведем некоторые примеры непоследовательности в оформлении словарных статей. *Буксировать* – без форм; *буксовать*. -*сует*; *прижечь*, 1, 2 и 3 л.; *поджечь* – 1 и 2 л.; *зажечь* – форма прош. вр.; *Абазин*,

р.-а, *грузин* – без форм; *румын*, мн. *румыны*; *россиянин*, мн. *россияне*; *армянин*, р. мн. *армян*; а *молдаванин*, *мусульманин*, *гаитянин* и др. без форм. *Медвежонок*, р.-нка, мн. *медвежата*, а *галчонок*, *волчонок* и др. – без форм. *Племя*, р. -мени, тв. -менем; *семья*, р. -мени, мн. *семена*; *темя*, р. -мени, а *имя* – без форм. *Помидор*, р. мн. -ов, а *апельсин*, *мандарин*, *баклажан* – без форм.

Таким образом, можно констатировать, что грамматические пометы даны непоследовательно. Авторы не принимают во внимание орфографические трудности. Грамматической ошибкой является: *молоки*, -ов вместо *молоки* и *молока*, *молок*. При этом все орфографические ошибки из "Современного словаря" перенесены в "Новый словарь" (начиная с *банд-формирования*).

Увеличилось количество ошибок во втором издании 1995 г. Например, *русский* (с одним *с*), *широкоэкранный* (с одним *н*) и мн. др. В этом издании также много опечаток: *фата-морган* вместо *фата-моргана*, *адьюкт* вместо *адьюнкт*, и мн. др.

В списке литературы – устаревшие источники: Орфографический словарь Д.Н. Ушакова 1937 г., Словарь "Слитно или раздельно?" 1978 г. вместо последнего издания 1988 г. Не обошлось и здесь без опечаток: в издании 1994 г. – словарь Д.Э. Розенталя "Прописная или *срочная*"; во втором издании вместо *Калакуцкая* – *Калацкая*.

Список ошибок можно продолжать – они есть практически на каждой странице. Жаль, что приходится оценивать не рукописи словарей, а готовые издания, которые продаются в магазинах и, к сожалению, пользуются спросом.

Знакомство с этими словарями вызывает не только вопросы к их авторам, но и удивление: как два доктора филологических наук Л.А. Введенская и Н.П. Колесников, люди в лексикографии явно не случайные, выпустили издания такого качества? Возможно, одной из причин является высокая "продуктивность" авторов. За последние два года они подготовили или переиздали около десяти словарей (паронимов, омонимов, антонимов и др.). Два орфографических словаря – новый жанр для авторов.

И последнее. Издательства "Феникс" (Ростов-на-Дону) и "Дубль-В" (Москва) – коммерческие, качество продукции их, возможно, не интересует, или они полностью доверились авторам. Но как издательство Ростовского университета могло выпустить такой брак?

А читатель доверчив – и приобретает и "Современный орфографический словарь" и "Новый орфографический словарь" (для учащихся). Авторы довольны: словари раскупаются.

P.S.

Судя по всему, авторы рецензируемых словарей не потратили ни много сил, ни много времени на их составление. А ведь о работе

лексикографа писал еще Ю. Скалигер (перевод Феофана Прокоповича), который нелегкую работу составления словарей приравнял к труду на рудниках:

“Если в мучительные осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Не посылать в тяжкие работы мест рудных.
Пусть лексикон делает – то одно довлеет
Всех мук роды сей один труд в себе имеет”.

Однако изобретен еще более "новый" и доходный способ издавать словари: его придумали господа-товарищи из ТОО "Гепта Трейз". Неизвестные деятели настолько скромны, что не претендовали на авторство. Они просто-напросто выпустили два тома "Орфографического словаря русского языка. 1995 год". Автор – С.И. Ожегов, умерший в 1964 году.

Механизм крайне прост – нужно взять "Орфографический словарь русского языка", подготовленный в Институте русского языка в 1957 (!) году (это второе, стереотипное издание словаря 1956 года, всего до 1996 года вышло 32 издания, из них три переработанных, исправленных и дополненных), и сделать из одного словаря два тома, а из двух его редакторов – С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро – одного автора, С.И. Ожегова как более известного. Ни один из данных редакторов, естественно, не может опротестовать пиратское издание: С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро давно нет в живых. Это и используют неизвестные издатели-дельцы.

Русская риторика. Хрестоматия

Разнообразие родов и видов красноречия, о котором пишет автор-составитель хрестоматии "Русская риторика" (М., Просвещение, 1996) доктор филологических наук Л.К. Граудина, вероятно, в недавнем прошлом было главной причиной стремления обойти молчанием риторику, насчитывающую более чем тысячелетнюю традицию развития, негласно поставив её в ряд "продажных девок империализма". В самом деле, с точки зрения тоталитарно-монокультурного государства нельзя допустить осмысленного применения рядовыми гражданами множества разновидностей риторики (социально-бытовую, академическую и лекционную, дискусивно-полемическую, судебную, военную и духовную), так как знакомство с ними может поколебать существующий строй. Ведь когда людям известна не одна языковая, философская или культурно-историческая концепция, их образ мышления перестает соответствовать официальным рекомендациям, направленным на выработку единомыслия. Кроме того, поднаторевшие в идеологических боях строители нового общества понимали: язык – серьезное оружие, и право пользоваться им оставляли за собой.

Часто (если не всегда) в основе конфликтов в любой сфере общения (от межличностной до межгосударственной) лежит непонимание. А его причина – низкий уровень владения языком и незнание элементарных риторических правил. Получая изначально, со школьной скамьи, представление о риторической традиции, человек не только расширяет кругозор, но облегчает себе (и окружающим) жизнь, что позволяют сделать включенные в книгу работы классиков (Аристотеля, А.Ф. Кони, В.О. Ключевского, П.С. Пороховщикова и др.), а также прямые рекомендации, полезные любому индивидууму (напр., "Хороший тон. Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной"). Поэтому нельзя не поблагодарить Л.К. Граудину за её успешно реализованное стремление возратить широким массам носителей русского языка знание риторики.

Хрестоматия – продолжение серии работ автора в этой области (см., напр., Л.К. Граудина, Г.И. Миськевич. Теория и практика русского красноречия. М., Наука, 1989), находится в контексте наиболее интересных современных отечественных исследований по риторике (В.П. Вомперский, Н.Н. Кохтев и нек. др.) и закономерно расширяет круг читателей, к которым, кроме филологов, журналистов, редакто-

ров, присоединяются учителя и ученики: к ним в первую очередь обращается составитель, хотя, несомненно, число заинтересовавшихся будет значительно больше.

Освещая все основные аспекты красноречия, книга не только помогает современному педагогу представить сущность риторики как науки, но и предлагает методы и приемы её преподавания в школе.

Вводные замечания автора-составителя, позволяющие неподготовленному читателю свободно ориентироваться в многообразии материала, предваряют каждый из разделов хрестоматии. В них содержатся важные теоретические сведения, которые отражают сегодняшний день научного осмысления риторики. В аналитические размышления автор органично включает методические советы (речь здесь идет о выборе слова, компонентах выступления, качествах речи, способах выражения мысли, умении говорить публично и многом другом). Культурно-исторические комментарии дополняются сжатыми характеристиками концепций представителей той или иной риторической школы. Те, у кого возникнет необходимость продолжить знакомство с риторикой за рамками хрестоматии, найдут в ней множество ссылок на исследователей искусства красноречия. Внутри разделов материалы, как правило, располагаются в хронологическом порядке.

Благодаря этому в руках у читателя оказывается надежная карта, где лаконично-четкими формулировками, соединяющими академическую точность с доступностью изложения, обозначены отмели и впадины безбрежного океана риторики. Л.К. Граудина не подменяет научно-популярного изложения популяризаторством.

Список авторов занимает несколько страниц, но главное его достоинство не количественная характеристика, а качественное и тематическое разнообразие (писатели, ученые, юристы, представители духовенства). Оно дает возможность использовать хрестоматию в общеобразовательной школе, специализированных учебных заведениях, вузах и делает её актуальной для представителей различных профессий. Сочетание оценок, рекомендаций, образцов и риторических трактатов, раскрывающих трехсотлетнюю отечественную традицию развития науки о красноречии, выводит книгу из разряда методических пособий.

Хрестоматия включает четыре раздела. Первый – "Истоки риторики" – благодаря фрагментам из работ мыслителей античности (Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана) дает возможность увидеть, что лежит в основе различных риторических систем, так как "Труды Аристотеля, Цицерона и других авторитетов античного мира оказали огромное влияние на тех, кто создал риторику в России. Поэтому понять сущность и структуру первых отечественных сочинений, учебных руководств по красноречию невозможно без знания трудов античных авторов" (Указ. соч. С. 8). Второй – "Общая теория красноречия" –

раскрывает опыт отечественного преподавания искусства речи на примерах трудов ученых России. "В этот раздел вошли выдержки из наиболее авторитетных отечественных руководств по красноречию и риторик второй половины XVIII–XX вв." (Указ. соч. С. 38): Ломоносова, Третьяковского, Сперанского, Рижского, Никольского, Мерзлякова, Кошанского, Галича, Буслаева, Зеленецкого и других. Третий – "Роды и виды красноречия" – знакомит с уже упоминавшимися разновидностями красноречия и их использованием в разных профессиональных и социо-культурных сферах. Желающему верно построить тактику своего речевого поведения (будь он адвокатом, военным, носителем сана или кем-либо еще) помогут содержащиеся в разделе работы П.С. Пороховщикова, А.Ф. Кони, К.Л. Луцкого, Я.В. Толмачева, Е.Б. Фукса, А.С. Шишкова, сборник "Цветник духовный: Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых" и другие авторитетные источники. Четвертый – "О чистоте, благозвучии, ясности и силе слова" – характеризует взгляды писателей и ученых XX века на язык и способы эффективного обращения с ним, "риторические идеи представлены в высказываниях писателей и ученых XX в. Автор-составитель отбирал только те тексты, фрагменты из статей писателей и деятелей науки, в которых развиваются идеи, наиболее характерные для риторического учения" (Указ. соч., С. 490). Этот аспект красноречия достойно представляют К.Д. Бальмонт, А.Н. Толстой, К.А. Федин, К.Г. Паустовский, С.Я. Маршак, К.И. Чуковский, С.П. Антонов и Д.С. Лихачев.

Такая композиция дает полное представление о развитии риторики в России (включая античную предысторию) XVIII–XX вв. и позволяет читателю свободно ориентироваться в ней, отбирая тот материал, который актуален именно для данного этапа преподавания или жизни.

В последнее время появляется масса пособий по риторике, к сожалению, многие из них – скороспелые компиляции. Но даже не будь этого серого фона, на котором достоинства истинного труда всегда видны отчетливее, книга Л.К. Граудиной не затерялась бы, так как безупречный языковой вкус, глубокие знания и кропотливая работа автора ставят её в ряд значительных не только чисто методических или лингвистических, но и культурных событий.

А.А. Шунейко,
кандидат филологических наук

НОСТАЛЬГИЯ ПО СТАРОЙ ОРФОГРАФИИ

Б.З. БУКЧИНА.

кандидат филологических наук

13 мая 1996 г. в Петербурге в музее А.С. Пушкина прошла 1-я научно-практическая конференция "Судьба русской орфографии". Конференция была организована "Обществом возрождения духовных традиций Руси". Приняли в ней участие ученые, представители духовенства, общественных организаций из Петербурга, Москвы, Петрозаводска. Программа конференции была напечатана по правилам старой, дореволюционной орфографии. Она включала в себя 16 докладов, в том числе и таких: "Буква ять как смысловая опора в отечественной письменности", "Духовная суть введения новой орфографии", "Церковь и новая орфография" и др.

В обращении "Общества" говорится, что оно «озабочено состоянием русского языка и считает неперменным условием его возрождения – возвращение к исторической русской орфографии, насильственно разрушенной большевистскими декретами 1917–1918 гг., якобы "в целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты"». И далее: «...русская орфография уходила постепенно, вместе с ее носителями, оставаясь жить в эмиграции и старых книгах. Так же постепенно, без

лишнего нажима, она могла бы и возродиться через обучение новых поколений русских людей, имея равные, до времени, права с исторической данностью – "советской орфографией"».

Любопытно, что один из докладчиков отметил: "учителя чаще всего борются за упрошение языка" (!) Очевидно, он, в отличие от учителей, не различает язык и орфографию.

Другой выступавший заявил, что в результате ленинского декрета произошло разрушение классической школы.

Итог конференции – подписание договора о совместной деятельности с некоторыми петербургскими издательствами, в котором предусмотрены различные направления: изготовление шрифтов, специальных программ для обеспечения перевода современных текстов на старую орфографию.

В решении также предлагается выпустить "Полный русский орфографический словарь" П. Ромашкевича. Может быть, инициаторов издания именно этого словаря привлекло в его названии слово "полный"? На самом же деле первое издание этого словаря называлось "Русский орфографический словарь", составлен он преподавателем Курской гимназии и выпущен в Курске в 1881 году. Второе издание, как отмечено в предисловии, "почти вдвое дополненное, совершенно переработанное", – названо "Полным орфографическим словарем" и выпущено в 1886 году. Словарь этот далеко не лучший среди орфографических словарей, выпущенных до 1918 года. Так, в рецензии З. Опокова "Несколько замечаний о существующих русских словарях" отмечена неполнота словника этого словаря, присутствие многих слов "неупотребительных в речи и наличие разнописаний". В словаре приводятся такие орфографические варианты, как *шепот* (*шопот*), *шеколад* (*шоколад*), *реторика* (*риторика*), *пугвица* (*пуговица*) и мн. др.

А ведь существуют более совершенные дореволюционные словари. Например, "Справочный словарь по новейшему русскому правописанию", составленный Ф.И. Разыграевым, "Словарь русского правописания. Полная отечественная орфография с прибавлением правил правописания и списком слов на букву *ять*". Составитель С.Н. Алексеев (1899). В 1914 г. вышел в Москве "Орфографический словарь учебный и справочный... с приложением правил правописания. Составлен по академическим и другим словарям и дополнен по Гроту "кружком преподавателей" под ред. Ив. Сахарова".

Орфографических словарей было достаточно много. Но следует учесть, что законом для пишущих является только тот словарь, который соответствует действующим, современным орфографическим правилам. Устаревшие же орфографические словари представляют интерес только для специалистов.

Кроме того, согласованности среди различных дореволюционных

(дореформенных) словарей не наблюдается. Возможно, причина в том, что издавались они, порой, по частной инициативе и, естественно, не были включены в какую бы то ни было лексикографическую программу.

Если же участники конференции более всего были озабочены восстановлением буквы *ять*, то могли бы воспользоваться словарями со словами с буквой *ять*. Словари такие выпускались, потому что полных правил для определения, когда надо писать букву *ять*, не могло быть. Слова с *ять* большей частью следовало запомнить.

Сейчас, когда прошлое кажется лучше, чем настоящее, у многих – в том числе и весьма интеллигентных – людей появилась мысль: а не вернуться ли к старой, дореволюционной орфографии? Они (за редким исключением) не учились по старой орфографии и не знают истории буквы *ять*, и, возможно, поэтому им представляется, что отмена буквы *ять* была покушением на русскую культуру, посягательством на русский язык со стороны большевиков. Такие высказывания можно услышать от отдельных "ревнителей" русской культуры.

Следует, очевидно, напомнить, что в русском алфавите издавна существовали буквы, имеющие одинаковое (тождественное) назначение, например, *и* и *і*, *ѣ* и *ѥ*, *ѣ* и *е*. Такие буквы повторяли друг друга. Известно также, что и до 1917 г. делались попытки печатать книги без лишних букв. Некоторые дублирующие буквы были удалены из русской азбуки Петром I.

На протяжении XIX в. лишние буквы медленно отмирали. Сокращалось и число слов, пишущихся с *ять*. Однако это был процесс стихийный. И только декреты 1917 и 1918 гг. положили конец этому медлительному процессу, освободив русское письмо от букв *ѣ*, *ѥ*, *ѣ* и *ѥ* (в конце слов). Декрет 1917, 1918 гг. был подготовлен Академической комиссией во главе с академиками Ф.Ф. Фортунатовым и А.А. Шахматовым, которая была создана еще в 1904 году. Революция только ускорила осуществление этой необходимой реформы.

Поскольку идею возвращения к старой орфографии докладчики конференции связывают прежде всего с восстановлением буквы *ѣ*, приведем краткую историческую справку для тех, кто не знаком с её историей.

Еще в середине XVIII в. литературное произношение различало звуки, обозначаемые буквами *ѣ* и *е* (правда, только под ударением и только в высоком стиле). Буква *ѣ* соответствовала дифтонгу [иэ], а буква *е* – звуку [э]. Так, например, В.К. Тредиаковский писал, что *ѣ* произносится подобно сочетанию латинских *ie*.

Но уже к началу XIX в., в связи с разрушением высокого стиля как особой замкнутой языковой системы, имеющей свои произносительные

нормы, была устранена из языка особая фонема ѣ = [йэ]. Вместо нее и в высоком стиле стало произноситься [э] (т.е. так же, как во всех других стилях). Буквы ѣ и е совпали по своему значению. "Буква ѣ, потеряв настоящий свой выговор, походит на древний камень, не у места лежащий, о котором все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древний и некогда нужен был для здания" (Д.И. Языков).

До декретов 1917–1918 гг. демократическая интеллигенция высказывалась против "ятевой" орфографии: ведь буквы ѣ и е имели одну и ту же функцию, обозначали один и тот же звук.

Противниками буквы *ять* были ученые, учителя, крупные методисты (например, В.П. Шереметевский). Как ни парадоксально, предполагаемое освобождение от буквы *ять* сравнивали даже с освобождением от крепостного права. Приведем лишь некоторые высказывания: "Лучше, конечно, если бы с этим корневым было порешено так же, как и с крепостным правом, кормившим немногих, а вред приносившим целому государству. Предписать официально учителям – не считать за ошибку в ученических тетрадах отсутствие ѣ в корне – и все с плеч долой. Тогда время и деньги, идущие на содержание этой глисты, нашли бы для себя лучшее и более полезное употребление" (И.А. Нигпарт, 1877); "Достаточно вспомнить, сколько времени и сил поглощает этот архаический иероглиф у детей, чтобы без преувеличения назвать его бичом элементарной школы" (1900).

Или: "Вот еще буква бесполезная, но которая, как пронырливый лицемер или хлопотливый бездельник, сделалась не только нужною, но необходимою, полезною – она одна может дать вам патент на звание грамотного и ученого человека – только узнайте наперед, где ее употреблять" (П.Л. Яковлев, 1828); "...Но так как эта буква все-таки лишняя, то самое существование ее, несмотря на урегулирование употребления ее разными правилами, является традиционным. Самые правила употребления этой буквы основаны не на свойствах языка... а на обычае" (А.П. Соболевский. Журнал "Русская школа", 1900).

Разграничение написаний ѣ и е не поддержано никакими живыми соотношениями в русском литературном языке.

Всякое рациональное письмо должно исходить из принципа: каждый звук обозначается всюду одной и той же буквой.

Изменение написаний неизбежно. Оно происходит даже в строго традиционных орфографиях, например, во французской.